Пол Ди Филиппо

РАБОЧИЙ

Вершя борьбы в киберпанковской фантастике!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Киберпанк был ШОКОМ.

Стимпанк стал ВЗРЫВОМ БОМБЫ!

Но «лучшему из лучших» стимпанка Полу Ди Филиппо показалось МАЛО И ЭТО.

И тогда он создал… РИБОФАНК.

Читай: «рибо» – от рибонуклеидов, а «фанк» – от музыки!

Итак. Мир, в котором ведущие из наук – БИОЛОГИЯ и ГЕНЕТИКА.

Мир, в котором клоны – давно пройденный этап цивилизации.

Здесь телохранитель несет в себе звериные гены, полиция охотится за генодилерами, в море обитают ВЕСЬМА СТРАННЫЕ полулюди… а все остальное – по-прежнему РОК-Н-РОЛЛ!

- Пол Ди Филиппо
  - Рибофанк
  - Однажды в Телевизионном Городе
  - Работяжка
  - Петушиный бой
  - Большой Едок
  - Шунт
  - Пеленка
  - Бешеная помесь
  - Макгрегор
  - Атака на мозг
  - Уличная жизнь
  - А вот и не слабо!
  - По больной реке
  - Любимый компонент
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

○ 12
○ 13

Пол Ди Филиппо

Посвящается всем, разделявшим со мной генофонд и вносившим в него свою лепту, прямо или косвенно, ныне или присно. А еще – Деборе, моему товарищу и соэкспериментатору во всем, что касается биологии.

Рибофанк

Биология исключительно хорошо усваивается. Она дает ряд широких экспериментальных обобщений, а затем позволяет согласовывать или устанавливать с ними связь бесконечно многообразных феноменов. Прожилки зародыша в яйце, нервные движения нетерпеливой лошади, уловки мальчика, занятого счетом, инстинкты рыбы, поганка на корне садового цветка и слизь на сырой приморской скале – десятки тысяч подобных явлений служат доказательствами и соответствующим образом освещаются. И эти обобщения не только захватывали своими щупальцами и собирали воедино все факты естествознания и сравнительной анатомии, они всегда как бы распространялись все дальше на мир интересов, лежащих за их законными границами.

Герберт Уэллс. «Анна-Вероника».

Биология – естественная область противоречий, точно так же, как физика – область единства.

Фримэн Дайсон. «Бесконечность во всех направлениях».

Физика – это частный случай биологии.

Джон Касти. «Комплексификация».

Однажды в Телевизионном Городе

Ну чего вы, чуваки? Чего? Я ж не рыпаюсь, я паинька, так зачем же вы лазики на меня наводите? И не денусь никуда отсюда, ноль шансов – стоит ли меня сторожить, как помесь дикую?

Извини, чувак, паршиво слышу – у твоего летика движок слишком шумный. Как я попал сюда, интересуешься? Да просто залез. Ну, твой-то вопрос – легкий. А вот у меня потруднее найдется. Вот был я типа Кинг-Конг навороченный – был, да сплыл. Так как же, черт возьми, я теперь отсюда выберусь?

А ведь еще совсем недавно, в шесть часов самого что ни на есть рядового субботнего вечера, сидел я в метамолочном кафе под названием «Лачужка-развалюшка» и пенял на судьбу, имея на то оченно даже веские основания. Эх, до чего ж я измельчал – ни на ангстрем разницы между мною и силикробом. Ни чувы у меня, ни шайки, ни капу сты. И ноль шансов обзавестись либо первой, либо второй, либо третьей. От такой беды одно спасение – залить за воротник новейший токсомозгодрай из ассортимента старушки «Лачужки».

Так вот, стало быть, потребовал я у столика карту напитков. «Багий кисель», «коктейль-молот» – все старье. Только одно незнакомое пойло – «беспроблемин-супер». Заказал порцайку, и прибыла она в виде чашки молока, охлажденного и вспененного да присыпанного молотой корицей. С напитком я в два глотка расправился – прямо скажем, не фонтан, обыкновенная смесь синтепротеинов и нейротропинов, бульончик из длинных молекул, воплощенное представление какого-то биобрухо о рае в блистерной упаковке.

Короче, никакого эффекта, кроме ощущения, будто полость за глазами наполнилась ракетным топливом. И по-прежнему личные перспективы смотрятся ничуть не привлекательнее бритой крысиной задницы.

В том-то и беда, что подаваемые в кабаках тропы и строберы – детские игрушки. Хочешь ловить ядреный кайф, закидываться настоящей крутой дурью – прибивайся к шайке, и желательно, чтобы в этой шайке был лепила, гордящийся стерильностью своего инструментария. Подходящих банд много – я бы затесался к ферментам, или к баянистам, или в шайку Созвездие Кита, или на худой конец примкнул к орто.

Но, как уже сказано, не попал я ни в одну такую «организацию», и нет надежды когда-нибудь попасть. Да и не больно-то стремлюсь, ежели честно. Слишком токсичны, на мой

вкус, все эти гоп-компании.

И вот сижу я в баре, в черепушку будто жидкого кислорода под завязку налили, точно я – не я, а готовый к аварийному старту «Челленджер». И будущее свое вижу в еще более мрачных тонах, чем до того, как обнулил башлятник бесполезного пойла ради. Слизываю со стакана коричный ободок – и тут заходит не кто иной, как Касио, мой старый чувак.

Вообще-то Касио не старый, моложе меня, ему пятнадцать. Он тощий и бледный, и прыщей на нем побольше, чем на работяге с диоксиновой фабрики. Хотя мог бы и нормальную кожу иметь – если б не забывал регулярно мазаться эпикремом. Он носит в каштановых волосах несколько привитых нитей оптоволокна, щеголяет жилеткой из имиполекса, пузырящейся, точно грязевой вулкан, и дюжиной желейных браслетов на левом запястье.

– Диз, привет! – Мы с Касио стукнулись кулаками. – Как оно, твое «ничего»?

Касио тоже ни в какой банде не числится, но он по сему поводу озабочен меньше моего. Всегда на подъеме, всегда счастлив, рот до ушей. Может, это из-за музыки – сколько помню Касио, без нее он ни шагу. Если чего-то по жизни не хватает – он это «что-то» всегда может найти в музоне. Ни разу еще не унывал при мне. Порой даже подмывает хорошенько врезать ему по довольной физиономии..

– Да не здорово, чувак. Жизнь пуста, как брюхо у тайваньского ребенка, что кишечный зет-вирус подцепил.

Касио придвинул стул к столику.

– С Шаки-то у вас как, все нормалек?

Я застонал. Дернул же меня черт нагородить приятелю вздора про свои отношения с Шаки! Не иначе, в тот злополучный день крыша моя не на месте была.

– Сделай одолжение, выброси из головы эту чушь!

Не было между мной и Шарлоттой ничего, усек?

Касио напустил на себя недоуменный вид:

– То есть как это – ничего не было? Ты же так убедительно доказывал, что теперь она – твоя чува…

– Нет, старик, ты все не так понял. Забыл – мы ж тогда здорово вмазали? Ну, и поперло меня…

Из жилетки Касио вылез длинный качающийся стебель, разросся в шар, рассосался.

– Да ты чего, Дез? Я ж и раньше знал. Только и разговоров во всем Тиви-Сити – про тебя да про Шаки.

У меня сердце раздулось, как бицепс метастероидного уродца, и в горло прыгнуло.

– О нет! Чувак, скажи, что это неправда!..

– Прости, Дез, не хотел тебя расстроить…

Ну, я попал! В аэрорыбью пену, да по самые ноздри!

Шаки – это подружка Турбо. А Турбо – вожак боди-артистов. Боди-артисты – самая крутая банда в Телевизионном Городе. А я – просто грязь между их вечно босыми пальцами ног.

Я отодвинулся вместе со стулом от столика. Что-то в «Лачужке-развалюшке» вдруг сделалось душновато. Ведь каждому известно, что я здесь завсегдатай.

– Касио, я прогуляться не прочь. Ты как?

– Ага, конечно.

Т-стрит – длинный бульвар, проходящий с севера на юг. Шириной он с бывший Парк Ужасов, что в Тиви-Сити считался главным пугалом. Бульвар протянулся от 59-й аж до 72-й и был набит гражданами-полноправами и недогражданами-неполноправами, андроморфами и гиноморфами, кибами и трансгенами, и все ожидали урочного часа, апогея субботней ночи, когда зазвучит гимн города. К одиннадцати уже повсеместно будет искрить, мерцать и полыхать, но в такие ночи Тиви-Сити, весь залитый янтарно-красно-зелено-синим неонеоном, лично мне кажется малехо старомодным. А ведь мини-городу на берегах Гудзонова залива всего-то навсего тридцать лет, ничто по сравнению с возрастом остальных районов Нуэво-Йорка, однако он уже начинает сдавать. Я попробовал себя представить вдвое старше, чем я есть, – пожалуй, к тому времени и сам начну скрипеть суставчиками.

Впрочем, каракули, которыми уличное хулиганье покрывает все доступные плоскости, не дают городу хоть чуточку уподобиться любому другому. И пускай свежее граффити посыпают багами-краскоедами, не помогает это ни шиша – мазилки спешат по следам уборщиков и все восстанавливают. Мы с Касио миновали уйму таких лозунгов, вот лишь некоторые из них:

Если хочешь быть мужчиной, заимей конец с пружиной.
Мы не мастурбируем, мы мозги стробируем.
Ты беден? Ты бледен? Ты съеден!
У сына Пса нет ни синапса.
Не надо позировать – надо дозировать.
Нет преград для разума, окромя маразма.

– Дез, а куда мы с тобой чапаем? – поинтересовался Касио, отстегнув, чтобы меня угостить, браслет.

– Да никуда конкретно, – ответил я, набив рот

потоусваивающим симбионтом со вкусом земляники. – Так, похиляем по улицам, может, прикольное что-нибудь попадется.

При этом я задавался вопросом: стоит ли возвращаться домой? А ну как там меня поджидает Турбо со своей гопой, чтобы осведомиться, чего это я так разболтался насчет его пассии.

Вскоре мы набрели на какого-то чувака – он приткнул к обочине тачку с убранным верхом. Парень этот тыкал отверткой в керамическую панель энергозаправки, как будто надеялся ее починить!

– Малайская модель, сто тридцать две лошадки? – спросил Касио.

– Угу, – ответил парень хмуро.

– Говорят, дрянь страшенная, дерьма багьего не стоит.

Чувак от таких слов взбесился, замахал на нас отверткой:

– А ну, брысь отсюда, шпана недоделанная!

Касио сорвал с руки браслет, запустил им в незнакомца, крикнул мне:

– Ноги!

Мы рванули. За углом остановились отдышаться.

– Что это было? – спросил я.

– Да так, пустячок. Тухлые яйца и суперлипучка.

Мы чуть животы не надорвали от хохота. Потом пошли дальше. Пристроились на хвост двум гулам из Океанлага, судя по казенной одежке, только что к нам перебрались с островов для перемещенных лиц. Хотели развести лохов на башли, но у них такая дикая феня – даже не придумали, как подойти.

– Ну чего, теперь на джипни – и в фавелу?

– Нет, мон, сначала хочу хавануть рамена.

– Где надыбаем?

– А лапшемет закоротим.

– И – в зеки? Ты чего, компанеро, прикалываешься? Под мангу косишь?

Заметили жирнягу, потащились следом – надо же разобраться, мужчина или женщина. Облачено это чудо-юдо было в такие просторные шелка, что хватило бы на целый клуб парашютистов, а походочка – ну совершенно бесполая. Оно свернуло в шлемокайфятник на 65-й – наверняка там была назначена встреча с клиентом.

– Терпеть не могу жирняг, – сказал Касио. – Зачем набирать весу больше, чем для здоровья полезно, да еще если никто тебя не заставляет?

– А зачем ходить с угрями, если можно без них обойтись?

Касио, похоже, обиделся:

– Так ведь это, Дез, совсем другое. Я просто забываю про

крем. Не нарочно же.

Мне сделалось перед Касио неудобно. Это ж мой единственный кореш, и он сейчас рядом, а ведь меня разыскивает Турбо, и коли разыщет – влететь может не только мне. А я себе позволяю такие грубые приколы!

Я обнял Касио за плечи:

– Прости, чувачок. Давай будем считать, что я ничего не говорил. Стерли, ладно? У тебя башли есть?

– Есть маленько…

– Ну, так пошли потратим! С того, что тратишь, налогов не платишь, верно же? Махнули в клуб «ГаАс»!

Касио повеселел:

– Давай! Там всю ночь «Не врозь» играет. Может, Джинко даст мне полабать.

– Козырно звучит! Айда.

Над нашими головами проносились на своих летиках нейромусора – и частные, и муниципальные; даже с такой большой высоты турбореактивным выхлопом нам обдувало шеи. Чувак стоит в летучей клетке, рука в перчатке сжимает палочку-пришибалочку, на морде – «совиные зенки». Порхает этакое чучело над Тиви-Сити, высматривает, где какое безобразие или несообразие намечается, и коршуном вниз – не допустить или устранить. Если поступит команда от градонадзора, то и шокер свой паскудный в ход пустит, и даже лазерную трубку.

Клуб «ГаАс» занимал энную часть миллиона квадратных футов в здании, вмещавшем некогда старинную телевизионную сеть, от которой Тиви-Сити унаследовал название. С тех пор, как метамедиум поглотил свободные телеканалы, домина стояла необитаемой. Клуб «ГаАс» не в счет – он ведь не платил за аренду.

Мы дали в дверях на лапу хмурому анаболическому качку и прошли.

В клубе «ГаАс» имиполексные стены – они корчатся, как жилетка Касио, биоморфные рябь и усики так и пляшут.

Было еще совсем рано, около восьми, на эстраде только что разместился «Не врозь». С Джинко я встречался лишь однажды, но сейчас сразу узнал его, несмотря на зеленую кожу и листовую шевелюру. Касио поднялся к нему побазарить, а я сел у стены за столик и заказал пивчик-живчик.

Ко мне вернулся Касио:

– Прикинь, Джинко разрешил мне сесть за мегабасы!

От пива я расслабился, даже почти забыл про свои проблемы.

– Козырно, чувак. Глотни-ка живчика – бабульки-то твои.

Касио сел рядом, и мы с ним побазарили, точно в старые

добрые времена, когда мы – сопляки, школьники – трескали свои порцайки мнемотропинов, как хорошие маленькие нарики.

– А помнишь, кто-то в учительской столовке подлил в компот «мартышку-шалунишку»?

– Ага. Столько преподов резвились, ну точно базобезьяны в брачный сезон – умирать буду, вспомню. Миссис Спенсер, та вообще к потолочным балкам прыгала…

– Эх, молодость, молодость!

– Дез, а я ведь моложе, чем ты. Мне тогда было одиннадцать, тебе – двенадцать.

– Да, Касио, но те дни уже стерты. Мы теперь взрослые, и у нас большие взрослые проблемы.

И стоило изречь эту мудрую сентенцию, как все проблемы снова на меня нахлынули, словно океанские волны на измененный Лос-Анджелесом калифорнийский берег.

Касио мне сочувствовал, это было видно, но вряд ли мог чем-нибудь пособить. Поэтому встал и сказал:

– Ладно, Дез, пойду-ка я поиграю.

Он отошел на несколько шагов, а затем скакнул обратно, будто его задницу и столик соединяла резинка. Впрочем, вовсе даже и не будто.

– Постой-ка миллисекундочку, – сказал я. – Жилетка твоя со стенкой спарилась. – Я вынул карманный лазик и перерезал отросшую от стены псевдоподию.

– Спасибо, чувак, – поблагодарил Касио и отчалил.

А я остался сосать пивчик-живчик и ждать, когда подготовится «Не врозь». И вот наконец шлейфы размотаны, проверены мегабасы и другие инструменты, все лабухи переоделись в хитовые костюмы, и грянула оригинальная композиция «Эфферентная Элли».

Через сорок пять минут и еще два пива, с похвальной чуткостью заказанного для благодарного друга оркестра, я вышел на оптимальный даунлинк с Касио и чуваками из «Не врозь». Чувствовал, как пузырится во мне музыка, точно какой-нибудь звуковой троп. Я постукивал ногой, покачивал-потряхивал головой, будто в спазмах, будто на нервах вдруг миелин растворился; до того заторчал, что даже не заметил, как меня окружила шайка Турбо.

Когда закончилась очередная тема и у меня прояснился взгляд, нарисовались все они: Турбо, его чувиха Шаки, обнимавшая его за талию, Джитер, Хек, Пабло, Мона, Вел, Зигги, Перец, Ворота, Зейн и уйма других – я даже кличек их не знал.

– Ка-ка-как ваше «ничего», чуваки? – спросил я.

А они молчат, физии каменные, как у дешевого

тьюринговского робота первого уровня с барахлящими контурами мимикрии. Что до меня, то я пальцем не мог шевельнуть от страха. Мог только смотреть.

Все боди-артисты были голые, если не считать спандексовых ремней – и у пацанов, и у девчонок. Это для обеспечения требуемого экстеро– и интерорецепторногс ввода. Кожа в пятнах коричневого загара – на манер жирафьей шкуры. Тела стройные, поджарые. А мышцы до того рельефны – хоть анатомию по ним изучай.

По чью душу они сюда явились и с какой целью, не было для меня вопросом. Боди-артисты – первая банда в Тиви-Сити. Самая сильная, самая коварная, самая навороченная свора мозгостроберов из всех свор, которые когда-либо бегали по тросам или лазали по столбам. Да с кем их вообще можно сравнить? С векторами? Это жалкая кучка чмошников, тратящих свою жизнь на сон в матпространстве. (Я не верю хвастливым утверждениям будто они способны исчезать в четвертом измерении.) С хард-и-нейро? Шизанутые мясорубки, негативы своих соперников евнухов. С даонами? Ребята неплохие, но я не разделяю некоторые их взгляды. Писать в штаны и называть это сатори, гм… Со слюнявчиками? Нет, вечное детство – не перспектива. С ампутаторами? Отрубать от себя куски и снова их приращивать, чтобы убедиться в своей нечувствительности к боли? Ну-ну… Стройняшки? Толпа ходячих скелетов. Голобезьяны? Нет уж, и так одни мартышки кругом, не подписываюсь. Юные патриутки? Еще чего, больно охота всю жизнь нырять в расовую память!

Нет, если кто и способен переплюнуть боди-артистов за те же денежки, так это лишь адонисы или сапфо, но у них в черепушках такие баги ползают, что и представить нельзя – от ужаса напрочь рецепторы заблокируются.

Ну, зато вам-то не сложно представить, как я себя чувствовал в фокусе недоброго внимания боди-артистов. Эх, если бы ребята явились сюда, чтобы зазвать меня в свою компанию!.. Но ведь у них другая затея – выпустить мне потроха…

«Не врозь» грянул новую тему. Касио увлеченно наяривал, все на свете забыв; в мою сторону он даже не косился. А если бы покосился и понял, что происходит, то ничем бы не смог помочь.

Турбо с картинной грацией сел напротив меня, усадил Шаки к себе на колени.

– Ну что, Дез, – произнес он холодным, как сверхпроводник, голосом, – ходят слухи, что ты теперь у Шаки тайный любовничек?

– Что ты, Турбо, ни в коем разе! В этой мессаге – ни единого

слова правды! Клянусь!

– Да я тебе верю, чувак, – ухмыльнулся Турбо, и они с подругой перевились туловищами, как две спирали ДНК. – Для такого ультрамачо, как ты, наша Шаки недостаточно клевая.

Посмотрел я на Шаки – и встретил взгляд, полный равнодушия. Возникло такое чувство, будто я авокадовую косточку проглотил. Шарлотта Тэч – суперклассная цыпочка камбоджийско-гавайских кровей, ее предки иммигрировали в Тиви-Сити, когда япошки создали Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сообщество и всех бывших граждан прогнали взашей из прекративших свое существование государств. У нее зеленые глаза, точно лампочки дисководов, и аппетитные грудки цвета крепкого чая.

Оглядев меня с ног до головы, она принялась любоваться собственными ногтями. А потом, не шевельнув ни единым мускулом (по крайней мере, если и шевельнула, я этого не заметил), она громко, перекрывая музыку, щелкнула каждым суставом каждого пальца.

Я проглотил скользкую косточку и проговорил:

– Нет, Турбо, она для любого клевая!

Турбо наклонил голову к Шаки.

– Так-то оно так, Дез, но есть одна проблема. Шаки с любым не ляжет. Она даже ни с кем из боди-артистов не ляжет, кроме меня. А если ты попробуешь на нее залезть, она запросто отщипнет тебе яйца. Усек?

– Да усек, конечно, усек.

Турбо свинтился с Шаки.

– Ну что ж, с этим мы разобрались, но остался другой вопрос: что нам делать с великим умником, который вздумал трубить на весь свет, что он терся с боди-артисткой?

– Турбо, только давай без фуфла! Ничего я такого не…

– Заткнись, я думать буду.

Пока Турбо думал, все его мышцы шевелились – как будто под кожей ползали змеи.

Выгнав из меня шлаки вместе с потом, Турбо сказал:

– Полагаю, честь нашей организации будет спасена,

если мы тебя затащим на мост Джорджа Вашингтона и…

– О, радиационные отходы! Турбо! Чувак, кореш, ну что ты, в самом деле?! Какая необходимость…

Турбо поднял ладонь, заставив меня умолкнуть:

– Но нас могут замести экомусора – за сбрасывание дерьма в реку.

Все боди-артисты от души поприкалывались над этой шуткой. Я пытался поржать заодно, но вышло только жалкое «хи-хи-хи».

– А с другой стороны, – кисть и предплечье поднятой руки Турбо описали дугу в двести семьдесят градусов – в той же плоскости, где находилось плечо, – если хочешь стать боди-артистом, то знай: твоя кандидатура всегда была в списке, даже когда ты разбрасывался своими дурацкими похвальбами.

– Ой, правда?! Турбо, да! Я согласен! Ты даже не представляешь, как я…

Турбо вскочил на ноги, да так резко, что Шаки кубарем покатилась через весь клубный зал.

– Джитер, Хек! Будете эскортировать кандидата. Эй,

все! Возвращаемся в сеть!

Мы вылетели из клуба «ГаАс», как пробка из бутылки с шампанским. У меня кружилась голова, точно польская космическая станция. Я с боди-артистами! Просто не верится! И плевать, что я не знаю, куда лежит наш путь. Пускай даже они меня втянут в авантюру и до конца жизни придется штрафы платить! Я не рыпаюсь, я – паинька!

Город мне теперь казался воплощенной психоделической сказкой, порождением буйной фантазии голобрухо. Средиземьем, Волшебной Страной, Небесами Обетованными. А воздух-то до чего холодный! Как робопаранейроны на моих голых руках.

Мы двигались на восток, к прибрежному парку. Я вскоре не выдержал бешеного темпа, приотстал. Но Джитер и Хек вернулись, подхватили меня под руки, и мы понеслись дальше.

Вскоре очутились среди деревьев. Бежали по безлюдным аллеям под грязными натриевыми лампами. Справа тянуло запахом Гудзонова залива. Над головами ревели турбинами полицейские, но до нас им, похоже, не было дела.

Наконец мы остановились в темном местечке, под неработающим фонарем. Последние полмили Джитеру и Хеку приходилось меня нести; я еле дышал, а никто другой даже не запыхался. И вот я снова на ногах.

Кто-то нагнулся и потянул кверху металлический люк со сломанным замком. Боди-артисты спустились один за другим. Я, волнуясь, точно ребенок, впервые в жизни закидывающийся тропом, тоже полез вниз, зажатый с боков Хеком и Джитером.

Тиви-Сити занимал сотни акров земли, которая раньше полого спускалась к Гудзонову заливу. Восточная половина Телевизионного Города была построена на твердой почве, а западная стояла на огромной платформе, возведенной над путями для магнитолевитационных поездов транспортной компании «Конрейл».

Спустившись на пятнадцать ступенек, я увидел подбрюшье Тиви-Сити в свете нескольких заключенных в защитные клетки

ламп: ржавое созвездие заклепок в чешуйчатом стальном небе. Лестница уперлась в двутавровую балку шириной с мою ладонь. Я осторожно сошел на нее, но отпустить лестницу не рискнул. Поглядел вниз.

Там, в сотне футов, бесшумно делал сто восемьдесят миль в час освещенный поезд.

Я полез назад.

– Ты куда это, чувак? – поинтересовался сверху Хек.

– Обратно… А разве мы не?..

Я возвратился на двутавр, сделал два вихляющих шажка в манере слюнявчика, осторожно лег и обвил железя-ку руками и ногами.

Хек и Джитер не уговаривали меня подняться. Как бежали бок о бок, так и дальше побежали, буксируя бедолагу Деза точно вагон по монорельсу. Мне оставалось только закрыть глаза и молиться.

Наконец я почувствовал остановку. А затем меня подняли, словно куль. И в следующее мгновение отпустили. Я в ужасе прикинул, сколько лететь до земли или проходящего поезда, и каков будет удар в ощущениях. Если выживу – запросто можно будет в ампутаторы подаваться.

Лететь, как выяснилось, надо было считанные футы. До сети. Я врезался в нее, и меня подбросило. Несколько раз качнуло. Дождавшись неподвижности, я осмелился раскрыть глаза.

Боди-артисты находились здесь же – кто стоял, кто лежал в хитросплетении тросов из углеродного волокна. Каждый великолепно сохранял равновесие. С красивого лица Турбо не сходила улыбочка пожирателя радиационных отходов. – Добро пожаловать в сеть, кандидат. А ты не так уж и плохо держишься. Знавал я чуваков, которые в обморок падали, когда впервые оказывались на нашей лесенке. Сейчас мы двинем дальше, не отставай.

И боди-артисты помчались по сети. Им каким-то образом удавалось координировать и компенсировать сотни самых разнонаправленных импульсов; каждый шаг делался стремительно – и безошибочно. Как аэросерфингисты, они взлетали на гребни волн движения друг друга.

Что же до меня, то я ухитрялся как-то перемещаться, в основном на четвереньках.

Мы достигли платформы, прикрепленной к одному из гигантских столбов, подпирающих город. И там боди-артисты взялись за дело. То есть за ширяние крутой дурью.

Я и не подозревал о том, что Зигги – лепила у боди-артистов. А теперь вижу, как он шарится среди хромоварок и аминорезок,

точно рыба в ухе, и ясен пузырь: не кто иной, как этот биобрухо, поддерживает огонь в нейротопках моих новых корешей.

Пока Зигги трудился, мне оставалось только наблюдать, как трутся Турбо и Шаки. Понятное дело, они это специально для меня устроили, захотели сыпануть песочку в мои дюзы. Но я старался давить в себе чувства. Даже когда Шаки… Ладно, не буду описывать подробно, скажу лишь одно: такая поза в человеческом исполнении – это нечто из разряда невероятного.

Наконец пришел Зигги с чашкой неразбавленного багьего киселя.

– Отведай, чувачок, – проговорил он с гордой улыбкой творца, – чтобы маленько получше представлять себе, каково это – быть боди-артистом.

Смаковать неразведенный кисель не хотелось, поэтому я вылакал единым духом. Но даже от послевкусия едва не вытошнило.

Через полчаса я уловил перемену.

Я встал и двинулся по сети. Турбо и остальные принялись дергать тросы – кверху и книзу.

Но я удержался на ногах. Даже поднял одну. А потом встал на руки!

– Наш пацан! – саркастически произнес Турбо. – Мне и невдомек было, что ты такой козырный. Мы тебя ведь лишь самую малость подкрепили – экстеро, интеро и проприо. Ну, еще добавили миофибриллового усилителя и кой-чего для вывода токсинов усталости. И все это недолговечно, как любовь шлюхи. А сейчас – дуй за мной!

Турбо помчался по сети, я – вдогонку.

– Больше никто? – спросил я.

– Нет, Дез, только я и ты – верные кореша.

Мы спустились на землю. Я, когда без посторонней помощи чесал по двутавру, казался себе владыкой мира.

И снова мы промчались по улицам Тиви-Сити. В этот раз я без труда держался вровень с Турбо.

Впрочем, может быть, он просто не спешил, хотел, чтобы у меня создалось ложное ощущение безопасности. Я решил приглушить восторг и вести себя осмотрительнее – если получится.

Но вот мы остановились на южной границе Тиви-Сити. Перед нами высилась самая высокая хаза Нуэво-Йорка – сто пятьдесят этажей из стали и органобетона.

– Нам предстоит небольшое восхождение, – сообщил Турбо.

– Чувак, да за кого ты меня держишь? За Кинг-Конга навороченного? Стенка – зеркало!

– И так, и не так! В этом-то и прелесть старых постмодернистских зданий. Блеск нас замаскирует, а зацепок и опор тут достаточно, полезешь – убедишься.

Он взлетел по водосточной трубе на следующий этаж. Слишком резво – мне не угнаться.

Но зато я мог просто следовать за ним! Прикиньте, чуваки, мне это удавалось. Я сбросил обувь и полез за Турбо. Врать не стану, было страшно, но я словно обезумел, в экстазе был, витал в своей собственной микрогравитации.

Первые пятьдесят этажей сдались легко. Я карабкался за Турбо, смотрел, как он выбирает опору за опорой, и делал так же. Когда он улыбался мне, я улыбался в ответ. Даже смекнув, что он просто прикалывается.

Одолев треть пути, мы остановились отдохнуть на широком уступе. Вниз я не смотрел – хоть и приобрел великолепное чувство равновесия, все равно взгляд с такой высоты – что пригоршня песка в дюзе.

Площадка примыкала к освещенному окну, мы прилипли к стеклу и увидели робота-уборщика – он сосредоточенно пылесосил ковер. Мы постучали, но робот даже звукоулавливателем не повел. И тогда мы полезли дальше.

Достигли срединной отметки, и началось! Я подустал, торможу, а Турбо, наоборот, прибавил прыти. Я карабкаюсь, а он шастает вокруг белкой, корчит рожи да по заднице меня шлепает:

– Скоро ты сорвешься, Дез. Я тебя сюда специально затащил. Пальцем не тронешь Шаки, никогда в жизни не тронешь, усек? Так шмякнешься – ни хрена от тебя не останется, на молекулы разлетишься.

И тому подобное. Я внешне никак не реагирую, знай себе лезу. И тогда он говорит:

– Слышь, Зигги наш слабоват на голову сделался в последнее время. Мнемотропы забывает принимать.

Может, по рассеянности не рассчитал срок действия твоей дозы? Вот обидно-то будет, если ты сейчас скиснешь!

– Лажа! Ты меня разыгрываешь! – Я инстинктивно закрутил головой – а ну как Турбо тянется, чтобы схватить меня, оторвать от стенки, сбросить!

Он был ниже, висел головой вниз, зацепившись пальцами ног за край уступа.

Я увидел землю.

Подо мной раскинулся Тиви-Сити, он здорово смахивал на свою модель в одну сотую натуральной величины, такие в голостудиях можно увидеть.

Я замер. И услышал, как ломаются мои ногти.

– Что такое, Дез? Никак, скис?

Меня привел в чувство издевательский тон Турбо. Я не хочу падать! Не хочу слушать его токсичный смех, пролетая все эти десятки этажей!

– Наперегонки до самого верха, идет? – спросил я.

Тут он малость сбавил гонор:

– Незачем, чувак. Как лез, так и лезь. Только не пробуй одновременно схватиться за две зацепки.

Я и не пробовал – еще семьдесят пять этажей.

Крыша здания была украшена шпилем, окруженным узеньким помостом с перилами.

Я из последних сил пролез под перилами и сел, свесив ноги. Но мне происходили перемены, я это уже чувствовал, потому не удивился, когда Турбо сказал:

– Теперь уже точно все выдохлось, Дез. Я бы на твоем месте и думать забыл насчет спуска этим же путем. Да и мусора скоро явятся. Малолеткам за такие дела сроки пустяковые дают, через год откинешься, главное, будь паинькой и не рыпайся. А как выйдешь на свободу, заглядывай к нам.

И нырнул вниз головой, да еще напоследок вильнул мне задницей!

Ну а теперь я еще раз свой вопросик повторю. Я уже не Кинг-Конг навороченный. Как же, черт возьми, я отсюда выберусь?

Работяжка

Только что Работяжка спала – а в следующий миг сна ни в одном глазу. Одетая лишь в простенькую бежевую безрукавку, она поднялась с красно-черного узорчатого коврика перед дверью спальни на босые ноги, потянулась. Мистер Майкл – она это чувствовала – еще спал. Мистер Майкл очень много работает, ему необходимо отсыпаться. А вот Работяжка всегда встает рано, потому что ей надо много сделать по хозяйству. Если сегодня мистер Майкл поедет в офис, то она сможет там урвать часок сна. Но по утрам Работяжка всегда просыпается раньше мистера Майкла. Потому что такова ее служба.

Однако этим утром она не спешила покидать лежку. Этим утром пахло как-то необычно. Трепещущими ноздрями она потянула воздух. Беспокоящий запах проникал в коридор из спальни мистера Майкла. Может быть, в этом нет ничего плохого, но… кто его знает. Постучать или как-нибудь иначе разбудить мистера Майкла Работяжка не имела права. Впрочем, он и сам должен скоро подняться – у него очень плотное расписание. Может быть, тогда и выяснится, что это за запах. А может, и не выяснится.

Работяжка убрала за уши недлинные прядки бурых волос, привела в порядок шерстку на лице, вылизала под мышками – вот и весь утренний туалет. Теперь можно спуститься в кухню. Чтобы туда попасть, первым делом надо пройти длинным коридором. Там пол из мрамора с прожилками, по нему тянется длинный ковер с восточным узором. В каменных стенах – витражные окна. На востоке горит солнце, оттуда через стекла проникают лучи, рисуя на ковре разноцветные узоры. Работяжке нравятся эти узоры, потому что они напоминают мазки мармелада на поджаренном ломтике хлеба. Гренок с мармеладом – любимая еда Работяжки. Каждое утро она заказывает ее пищевому аппарату, лишь изредка берет яйцо, чтобы у меха не пропадал глянец. Сегодня она попросит гренок с мармеладом. У нее есть привилегии, и одна из них – есть то, что ей нравится. Когда она здесь поселилась, мистер Майкл так и сказал: «Работяжка, ты можешь заказывать пищевому аппарату все, что захочешь». И таким правом надо гордиться! В Училище приходилось есть, что давали тренеры. А мистер Майкл ей доверяет.

За следующей по коридору дверью находилась спальня, принадлежавшая жене мистера Майкла.

Работяжка собиралась миновать эту дверь без остановки, но вдруг услышала подозрительный шум: ритмичные стоны,

размеренное кряхтенье и какие-то регулярные глухие толчки. Она догадывалась, что это за звуки, но любопытство подсказывало: надо все же проверить.

Тяжелая дверная ручка из золота имела форму свернувшегося кленового листа. Над этой ручкой располагался пультик современного замка, а под – старомодная замочная скважина. К ней-то и приникла Работяжка карим оком.

Так и есть! Подложив под живот зеленую плюшевую подушку, на кровати лежит супруга мистера Майкла, сзади пристроился ее новенький андроморф, потомок бычьего племени. Пахнет смесью мужского и женского пота, а еще смазкой.

Работяжка при виде этой картины расстроилась. Нет, совсем не такая жена нужна мистеру Майклу. Оторвавшись от замочной скважины, Работяжка двинулась дальше по коридору.

Вот и конец ковровой дорожки, дальше – широкие ступеньки винтовой лестницы. Босым ступням холодно на голом мраморе – Работяжка спустилась бегом, На первом этаже она сначала пересекла большой вестибюль с бюстами на постаментах и растениями в кадках, с картинами в позолоченных рамах. Дальше – огромный салон, здесь принимают важных гостей и устраивают собрания-заседания. Кабинет мистера Майкла – стеллажи с книгами, массивный ореховый стол, плазменный экран во всю стену. Еще несколько комнат – и она в кухне, сияющей кафелем и хромом.

Обычно по утрам кухня пустовала. Правда, в дни официальных приемов тут спозаранку кипела деятельность, приглашенные повара готовили мудреные блюда, которые пищевому аппарату не закажешь. Работяжке не нравилось бывать на кухне. В такие дни она вообще не любила отклонений от распорядка. Хорошо, что сегодня – самое обычное утро.

Она подошла к пищевому аппарату.

– Пищевой аппарат, сделай мне гренок с мармеладом.

– Закончился хлеб, – ответила машина.

Закончился хлеб? Но ведь Работяжка настроилась на гренок с мармеладом! И хлеба еще вчера было много. Куда же он подевался?

– Почему закончился хлеб? – спросила она.

– Ночью жена мистера Майкла отдала хлеб Быку. У меня было три буханки. Все три буханки съел Бык. Вот почему больше нет хлеба.

Значит, это из-за жены мистера Майкла Работяжка сегодня осталась без гренка! Ее хлеб скормлен андроморфу!

– В десять утра начнет работать доставка хлебобулочных изделий, – сочувственно подсказал пищевой аппарат.

– До десяти утра я уеду вместе с мистером Майклом.

Меня не будет в десять утра дома. Надо съесть что-нибудь другое. – Работяжка подумала и решила: – Сделай мне кашу из кукурузных хлопьев, сверху – ложка мармелада.

– Мармелада нет. Бык и его съел, вместе с ореховым маслом.

У Работяжки непроизвольно сжались кулачки. Что за утро! Сначала этот запах из комнаты мистера Майкла, а теперь… Ей не нравились сбои в распорядке дня. Ладно еще – когда в доме повара, но ведь сегодня поваров нет…

– Тогда я съем яйцо, – сообщила Работяжка.

– Заказ принят, – отозвался пищевой аппарат.

– Может, и мармелад есть? Хотя бы на одно яйцо?

– Мармелада нет даже на одно яйцо.

– Тогда я съем яйцо без мармелада.

Работяжка села за стол с металлическими ножками и белым кафельным верхом. Пищевой аппарат выдал яйцо, Работяжка его съела и тщательно слизала с блюдца желток. У меха сохранится лоск, но ведь яйцо не такое вкусное, как мармелад.

Работяжка распорядилась, чтобы пищевой аппарат приготовил завтрак для мистера Майкла и его жены и накрыл стол в южной столовой. После этого она по коридорам и подсобкам сама прошла в южную столовую.

Там уже находился мистер Майкл, сидел за длинным полированным столом, читал газету, потягивал кофе.

– Доброе утро, – поздоровалась Работяжка.

– Доброе, – мрачновато отозвался мистер Майкл.

Работяжка содрогнулась: да что же это за день такой!

Мистер Майкл просто на себя не похож. Он слишком много трудится, подумала Работяжка. Слишком о многом ему приходится думать. Всё государственные дела – на свои просто времени не остается. Мистеру Майклу надо бы побольше заботиться о собственном здоровье.

Работяжка свернулась клубочком в его ногах, рядом со столом – отсюда ей будет видно все происходящее.

Прибыл завтрак. Жена мистера Майкла не пришла вовремя, тем не менее он приступил к еде.

Только когда чудесный бекон по-канадски, яйца всмятку и вареная на пару рыба остыли, жена мистера Майкла появилась в дверях.

Одета она была для поездки по магазинам: цвета слоновой кости пиджак – спереди коротко, сзади фалды аж до колен; голубая шелковая блузка, светло-желтая юбка, отороченная лентой с узором из тюльпанов. Чулки цвета голубой металлик, кремовые туфли на высоком каблуке. Дорогие духи не могли

укрыть от чуткого носа Работяж-ки запахи недавнего совокупления.

Жена мистера Майкла осторожно – как будто у нее что-то болело – уселась и принялась лениво ковыряться в тарелке. Некоторое время оба молчали. Потом мистер Майкл отложил газету – захрустевшую слишком громко для ушей Работяжки – и сказал:

– Сегодня из Вашингтона приедут важные люди. Захотят познакомиться с тобой.

– Какая скучища! И в котором же часу я должна их ублажать?

Мистер Майкл процедил, явно сдерживая гнев:

– В два.

– Попробую успеть.

Гнев вырвался:

– Уж попробуй! И попробуй только не успеть! Ты моя жена, и у тебя есть обязанности перед государством, точно так же, как и у меня.

– Никто меня не назначал на должность жены премьер-министра!

– Сама себя назначила, когда вышла за меня замуж!

И не спорь! Ты прекрасно знала, что я могу стать премьером, рано или поздно. Да черт побери, разве я многого от тебя требую? Изредка присутствовать на официальных мероприятиях. Думаешь, мне легко? Управлять целым континентом – по-твоему, пустячное дело?

– Ты рвался на эту работу. Я – нет.

Мистер Майкл сложил на груди руки, словно боялся, что они натворят бед. Исполненная сочувствия Работяжка сжала кулачки.

– Давай не будем ссориться. Постарайся к двум подъехать в министерство.

– Хорошо, я пронесусь по магазинам галопом.

– Вот и прекрасно. Ценю. – Мистер Майкл опустил взгляд на Работяжку: – Пора ехать. Окажи услугу, принеси мой брифкейс. Я его оставил у кровати.

– Я принесу брифкейс. Где вы будете меня ждать?

– На крыльце. Да, и машину туда подгони.

– Я подгоню машину, – пообещала Работяжка.

По пути к гаражу она обдумала услышанный в столовой спор. И утвердилась в мысли, которая в первый раз пришла наверху, у двери в спальню: эта женщина недостойна быть супругой мистера Майкла.

В гараже Работяжка подошла к роскошной машине – спортивный фасон, минимальный дорожный просвет, плавные линии корпуса.

– Мистер Майкл желает, чтобы ты его ждала у крыльца.

– Я открою ворота гаража. Проеду по дорожке до ворот ограды. Когда и они отворятся, я обогну дом и остановлюсь перед входной дверью.

– Правильно.

Машина завела керамический двигатель и открыла ворота гаража. Работяжка вышла. Вернулась в дом, поднялась по лестнице для прислуги на второй этаж, в коридор и приблизилась к двери в спальню мистера Майкла.

Дверь была растворена нараспашку.

И комната не пустовала.

Работяжка вошла и застыла как вкопанная – на кровати, среди скомканного белья, в томной позе лежала гиноморф. Заслышав шаги Работяжки, она открыла глаза.

– Здравствуй, – сказала гиноморф. – Я гетера, модель Поэтесса. Хочешь, я тебе спою?

– Нет, – ответила потрясенная Работяжка. – Я не хочу, чтобы ты мне пела. Я хочу знать, что ты здесь делаешь.

– Я теперь собственность мистера Майкла. Он меня купил и доставил сюда. Хочешь узнать мою родословную?

– Нет.

– Все равно изложу. Я составлена из пяти биологических видов, плюс три процента человеческих генов.

Строение скелета – от приматов, этим обеспечено изящество и кажущаяся хрупкость. Вешу я всего-навсего сорок килограммов. Мускулатура – от семейства кошачьих, кожа – производная от шкуры серны. Мозг создан на основе мозга норки. Индекс вагинального сокращения – девяносто. Феромоны подобраны специально для возбуждения мистера Майкла.

Гиноморф соблазняюще задвигала руками и ногами, слегка выгнула спину, приподняв лобок. Работяжка возмущенно смотрела, в голове царил сумбур.

– Я сделана из двенадцати биологических видов, – нашлась она наконец.

– У меня сто, сорок, восемьдесят, это в сантиметрах, – сообщила Поэтесса. – А у тебя какие размеры?

Работяжка опустила голову, посмотрела на свой мускулистый живот, не прикрытый безрукавкой, на крепкие, но не сказать что изящные бедра.

– Я своих размеров не знаю.

Гетера оскалила в улыбке ровные острые зубки, по губам пробежал язычок – Работяжка слышала даже его шорох.

– Мне кажется, ты вообще мало что знаешь, – предположила гетера.

– Это действительно так, – подтвердила Работяжка.

Теперь они находились в офисе. А в офисе все не так, как дома – другие звуки, другие запахи. В офисе мистера Майкла не было окон, а потому не было и пятен мармеладного цвета на желтовато-коричневом ковре, с которым почти сливался наряд Работяжки. Дома Работяжка могла вести себя как заблагорассудится – конечно, когда ее услуги не требовались мистеру Майклу. В офисе же, как и в других общественных местах, приходилось все время быть наготове. Здесь она служила непрерывно, и служила гораздо старательнее, чем в поместье с оградой под током и с включенными охранными датчиками.

Работяжка своим усердием гордилась, и гордилась по праву. Один человек в Училище ее даже похвалил: «Работяжка, ты самая старательная из всех, кого мне довелось тренировать». Люди в Училище были строгими, но по-своему хорошими. Однако таких хороших, как мистер Майкл, среди них не встречалось.

Но сегодня Работяжке никак было не сосредоточиться на своих обязанностях.

Явились первые посетители, записавшиеся на прием к мистеру Майклу. Работяжка лежала позади обитого бурой кожей кресла с широкими бронзовыми шляпками гвоздей, помалкивала. Мистер Майкл беседовал с людьми из Вашингтона. Работяжка уделяла им лишь самую малость внимания, она их даже не видела из своего укрытия. Да и к чему думать об этих людях, если они проверены охраной и пахнут неопасно? Для нее они были только голосами – слегка раздражающими, потому что отвлекали от раздумий о домашних неурядицах.

По дороге сюда, в автомобиле, Работяжка ненавязчиво обнюхала мистера Майкла – не прицепился ли к нему запашок гетеры? У нее отлегло от сердца – должно быть, мистер Майкл успел вымыться. Но, когда машина разогналась на подъездной дорожке и на периферии усадьбы, у поста охраны, обросла эскортом из мотоциклистов, Работяжка поняла, что для радости причин нет. Да, мистер Майкл нормально пахнет – но зато ведет он себя ненормально. Он просто сам не свой!

Ах, если бы Работяжка могла чем-нибудь помочь мистеру Майклу! Ему, такому трудолюбивому, досталась плохая жена, и он вынужден находить утешение в объятиях противного гиноморфа!

Работяжка ничего бы не пожалела, чтобы сделать мистера Майкла счастливым.

А разговор с посетителями продолжался. Работяжка проголодалась, потому что мистер Майкл в этот раз не сделал перерыва на полдник. Она решила при первой возможности

наверстать упущенное – может быть, министерская кухня выдаст гренок с мармеладом? Глупый пищевой аппарат – почему отдал Быку-андроморфу ее утреннюю порцию?! Надо поговорить с машиной, объяснить, что больше так поступать нельзя.

Но Работяжке вдруг надоело раздумывать над своими проблемами – тем более что способов быстро с ними справиться фантазия не подсказывала. И она решила послушать.

– …А я вам говорю, что игнорировать их не следует.

Может, отсюда, из Торонто, Сыновья Дикси и кажутся заурядной группой радикалов, но у нас им сочувствуют многие, в том числе и весьма влиятельные люди…

Посетитель говорил эмоционально – Работяжке это показалось нелепым. Зато речь мистера Майкла звучала как надо – спокойная, бесстрастная. Мистер Майкл умел вести себя должным образом.

– Но я ведь и не предлагаю их игнорировать. Я лишь хочу сказать, что мы не можем позволить себе такую роскошь, как потакание экстремистам. Союз – слишком новое, слишком хрупкое образование. Естественно, первые лет десять не обойтись без великого сумбура и трудных компромиссов – пока народ не привыкнет к новой власти. Но мы, жители Квебека, давно имеем дело с сепаратистами, накопили богатый опыт и знаем, что здесь необходима твердость. Вообще-то, джентльмены, я собирался задать вопрос насчет того, как ваши избирательные округа могут отнестись к запрету группировок наподобие Сыновей Дикси.

Наступила тяжелая пауза – посетители были в шоке.

– Но это же возмутительно! – наконец воскликнул один из них. – Грубейшее нарушение конституции!

– Вынужден вам напомнить, что Союз больше не живет по этому закону. Новое время требует новых мер.

И такую меру, как запрет радикалистских группировок, я намерен вынести на рассмотрение парламента, если только вы меня не убедите, что она вызовет открытый мятеж.

Никаким организациям, выступающим за свержение Союза насильственным ли, мирным ли путем, мы не позволим легально действовать на нашей территории.

Посетители бурчали, фыркали и хмыкали. Мистер Майкл дал им пороптать, а затем сказал – как отрезал:

– Джентльмены, боюсь, что вам придется считать вопрос с Сыновьями Дикси решенным. А сейчас предлагаю перейти к более важным проблемам. В первую очередь я имею в виду переговоры с бразильцами – они на нас давят, требуют уступить север штата Чиапас. Согласимся мы на это или нет?

Работяжка перестала прислушиваться к беседе – голод снова

дал о себе знать. Скорее бы добраться до кухни… Но вот мистер Майкл глянул на ручные часы:

– Ну что ж, джентльмены, мы неплохо поработали, пора и отдохнуть. Вы ведь пробудете здесь еще несколько дней, так что мы успеем обсудить оставшиеся проблемы. Помнится, вы изъявляли желание познакомиться с моей очаровательной супругой. Она должна прибыть с минуты на минуту.

Потом все ждали. Отлежавшая бок Работяжка сменила позу. Жена мистера Майкла так и не появилась. Когда посетителям была высказана уйма извинений, мистер Майкл вернулся в свое кресло. Посидел в безмолвии. Внезапно грохнул кулаком по столу:

– С этой женщиной надо что-то делать! – И, помолчав, повторил: – Надо что-то делать!

Работяжка мысленно согласилась с ним.

Через несколько дней Работяжка осталась дома в одиночестве.

И это было необычно. Раньше мистер Майкл всюду брал ее с собой. Даже в заграничных поездках она его сопровождала. Работяжка побывала во многих местах – в основном это были города, и все они казались ей одинаковыми, разве что пахли по-разному.

Но в этот раз мистер Майкл отправился не за границу, а к доктору. Вот уже полгода он регулярно ездит на процедуры – с тех пор, как врачи научились лечить от старости. А Работяжку с собой не берет – говорит, это для ее же блага. Потому что местонахождение клиники – великая тайна, а Работяжку могут выкрасть, чтобы эту тайну выпытать. Выкрасть! Работяжке было смешно. Да кто на нее обращает внимание? Кому придет в голову, что ей могут быть известны важные сведения? Все-таки лучше бы ей сопровождать мистера Майкла… Но он не внял уговорам. Никаких свидетелей – только он и автомобиль! И у автомобиля по возвращении будет очищена кратковременная память.

Что же касается жены мистера Майкла, то Работяжка не знала и знать не хотела, где та находится. Плохая женщина причиняет мистеру Майклу неприятности – и потому для Работяжки ее судьба не имеет никакого значения.

А значение имеет только то, что в первый раз за полгода – и во второй раз с тех пор, как Работяжка стала спутницей мистера Майкла, – она с ним рассталась.

И потому ей было не по себе.

Она бродила по огромному дому, не зная, как скоротать время до возвращения хозяина. Поднялась на второй этаж. Когда

поравнялась с дверью в спальню жены мистера Майкла, остановилась – в коридор сочился запах Быка. Подчиняясь необъяснимому порыву, Работяжка нажала на золоченую ручку. Та ушла вниз без сопротивления, дверь отворилась.

Бык лежал на диванчике абсолютно голый, если не считать сбруи из резиновых лямок на гениталиях. Листал журнал с цветными картинками. Когда вошла Работяжка, положил журнал на крепкий мускулистый живот, картинками кверху. Она заметила, что на них изображены совокупляющиеся – в разных позах.

– Привет, – поздоровался Бык. – Хочешь заняться сексом?

– Нет, – ответила Работяжка. – Я Работяжка. Я не занимаюсь сексом, ни с кем. Хочу побеседовать.

– Я умею беседовать, – сообщил Бык.

– Вот и хорошо. Хочешь что-нибудь съесть, пока мы будем беседовать?

– Я люблю ореховое масло.

Работяжка подошла к коммуникатору:

– Пищевой аппарат?

– Да?

– Банку орехового масла в спальню жены мистера Майкла.

– С ложкой?

У Быка лицо сделалось смущенным:

– Без ложки.

– Без ложки, – повторила в коммуникатор Работяжка.

Когда прибыло масло, Бык торопливо свинтил крышку, запустил в банку короткие толстые пальцы и принялся увлеченно есть. При этом вид у андроморфа был такой виноватый, будто он считал свое занятие непозволительным, Работяжка наблюдала с сочувствием – она-то знала, как приятно есть то, что тебе больше всего по вкусу.

– Скажи, тебе нравится заниматься сексом с женой мистера Майкла?

Бык, похоже, стушевался еще сильнее.

– Что ты имеешь в виду? Секс – это секс, то, для чего я предназначен. А нравится мне есть ореховое масло. Ты считаешь, что мне должен нравиться и секс?

– Может, понравился бы с кем-нибудь другим?

– Но ведь ты сказала, что не намерена заниматься со мной…

Работяжку осенила идея:

– Я в этом доме не единственная.

– Ты хочешь сказать, в доме есть другая, и она желает секса?

– Да. Пойдешь к ней?

– Мне не положено выходить из этой комнаты.

– Тебе положено обеспечивать секс, когда это нужно.

– Это факт. Но он противоречит запрету покидать комнату. Что я могу сделать?

– Послушаться меня. А я разрешаю тебе выйти из комнаты.

– Еще раз скажи, кто ты?

– Работяжка, спутница мистера Майкла.

– Видимо, это означает, что я должен тебе подчиняться.

– Совершенно верно. Следуй за мной.

Работяжка вышла в коридор и привела Быка к спальне мистера Майкла. Та оказалась на запоре – не проблема, Работяжка знала код. Оказалось, что гиноморф моется – во вмурованной по самые бортики в пол широченной ванне среди гор мыльной пены виднелись изящное лицо и коленка.

Гетера Поэтесса заметила Быка, и у нее расширились глаза и раздулись ноздри. Андроморф ответил на это мгновенной эрекцией.

– Это ты хочешь заниматься со мной сексом?

– Такова моя природа, – ответила она.

– И моя такова. Разрешается ли нам заниматься сексом в ванне?

– Да, это допустимо.

Бык сорвал с гениталий «сбрую» и кинулся в воду. Работяжка оставила морфов наедине друг с другом.

Жена мистера Майкла вернулась домой первой, через пять часов после того, как Работяжка сыграла роль сводни. Хозяйка хватилась своего Быка, а когда выяснила его новое местонахождение, пришла в бешенство. Парочка все еще бурно совокуплялась, только из ванны перебралась на пол, к кровати, забрызгав водой и пеной ковер. Работяжка подсматривала из коридора, как жена мистера Майкла безуспешно пытается их растащить. Даже на удары острого металлического каблука туфельки, снятой с ее ноги, сексуальные партнеры не реагировали. Были вызваны специальные дрессировщики, но и им не удалось прекратить спаривание.

– Все без толку, миссис. У них петля обратной связи получилась – а это штука серьезная, надо везти в мастерскую.

– Ну, так везите! – рявкнула жена мистера Майкла. – Я не желаю терпеть в доме эту мерзость.

Все еще брыкающую задами неразлучную парочку вынесли из здания и погрузили в кузов машины. Работяжка тайно ликовала.

Но через несколько дней жена мистера Майкла приобрела Жеребца, а сам мистер Майкл нашел утешение у Лунной Бабочки.

Среди ночи Работяжка проснулась. Ей вообще плохо спалось последнее время – с того утра, как не досталось на завтрак гренка

с мармеладом. (Одно утешение – Жеребец любил овсяные хлопья.)

Мистер Майкл был все время в делах, почти не уделял ей внимания, и она тосковала, и порой ее посещала крамольная мыслишка – так ли уж это правильно, когда ты должна быть всегда рядом со своим спутником, и без него тебе жизнь не жизнь?

От таких раздумий сразу делалось дурно – потому что они противоречили урокам, полученным в Училище. Приходилось напоминать себе, что ей положено заботиться только о мистере Майкле, о его благополучии. Она специально для него и появилась на свет, у нее нет других причин для существования.

А тут еще этот шум…

Но ведь не должно быть внизу никакого шума! Потому что сейчас глубокая ночь. Правда, однажды там уже шумели среди ночи – пришли охранники выяснять причину какого-то «прорыва периметра». Но дело тогда оказалось в испорченном датчике. Может, и в этот раз датчик сломался?

Но все равно нужно спуститься и выяснить, в чем дело.

Однако Работяжке удалось дойти только до мраморной лестницы.

Там ей путь преградили четверо мужчин в светоискажающих костюмах, с приборами ночного видения на глазах. В руках пришельцы держали пистолеты, на поясах висело другое оружие. Это были вовсе не охранники.

– Так-так, – протянул один. – Вы только поглядите, кто у нас тут! Понаделали трансгенов, сволочи, проходу нет! Сейчас я этой твари башку отстрелю!

– Не горячись, сынок! – потребовал другой, судя по манерам, вожак. – Хоть мы и вырубили ребят по периметру, это вовсе не значит, что можно шуметь сколько душа пожелает. Без моей команды – никакой стрельбы. А тварь нам полезнее живой – время сэкономит. Ну-ка, – обратился он к Работяжке, – подскажи, где спит наш драгоценный премьер?

Работяжка смотрела на террористов, совершенно не испытывая страха. Наконец она ответила, хладнокровно обдумав каждое слово:

– Я провожу. Но вам следует забрать и жену мистера Майкла, иначе она поднимет тревогу.

– Ну и помесь пошла – ни на грош лояльности. Ладно, красотка, веди.

Работяжка проводила незнакомцев к двери в спальню жены мистера Майкла. Один из четверых вставил в паз замка противозаконную отмычку, та в три секунды перебрала все

возможные комбинации, и дверь отворилась.

Жена мистера Майкла спала в объятиях Жеребца. Незнакомцы не удержались от потрясенных возгласов, чем разбудили женщину и ее партнера.

Обоих загнали в комнату мистера Майкла, где его самого обнаружили в аналогичной ситуации, в обществе гиноморфа.

Один из террористов включил верхний свет, показавшийся Работяжке в столь поздний час слишком ярким. Пришельцы сняли очки и отключили светоискажатели, чем обрадовали Работяжку – у нее уже заболели глаза.

Двое морфов и их испуганные хозяева сгрудились в центре комнаты. Морфы были нагишом, люди – в халатах. Трое террористов держались спокойно, четвертый нервозно водил стволом из стороны в сторону.

Работяжка нерешительно свилась в клубочек у ног мистера Майкла. Знала, что он ловит ее взгляд, но не поднимала глаз.

– Кто вы такие? И от кого?

– Сыновья Дикси, вот мы кто. Смекнули, что не дошло наше мнение до нужных ушей, и решили изменить ситуацию. Правильно я говорю, ребята?

– Вам всем это дорого обойдется!

– Вряд ли от таких угроз мы станем хуже стрелять.

Скорее наоборот. Так что советую слушаться нас, ежели неприятностей не хотите.

– Какие у вас намерения? – спросила жена мистера Майкла.

– Вывезем вас с премьером на пикничок. Ему давно пора отдохнуть от государственных забот. А потом отпустим целыми и невредимыми, если правительство согласится нас выслушать.

– С трансгенами-то как быть? – спросил второй террорист.

– Сексуальные игрушки пристрели, только без шума.

А тварь, которая нам помогла, не трогай – вдруг еще пригодится.

Никто и глазом моргнуть не успел, как из кобуры второго террориста вылетел пистоляп и дважды кашлянул. Пули в желатиновой оболочке ударили в морфов и лопнули, высвободив лизис-катализатор. Оба за минуту превратились в лужицу вязкой жижи, на ее поверхности еще некоторое время плавали жесткие крылья Лунной Бабочки.

– Итак, друзья мои… – заговорил вожак.

Работяжка незаметно протянула руку, выпустила острый как бритва коготь и вонзила его глубоко в лодыжку жены мистера Майкла.

Та завизжала.

Самый слабонервный из террористов выстрелил ей в глаз.

Прежде чем его палец успел расслабиться на спусковом крючке и прежде чем успели напрячься на собачках пальцы его товарищей, Работяжка бросилась в битву.

Когда тридцать процентов генов тебе достались от росомахи, ты серьезный боец. Вскоре четверо лежали с разорванными глотками, кровь замарала ковер, на котором недавно резвились Бык и Поэтесса.

Работяжка спокойно слизала кровь с губ – нет, все-таки мармелад куда вкуснее. Потом, часто смачивая слюной ладони, тщательно очистила мех на лице. И только после этого повернулась к мистеру Майклу.

Он рыдал, лежа поперек трупа жены.

Работяжка бесшумно подошла к нему, ласково тронула за плечо. Он вздрогнул.

– Мистер Майкл, все уже в порядке.

– Ах, Работяжка, – всхлипнул мистер Майкл, – осиротели мы с тобой…

Петушиный бой

Согласен, образ жизни мусорного цыгана – отнюдь не самый комфортный, и нервы для него требуются крепкие. Ну и, понятное дело, неважнецкая это карьера для человека женатого – о чем Джеральдина никогда не устанет мне напоминать.

Но я не женат. И не имею привычки прислушиваться к доводам Джеральдины.

И все же, чем сурова такая судьба? Во-первых, ты все время в пути. Вынужден обходиться самым малым – в котомке вещей не больше, чем у бхопальского нищего слепца. Во-вторых, ты всегда свободен – ну, почти всегда – и болтаешься, как у Быка ядра. Невостребованная твоя задница факсуется по свету, с одной горячей точки на другую – в зависимости от того, в какой фирме, или корпорации, или компании начальство вдруг задумывается о спасении души: а не пора ли, дескать, расчистить крошечное местечко в великом-превеликом свинарнике, каковым сделался мир за последний свинский век.

Впрочем, встречаются уголки совсем даже неплохие – в плане отдыха после трудового дня. К примеру, когда мы в Милане прочищали водопровод (какой-то мерзавец слил туда в восемьдесят шестом двадцать тонн коктейля из ядовитых отходов и испортил весь городской запас питьевой воды), я вовсю повышал свой культурный уровень – посещал церкви, любовался «Тайной вечерей» (на мой взгляд, картина здорово выиграла после обработки реставрационными багами, хотя скептики утверждали, что теперь это смахивает на компьютерную живопись) и знакомился с архитектурой итальянских стриптиз-клубов. (Один располагался в настоящем дворце, и среди девчонок, по слухам, были настоящие принцессы. И это вполне возможно, я же помню, когда закрылось Монако, целому поколению золотой молодежи пришлось в срочном порядке искать себе заработок.)

А бывает, черти заносят тебя на такие дремучие кулички, что городишко Роберт-Ли в штате Техас (это моя родина) в воспоминаниях поднимается вровень с Новым Орлеаном, празднующим Марди-гра. То приходится стучать зубами ниже пятидесятой широты в компании одних лишь глупых жирных пингвинов, сокращая антарктический разлив нефти, то – прожаривать штаны на стапятидесятиградусной жаре [1], демонтируя Ближневосточный завод химического и биологического оружия. И в том, и в другом случае после смены заняться больше нечем, кроме как резаться в гаш-карты, драить

мозги эйфоротропами и чесать языки с ромалами.

Иногда такие разговоры приводят к тому, что парни натурально хватают друг друга за глотку – надо же как-то нагружать рецепторы. Но это не для меня, я стараюсь ладить с теми, с кем меня сводит судьба. Когда проработаешь с человеком бок о бок несколько лет, он для тебя привычен и малоинтересен, как твоя престарелая усатая тетушка или чопорная троподозировщица в начальной школе. Выяснять отношения уже просто глупо.

Поэтому чаще мы просто делимся воспоминаниями. А поскольку народ мы бывалый, то и вспомнить нам есть что. Послушать любого из нас – мороз по коже гарантирован. Случалось нам и под радиоактивным снежком ходить, и излучение шинковало нам хромосомы в капусту – двухголовой змее такое даже не снилось; и трудились, стоя по пояс в вонючем болоте, в каше из отработанного древнего моторного масла, и промышленных растворителей, и бог знает чего еще, и тут вдруг перед тобой появляется пасть амазонского аллигатора-мутанта, и он шпарит к тебе скорее восточного экспресса, и ты едва успеваешь врубить силоумножитель и нанести единственный верный удар.

Но вот что удивительно: все эти байки, все эти ужастики, звучащие в раздевалке после смены, вовсе и не пугают нас, цыган, а совсем даже наоборот. Мы благодаря им себя чувствуем людьми особенными, нужными. Да если на то пошло, кто другой возьмется делать эту черную, но необходимую работу? По идее, для общества чистка бедной замордованной планеты – задача номер один, и еще не изобретен робот, который сравнится с нами по возможностям, который хотя бы способен вытерпеть то дерьмо, которое мы терпим. Ведь мы ежедневно проходим через круги ада, где у любого детища эвристики сгорят все ПЗС [2] и растворятся панели.

Что же до помесей, то им путь в наши ряды заказан – за этим следит профсоюз. И пока мы регулярно проходим обследование и получаем инъекции ремонтно-восстановительных силикробов, смертельные заболевания опасны для нас не больше, чем для среднего нуэво-йоркца или невадца.

И не то чтобы я хотел славы, или там чувство долга перед человечеством играло бы какую-то роль. Ни черта подобного. Опросите тысячу цыган – вряд ли сыщете среди них хоть одного гринписа. Я свое дело делаю потому, что за него хорошую зарплату платят, да еще и премии, и через пятнадцать лет можно выйти на пенсию. «Даллас детокс инкорпорейтед» ввела у себя такую систему, как только ее придумали, – и потому я горжусь

тем, что работаю в этой фирме.

А еще я горжусь оттого, что она на сто процентов американская, не так уж и много осталось фирм, способных этим похвастаться, с тех пор как десять лет назад заработал в полную силу Союз.

Я не сторонник ни Сыновей Дикси, ни других легальных или подпольных конституционалистских группировок. Но все-таки чем-то не по душе мне правление франко-канадцев. И одно дело – жить под их властью, а другое – вкалывать на них. Слава богу, хоть от этого я пока избавлен.

В общем, на жизнь мне грех жаловаться, денег и приключений хватает, пусть даже, как я уже говорил, это не карьера для женатого человека, о чем Джеральдина никогда не устанет мне напоминать.

Но я не женат. И никогда не прислушиваюсь к мнению Джеральдины.

Когда Стэк вошел в помещение для отдыха, помахивая метамедийной распечаткой с логотипом «ДДИ» в верхнем углу (пинцет, щиплющий биспираль) и улыбаясь, мы сразу поняли, что получен хороший заказ. Но даже не догадывались, насколько он хорош, пока наш бригадир не заговорил:

– Мальчики и девочки, да будет вам известно, парламент наконец проголосовал. Все, «Сликслэк» приказал долго жить, и «ДДИ» может забрать себе тело.

Мы эту весть встретили таким восторженным ревом, что затряслись, застучали биополимерные панели в просторном модуле на берегу озера Байкал в Великой Свободной Монголии – такое громкое название носила вонючая дыра, где мы подвизались на поприще раскисления почвы, восстановления экобаланса и т. п. Мы успешно выполнили свою задачу и теперь собирались домой, в милые, родные США (я до конца своих дней буду так называть свою страну и плевать хотел на запрещающие законы). А тут оказывается: мы не просто возвращаемся в цивилизованные края, но еще и работенку там получим – вот это пруха так пруха! Отдохнем от экзотической еды, смуглокожих женщин и смешной туземной болтовни, в которой без таблетки ни словечка не разберешь. Все-таки Боженька любит бедного цыгана!

Я опустошил шкафчик и принялся складывать разбросанные по койке вещи в ранец, и тут ко мне – воплощенная непосредственность – подошла Джеральдина. А я притворился, будто ее не замечаю.

– Лью, – проговорила она голоском сладеньким, как засахаренный батат с кукурузным сиропом, – Стэк подыскал для

нас жилье в Ваксахачи. Поселимся в тамошнем мотеле, и все номера – двухместные. Вот я и подумала: как насчет того, чтобы…

Тут я посмотрел на Джеральдину. Она носила серьги, изображавшие знак биоугрозы, каштановые волосы были острижены еще короче, чем мои, поперек лба – косая челка. Никакой косметики, только силикробовые татуны – бабочки по углам губ, и округлости чуточку распирают форменный дэдэишный комбез. Она вполне сошла бы за мою сестренку, да вот только не было у меня никогда сестры.

– Джеральдина, я ценю твою идею, или намек, или предложение, да как ни назови. Но я уже говорил однажды и готов повторить хоть миллион раз: химия тут ни при чем. Мы с тобой – неподходящие контакты. Мне может прийтись по вкусу только женщина большая, шумная и глупая, а ты – совсем другого сорта.

Татуны в миллиметре под кожей Джеральдины возмущенно затрепыхали крылышками, а из глаз вытекли слезинки – как влага израильского оросительного корня.

– Я… я для тебя смогу быть глупой. Да, Лью, смогу, если ты правда этого хочешь. Я слышала, появилось несколько новых тропов – как раз для таких случаев. «Отупин», «дебилон»… Цены кусаются, но ради тебя я на это пойду. Честное слово!

Я шлепнул себя ладонью по лбу:

– О-о, блин! Джеральдина, я тебя не прошу измениться, заруби это раз и навсегда у себя на носу. Я только пытаюсь объяснить, что мы с тобой не созданы друг для друга. Видишь ли, – я по-отечески обнял ее рукой за плечи, – ты прирожденная цыганка. Когда нужно со дна бухты грязь вычистить или опрыскать заеденный грушевой молью лес – тут тебе равных нет. Какую бы работу нам с тобой Стэк ни поручал, мы всегда справлялись прекрасно, горжусь тем, что ты – моя напарница. Но наши отношения могут быть только профессиональными, и дальше никогда не зайдет, ты поняла?

К концу моей речуги Джеральдина перекрыла краники. Вытерла кулачками глаза, затем протянула мне ладошку. Мы обменялись рукопожатиями.

– Ладно, – проговорила она с печалью проповедника, видящего, как разбегается его паства, – пусть будет, как ты хочешь. Все лучше, чем ничего.

Мы расцепили руки.

– Увидимся в самолете, Лью.

Я вернулся к сбору вещичек. Ну и взбалмошная девчонка моя напарница! Не понимаю, почему многие люди не умеют

сдерживать эмоции. Да и не пытаются, если честно. Ведь у нас, слава Богу, есть тропы и строберы – только руку протяни, и ты в порядке. Даже представить страшно, каково жилось человеку считанные десятилетия назад, пока ученые головы не разобрались досконально, из каких винтиков-болтиков состоят мозги, и не подобрали к ним все ключики-отверточки.

Правда, слишком уж полагаться на все эти штучки вряд ли стоит. В защиту естественного образа жизни можно сказать немало слов. Взять хотя бы меня, к примеру. Если, в школе учась, я принимал все прописанные мнемотропины и многому благодаря им научился – что же, и дальше ими давиться? Черта с два, не для меня это. Мой батька так говаривал: «Сынок, если бы Господь хотел, чтобы мы получали знания в таблетках, он бы сделал так, чтобы их было легко глотать».

В тот же день, к вечеру, мы вышли на зарезервированную для ДЦИ суборбиту. В пути шутили и смеялись, мечтая, как вскоре будем гулять по улицам любимого Далласа. Не успели попривыкнуть к полету, как нам велят снова застегнуть ремни и приготовиться к посадке, то бишь принять циркадные регуляторы.

Всем хороши такие вот прыжки – за одним исключением: не успеваешь даже почувствовать толком, что ты путешествуешь. Только что твоя задница была в Монголии; часа не прошло, а ты уже дома. Неадаптированным мозгам такое не переварить.

Пару часов проторчали в таможне – дольше, чем летели. Двух наших ромал вывернули наизнанку – парни решили подзаработать, провезя в крови монгольских багов и толкнув их далласской диаспоре гонгонгских экспатриантов как этноэкзотику. Но таможенные датчики расшифровывают негенотипные коды быстрее, чем плевок сохнет на перегревшемся реакторе, и Стэку пришлось повертеться как угрю на сковородке, доказывая, что наши невинные овечки заразились, сами о том не подозревая, и промывка кровеносной системы будет для них достаточно серьезным наказанием.

В здании космовокзала мы прошли через атриум, и тут ввалилось отделение эмвээфовской спецполиции; вооруженные хромоварками и пистоляпами, были эти ребята суровы, как восьмидесятилетние девы с либидоблокировкой, намеренные сразиться с какой-нибудь инфекцией или инвазией из Четвертого Мира. Мы уступили им дорогу и сделали это со всем нашим уважением, ведь силовикам из МВФ достается работенка погрязнее, чем цыганам. Да к тому же мы имеем дело с хорошо знакомыми неприятностями, а эти парни всякий раз сталкиваются с новым сверхопасным дерьмом.

Снаружи нас ждали два дэдэишных энергенетикса (модель

«коровье брюхо») с водителями. Большинство ребят сразу полезли в микроавтобусы (я постарался очутиться не в той машине, которую облюбовала Джеральдина). Но пришлось задержаться из-за Тино и Дрифтера – тех самых, которых прихватили на таможне, – им страсть как захотелось по-маленькому. Это был побочный эффект замены крови. Будут течь до завтра, как крыша хижины хлопкоуборщика в грозу,

– Не выбрасывайте зря биомассу, парни, – крикнул им Стэк.

Тино и Дрифтер промолчали, но каждый открыл крышку бака, расстегнул комбез, прижался к фургону и чем мог пополнил запас топлива в машине. Потом оба застегнулись и вяло полезли в кузова. Сидевшая со мною рядом Тамаринд, чернокожая девчонка в весе петуха, никогда за словом в карман не лазившая, спросила:

– Что, ребята, это мало похоже на те гнезда, куда вы втыкались в прошлый раз?

Тут мы дали волю хохоту. Цыганское товарищество ржало, ревело и выло так, что даже Дрифтер с Тони не вытерпели и присоединились.

А мы на них зла за потерянное время не держали, понимая, что в следующий раз таможенники схватят за руку кого-нибудь другого. Если до этого дойдет, то мы, цыгане, будем держаться друг за дружку, как слои ламинированной клещехватом сталефанеры.

Вот так, веселясь в отвязной цыганской манере, мы двинули к югу и выехали из скопления блестящих стеклом далласских башен. Нас ждала новая работа.

Ваксахачи расположен милях в двадцати пяти к югу от Далласа, так что примерно через сорок минут мы были на месте. «Коровье брюхо» трудно гнать быстрее шестидесяти в час, а когда оно груженое – и подавно. Кое-кто из наших задремал – это полезно, когда действуют циркадные регуляторы, но я слишком разволновался из-за возвращения домой, чтобы уснуть, поэтому открыл оконное стекло, пустив в машину знакомые пыльные запахи техасского лета, и стал разглядывать ползущий мимо пейзаж.

Мы проехали через небольшой грушевый сад. На деревьях было полно помесей, они собирали скоророщенные плоды. Человек-надсмотрщик лежал в тени, пульт связи с обручами трансгенов – рядом, под рукой. Если спросите меня, что это были за помеси, я так отвечу: процентов пятьдесят – шимпанзе, процентов сорок – лемур и десять процентов – человек. Но за точность этих цифр не поручусь.

– Не люблю я трансгенов, – сказала Тамаринд. – Слава богу, у

нас есть законы, чтобы их держать в узде.

– Уже не говоря про обручи и диет-поводки, – добавил я. И тут у меня возник интересный вопросик, я решил не держать его при себе: – Слышь, Там, ты вот все говоришь, что трансгенов не любишь. А как же собственная наследственность? Ведь когда-то, века назад, твои предки находились в таком же положении, что и наши помеси.

– Черта с два! Мои предки были людьми! Большая разница.

Я понял, что она имела в виду.

– Ну что ж… Спасибо трансгенам хотя бы на том, что благодаря их появлению реднек [3] вроде меня общается на равных с такой девчонкой, как ты, и редко задумывается, правильно ли это.

Там ущипнула меня за плечо:

– Ты совершенно прав, Лью.

Вскоре мы запарковались на площадке перед мотелем, о котором говорила на озере Байкал Джеральдина. Кругом стояло много машин, каждая с дэдэишными сплетенными молекулами на бортах. Как выяснилось чуть позже, другие цыганские бригады уже обосновались в номерах корпуса, что служил раньше персоналу ССК. Не иначе, предстоит один из самых крупных демонтажей в моей практике. Если повезет, работа затянется надолго, и я вдоволь посплю на настоящей койке, вдоволь поем доброй американской пищи и от души поугощаюсь сладким техасским пунтангом – эх, скорей бы подвергнуть эту сочную вкуснятину органолептическому экспресс-анализу!

В вестибюле мотеля Стэк устроил нам перекличку.

– Стрелок, вам с Бензиновым Биллом – триста шестнадцатый.

Я выругался. Бензиновый Билл, получивший это прозвище за татун на могучем правом бицепсе – кружащаяся формула Кекуле в виде змейки с собственным хвостом в зубах – тот еще сукин сын. Мне никогда не удавалось поладить с этой шпаной. Может, и правда лучше было бы поселиться с Джеральдиной – пусть бы и пришлось без конца отражать женские посягательства.

Я нашел в толпе Билла, и мы в напряженном молчании двинулись к нашему номеру.

Когда пришли, Билл произнес:

– Слышь, ты, башка-отстойник, если мне приспичит затащить сюда разъем-маму, лучше сваливай, как только мигну. И чтоб до утра духу твоего здесь не было.

Я положил ранец и спокойно посмотрел на Билла.

– Приятель, жаль тебя расстраивать, но факт есть факт: ты страшен, как помесь обезьяны и рогатой жабы, и ни одна «мама» не взглянет на тебя во второй раз, разве что за большие бабки

или под комбинированным кайфом – «страхолюб» с «пофигином».

Билл сгреб нагрудник моего комбеза:

– Ты, козлина…

– Билл, – сказал я спокойно и вежливо, – вспомни, что было в Марселе.

Он фыркнул, но отпустил меня. Отошел к своей койке, принялся распаковывать ранец. Больше я не слышал требований «свалить», когда ему «приспичит».

Хорошее это дело, скажу я вам – с самого начала все по своим местам расставить.

В хлопотах день пролетел стремительно, но все же мы успели совершить экскурсию на ССК – познакомиться с тем, что нам предстояло стереть с лица планеты.

Но все были слегка разочарованы, прибыв на древний сверхпроводящий суперколлайдер, чья история изобиловала взлетами и падениями. ССК едва высовывался из земли, он почти целиком схоронился под прерией, вместе с ускорительно-накопительными кольцами, криогенными системами охлаждения и соленоидами детекторов заряженных частиц.

Это круглое в плане сооружение имело в диаметре около пятидесяти миль и было совершенно загажено за десятилетия «невинных» экспериментов, «практически не дающих радиации». (Мне было известно, что лунная установка, пришедшая на смену ССК, в два раза больше, и ее строительство обошлось в два раза дороже, хоть и велось в безвоздушном пространстве, с применением новых СП-кабелей.)

Впрочем, когда мы оказались внизу, у всех поприбавилось энтузиазма. Предстоящая нам работа выглядела несложной – никакой экзотики, если не считать жидкого водорода, – зато практически вечной, больно уж велик был этот ССК. Не заказ, а просто подарок судьбы!

Мы вернулись в мотель. К тому времени опустились сумерки, словно шелковые простыни в «Пари-Хелмсли». Оказалось, ДДИ в нашу честь устроила вечеринку с грандиозным техасо-мексиканским барбекю. Я уже тысячи раз говорил (и не однажды рядом находился Стэк и слышал), что с работодателями нам сказочно повезло. Пахло жарким – бизоньи стейки и котлеты из постносвинки. Я держал в руке кружку холодного пивчика-живчика и смотрел, как одна за другой в небе проклевываются звезды – точно разрозненные пиксели на древнем монохромном мониторе Господа Бога. И слушал оживленную болтовню приятелей-цыган, и размышлял о том, какая классная работа мне предстоит. Еще никогда в жизни я не был так близок к раю, даже не допускал мысли, что он вообще может существовать на нашей

скорбной земле. И эта тихая радость, столь чистая и столь противоестественная, настораживала меня. Ибо, как оказалось, она предвещала неприятности.

И вот закончилась первая рабочая неделя, и мы, цыгане, решили это событие отметить. Несколько дней вкалывали, как проклятые, рвали жилы и наживали грыжу – а после смены никаких развлечений, кроме тех, что предлагает плазменный экран, да еще игры во флэшкарты, да метаболизирования самогонки в грязном придорожном баре под названием «У Сэлли Мустанг» (владелица носила белый конский хвост); короче говоря, нам срочно требовалась психологическая разрядка.

Собралась компания – я, Джеральдина, Там, Тино, Спад, Женева, Иг-И и еще несколько наших, в том числе и Бензиновый Билл. Мы заказали автобус до Далласа – чтобы Оттянуться с большой буквы.

Машину вел я, и получалось очень даже легко. Мы все прошли тщательный тюнинг в дэдэишной клеткомойке, и нажитые на работе хвори и болячки исчезли без следа. Кожа у меня стала упругой, как у домашнего любимца фирмы «Гедоникс плюс». За ультрапрозрачным монокристаллическим лобовым стеклом мчалась навстречу ночная декорация в потрясно высоком разрешении; все тени просматривались во фрактальную глубину. Я не сомневался, что эта ночь внесет мегацифру в файл «расходы на развлечения».

И вот мы в Далласе, и чешем прямиком в Дип-Эл-лум, первый в городе район аттракционов. Паркуем автобус, включаем его защиту и топаем по запруженным народом тротуарам, взбрыкивая попками в цыганской манере; парни идут так, как будто у них бочка между ног, девчонки – будто скользят верхом по смазанному шесту.

Не буду скрывать правду: шагая по улицам с друзьями-чавэлами, я гордился, как десятилетний мальчишка, обрюхативший соседку-вдову. Я упивался духом товарищества, солидарности; я вполне понимал свою социальную значимость – и это было кайфово до невозможности.

В Дип-Эллуме было яблоку негде упасть – кто только не явился сюда, чтобы провести в атмосфере праздника искусственный галогенный день. Встречались помеси, выполнявшие поручения своих хозяев. Попадались малолетние пептид-попперсы (четыре или пять когорт от моей по генетической линии) – сами себе господа, они носились вместе с друзьями по шайкам и ватагам, щеголяя прикольными шмотками в стиле «потенциал действия». Мелькали в толпе геронты и гулы. За всем присматривали САС-копы с лазиками и шокерами, их

задача – не допускать столкновений между различными группировками. Ну и, понятное дело, район кишел местными легашами. Но при всей своей стохастичности картинка была вполне гомеостазная.

По барам мы двинули около восьми, открыли рецепторы всяким музонам, заглушавшим фоновый звуковой спектр, – от многополярной музыки до старомодного кантри-вестерна, исполняемого на одиноком синтезаторе. Ну и, понятное дело, мы не забывали отдавать должное всевозможным делириантам и слабым опьянителям.

Около полуночи я вроде опомнился – как будто мое сознание превратилось в клубок из ниточки длиной в световой год, и эта ниточка размоталась до конца.

– Где мы? – спросил я у Тино.

– В «Неизведанных долях».

Я припомнил: так называется бар, где мы осели. Дым, шум, народу битком. Не кабак, а пещера троглодитов. На стенах из настоящего камня горели неонеоновые надписи: «Перестрой свой белок Мар2», «Какой у тебя ампераж?» и тому подобное. Бармен был из помесей, с обезьяньей доминантой. Он висел на хвосте под потолком и четырьмя человеческими кистями смешивал напитки.

И тут вдруг меня пробило на секс – точно сель хлынул по высохшему руслу или открылся спускной клапан автоутробы. Я вспомнил, как несколько дней назад мне жгуче хотелось забуриться в какую-нибудь простую техасскую розетку. Сию же секунду у меня появился рог подлиннее и покрепче, чем у домашнего карликового единорога. Я окинул взглядом танцевальную площадку, заметил, как Джеральдина трясет худенькой попкой перед каким-то местным пижоном. А затем мой взгляд сполз с Джеральдины – и остановился на девушке моей мечты.

Высотой она была все шесть футов, спасибо каблукам-шпилькам. Пятидюймовые шипы цвета слоновой кости, росшие из ее пяточных костей, венчались золотыми колпачками. Ступни были голые, если не считать специальных прыжковых подошв, – я их заметил, когда красотка подскакивала к потолку. Носила она также неопреновые колготки, а выше пояса не было ничего. Ее огромные груди благодаря имплантированным кронштейнам были тверды и энергичны, как рукопожатие топ-менеджера. Коэффициент преломления ее ореолов был изменен – они, по сути, превратились в зеркала. На щеках – пятнышки радужно переливающихся чешуй. Я бы побился об заклад на недельный заработок – у нее язык с кошачьей шершавостью. Короче, не девочка – сказка. То, что клеткомойщик прописал.

Я спрыгнул на танцевальную площадку, неудержимый, как робокоп с тяжелым вооружением и искрящейся проводкой.

Партнер ее, по всей очевидности, родился южнее границы – я сразу узнал бразильца. Понаехало браззи в Техас, с тех пор как Заговор Докторов с целью ликвидации премьер-министра вызвал такой переполох в высших эшелонах САС.

Я похлопал браззи по плечу.

– Хэй, менино, не позволишь ли и мне поучаствовать?

Вот ведь башка-отстойник! Будто и не заметил меня. Зато его чувихе моя идея как будто понравилась. Она провела по нижней губе языком – я мог бы поклясться, что расслышал в грохочущей музыке наждачный скрежет. Нахальство браззи и кокетство его розетки так меня завели, что я перестал себя контролировать. Развернул бразильца личиком к себе и вырубил ударом правой в челюсть. Потом сграбастал его девочку и потащил к двери. Она ни миллисекунды не противилась.

В каком-то темном коридорчике я ее прижал к стенке и просунул язык ей в глотку, аж до середины. Затем моя пятерня нашла ее лобок. Я чуть не помер от огорчения, обнаружив полный мужской комплект. С поцелуем было покончено в тот же миг, а вот руку я не убрал – слишком растерялся.

– Милый, в чем проблема? – спросила она. – Неужели тебе это не нравится?

В моей ладони все принялось корчиться и дергаться, как лангуста на крючке. Привело это к немедленной детумесценции и судорожной инвагинации.

О черт! Радиационные отходы! Я подцепил герма!

Когда я был в Далласе в последний раз, гермы не казали носу из своих клубов, у нормального парня вроде меня было мало шансов напороться на кого-нибудь из них. Похоже, и в самом деле мир катится к чертям.

Я отпрянул и наступил на чью-то ногу. Да это же малютка браззи! Мигом я принял защитную стойку.

Он мне что-то протягивал. Свою визитку. Я малость опешил. Дождавшись, когда я успокоюсь и расслаблюсь, он вложил мне карточку в ладонь.

– Сеньор, – заявил браззи, – вы будете иметь честь встретиться со мной, Флавиано Диасом, в здешнем петушатнике, иначе вашим трупом будет украшено окно этого импорио.

Поклонился и ушел. А я глянул на карточку: «Флавиано Диас, инструктор по капоэйре, красный пояс, первая ступень».

В пыльном дворе позади мотеля я стоял босой, с голой грудью, обливался потом под солнцем субботнего полдня – жара была, как в фильме «Секси-сиуксы».

Ну что за паршивый способ коротать досуг – тренируясь для поединка, имеющего все шансы закончиться моей скоропостижной смертью через извлечение внутренностей! И винить в этом некого, сам свалял дурака. Мой батька часто говорил: «Сынок, мучить себя нет проку, если есть еще кого мучить». И его совет я собирался выполнить – или умереть.

Я взял из украденного на складе ящика очередной пятифунтовый куль муки. Вразвалку прошел в тень кряжистого болотного дуба – других деревьев около мотеля не было. С ветки на веревке, на высоте моей головы, свисала изодранная пластиковая сетка. Я вынул из нее распоротый мешок и вложил полный. Отступил на несколько шагов, оставив на земле цепочку мучных следов.

А затем, глядя на подвешенный мешок, я двинулся кошачьей поступью, стараясь гнать из тела и ума напряжение и сомнение в конечном успехе. Я наступал на воображаемого врага; я делал финты; я отскакивал и уворачивался. Когда решил, что паршивый мешок муки напрочь запутан и сбит с толку, развернулся на одной ноге, а второй, параллельно земле, нанес удар.

Стеклянный полумесяц, блеснув на солнце, рассек пластик и ткань, и мука разлетелась облачком, точно строительные силикробы.

За моей спиной кто-то свистнул. Я обернулся и увидел Бензинового Билла.

– Рад, что ты их не носил, когда мы с тобой поцапались, – сказал он.

Эти слова заставили меня вспомнить Марсель – мы тогда участвовали в великой средиземноморской приборке. Он только появился в бригаде и сразу окрысился на меня, наверное, потому что других парней, равных ему по габаритам, у нас не было. Мне осточертели его бесконечные наезды, и я решил разобраться раз и навсегда. Нашел в городе школу савата, или, как говорят сами лягушатники, «ле бокс франсэ». Поддерживая нужную форму с помощью тропов, быстро научился пинком убивать муху в полете. А в скором времени хорошенько взгрел Билла. Он же, будучи парнем леноватым, тренироваться ради реванша не стал.

Позже, когда мы на тайско-кампучийской границе занимались восстановлением биома джунглей и жили в бывших лагерях беженцев, я не упустил возможности немножко поучиться кик-боксингу в ближайшем монастыре.

Я думал, что наработал очень ловкие движения. Думал до тех пор, пока не посмотрел фильмы с выступлениями разных мастеров капоэйры.

Капоэйра – это бразильский бокс, удары наносятся и руками,

и ногами. Блюдо африканское, но с приправой из багийского тропико-фанка. Порой может походить на самый невинный танец. Пока капоэйрист не влепит своему противнику пяткой снизу в челюсть.

В общем, поединок между мною и Флавиано Диасом в петушатнике обещал быть небезынтересным. И не мешало бы мне выжить, чтобы было о чем вспоминать на склоне лет. Я глянул на оцененные Биллом усовершенствования. Сразу после ссоры в «Неизведанных долях» я посетил магазин телесных принадлежностей – решил не терять времени. Хозяйничал там геронт – из тех, о ком говорят «песок сыплется». Я усердно мотал на ус лекцию – авось пригодится что-нибудь из его опыта.

– Поверь мне, я этих бразильцев знаю. По владению ножом они на равных с аргентинцами. Твой неприятель выберет пару шпор из суперсплава на основе стали, скорее всего уилкинсоновские или жиллеттовские. Это хорошие шпоры, но они тяжеловаты. А вот эти, – он достал и открыл тонкий футляр, показывая две прозрачные сабельки на черном бархате, – как раз то, что надо. Биостекло фирмы «Корнинг». Режущая кромка ничуть не тупее, чем у лезвия из суперсплава, но сама шпора легкая как перышко. И уследить за ней трудно. Кроме того, она хорошо совместима с костным веществом. Врастим стекло прямо в твою большеберцовую кость.

Помолчав, старик добавил:

– Да, кстати, по закону я должен тебе напомнить, что эти лезвия можно носить исключительно в декоративных целях. А теперь, если ты с этим условием согласен, может, приступим к установке?

Ну, что тут скажешь? Я взял шпоры.

А еще я дал себя уговорить на покупку двух пряно-ароматических желез – они крепятся на запястье у пульсовых точек. С ними-де я буду себя чувствовать настоящим мачо, женщины начнут липнуть как мухи на мед. Я не стал ему рассказывать о том, как сам ухитрился влипнуть.

Я помахал ногами, посверкал шпорами – специально для Билла.

– Да, красиво, – признал он. – Но все-таки ставки делаются три к двум в пользу Диаса. Я тоже решил поднаварить чуток на твоем горе, сосунок. – Билл заржал. – До вечера, увидимся в петушатнике.

Он ушел, не дожидаясь моих возражений. Впрочем, я не был уверен в том, что Билл стопроцентно заблуждается на мой счет.

Пришел черед нового мешка с мукой, и тут во дворе появилась Джеральдина. Я притворился, будто не увидел.

– Лью, умоляю тебя, не надо. Ты же знаешь, компания тебя от Диаса защитит. Не стоит зря рисковать своей жизнью, да к тому же идти против закона.

– Джеральдина, ты, кажется, что-то сказала?

– Да, я что-то сказала, упрямая ты постносвинячья задница! Я сказала, что не надо гробить себя из-за дурацкой гордыни!

– Прости, Джеральдина, но мне никогда не удается расслышать, что ты говоришь. То одно мешает, то другое.

– Да провались ты пропадом, чертов золотарь! Чтоб тебе кишки выпустили!

Моя ступня припечаталась к земле, поднялось мучное облачко.

– Джеральдина, ты меня недооцениваешь. Вот увидишь, как я надеру попку этому щенку…

Она только зыркнула на меня и пошла прочь, В дверях мотеля оглянулась и крикнула:

– А железы твои воловьим потом воняют! Тренировку я прекратил. С такими болельщиками, как Билл и Джеральдина, трудно удерживать боевой дух хотя бы на высоте дюйма от земли.

Я стоял на левой ноге, правая, согнутая в колене, была поднята. Банданой я вытер лезвие. Потом сделал то же и с другим.

Вечером я слопал большой стейк, фунт спагетти и яблочный пирог, сопроводив все это дозой пищеварина. К началу поединка желудок опустеет, а тело получит все необходимые белки и углеводы. Потом я отправился вздремнуть, и сон пришел на удивление легко. Когда сыграл будильник, я встал и принял душ. Надел ботинки устричного цвета – их пришлось разрезать, чтобы пролезли шпоры. Блестящие лезвия я прикрыл штанинами джинсов – получилось не слишком изящно, ну да сойдет.

Ни с кем не попрощавшись, я взял одноместный мобиль на батарейке и поехал в город. К общению не тянуло. Пускай ромалы добираются сами, а не захотят, так пусть в мотеле остаются. Билл и Джеральдина здорово меня разозлили.

Петушатник находился в Камспаник-барио, на старом товарном складе. Его запущенный вид не вязался с понатыканными кругом дорогими тачками. Я оставил среди них свое транспортное средство и вошел в здание.

Там ветхие трибуны взбирались под темные стропила. И все места были заняты почтеннейшей публикой, закинувшейся возбудином в ожидании развлекухи. В центре помещения располагался круглый деревянный помост высотой по лодыжку, а шириной с домашний плавательный бассейн. Ринг был покрыт слоем песка. На нем двое парней счищали пролитую кровь –

стало быть, матч только что кончился.

Я нашел рефери – блондинку с неразвитыми перьями на месте бровей – и объяснил ей, кто я и зачем пришел. Через минуту она разыскала в толпе Диаса и привела ко мне. Прав оказался продавец – бразилец носил уилкинсоновские лезвия.

– Сеньор, я рад убедиться, что имею дело с человеком чести.

– Цыпленочек, честь тут ни при чем. Я хочу только поиметь в задницу одного маленького заезжего извращенца, любителя гермов.

– Да будет вам известно, сеньор, эта леди, несмотря на особенности ее анатомии, великолепная танцовщица, и я буду счастлив защитить ее репутацию, похоронив сеньора в земле, которая его взрастила.

После этого «обмена любезностями» мы разделись возле ринга. Рефери тем временем привела Ищейку.

Живот Диаса был словно из гранита вырезан. Шоколадного цвета кожа. Ростом он едва доставал мне до грудины, зато мускулатура торса моей не уступала ни в чем. Ладно, авось мое преимущество в росте чего-то стоит. Главное – не подпускать бразильца вплотную.

Мы нацепили кевларовые гульфики. Я заметил Бензинового Билла – устроился в первом ряду, злорадная улыбка от уха до уха. И держит мою одежду и обувь! Черт с ним – еще не факт, что они мне снова понадобятся. Чувствовал я себя странно, казалось, яйца раздулись, стали большими, как у Хомяка.

Рефери отдала приказ Ищейке. Та сначала подскочила ко мне, лизнула, пробуя пот, куснула за руку между большим и указательным пальцем, чтобы кровь чуть-чуть пустить.

– Ничего, – прорычала Ищейка, погоняв жидкости по ротовой полости.

Той же процедуре она подвергла и Диаса, с таким же результатом.

– Ну что ж, сеньор и мистер, вы оба находитесь под воздействием разрешенных веществ, противозаконные стимуляторы не обнаружены. Давайте начинать представление!

Мы поднялись на ринг, и толпа разразилась варварским ревом, которому бы позавидовала публика древнеримского Колизея.

Рефери заговорила в пристегнутый к вороту микрофон:

– Граждане и прочие, сейчас вы увидите грандиозный матч. Слева от меня – гость Великого Далласа сеньор Флавиано Диас, из-за южной границы.

Диас получил бурные аплодисменты – ничего удивительного, кругом хватало его земляков.

– А справа от меня – коренной техасец из Роберт-Ли, мистер Лью по прозвищу Стрелок.

По части оваций я Диасу не уступил. Пока публика орала и хлопала, я искал знакомые лица – Джеральдина здесь и кое-кто из ребят. Затем снова сосредоточился на предстоящей драке.

– Итак, петухи, вам обоим известны правила. То есть вы знаете, что здесь нет никаких правил. За исключением того, что победитель решает, получит проигравший лечение или нет. Вперед, и да победит лучший петух!

И рефери поспешно отошла. Как только ее вторая стопа оторвалась от ринга, Диас напал.

Для начала он испробовал галопанте, удар рукой в ухо – чтобы я потерял равновесие. Я уклонился, и кулак лишь вскользь прошел по виску. Какая жгучая боль!

Я в долгу не остался – ткнул двумя напряженными пальцами сеньору в солнечное сплетение. Будто в доску! А ведь я стопку в несколько листов сталефанеры пробивал. Ничего, это он только притворяется, будто не почувствовал.

Толпа не скупилась на кровожадные вопли. Диас, точно идя на поводу у почтеннейшей публики, провел бенсу, удар ногой вперед. Я смотрел, как движется его правая нижняя конечность: сначала будто в замедленном кино, но все разгоняясь; стальное лезвие целит в мое горло. В самый последний момент я ушел вниз. Упав на ладонь, лодыжкой подсек единственную опорную ногу Диаса.

Но он, вместо того чтобы шлепнуться на песок, превратил свое движение в ау, то бишь колесо, и снова очутился на ногах на другом краю ринга. Я ринулся вдогонку, рассчитывая ослабить его парой-тройкой крепких плюх. Несколько головокружительных секунд мы обменивались прямыми ударами в. корпус и голову, и не возьмусь судить, кому досталось больше. Мы вошли в клинч, оттолкнулись друг от друга.

И вдруг Диас оказался ко мне спиной. «Вот она! – подумал я. – Твоя первая и последняя ошибка. Попался, ублюдочек!» Я вознамерился разрезать его, как только повернется.

Но он не повернулся. А сгруппировался и сиганул назад, с выходом на руки! Макаку – обезьяна! Одним прыжком одолел полринга.

И теперь я стоял к нему спиной.

Я резко повернулся.

Поздно!

Сначала почувствовал острую боль и лишь потом сообразил, что случилось. Два синхронных удара пришлись в бедра. Подлый браззи рассек мне бедренные артерии.

Я зашатался. Потом рухнул ничком. Из меня вместе с кровью вытекала сила.

– А теперь, – проговорил Диас, – я выполню свое обещание.

По голосу я определил, где он стоит. Собрав последние крохи сил, я сделал некое подобие стойки на руках и вонзил обе шпоры сеньору в брюхо. И рванул книзу, отчего у Диаса подломились ноги. Внутренности вывалились на кровавый песок.

– Тебе любой, кто на ферме вырос, скажет: не подставляй мулу задницу, – кое-как проговорил я и вырубился. Только успел подумать напоследок: если оба проиграли, то как же быть с лечением?

Не прошло и тридцати секунд, как явились блюстители закона.

Позже я узнал, что Диас обладал дипломатической неприкосновенностью, и когда у него пошли к нулю жизненные показатели, власти испугались международного скандала. Только по этой причине они сорвали субботнюю народную забаву – малость поздновато для меня.

Короче говоря, полицейские вышибли двери и пустили «страстимордасти», «ревукорову» и «какувоняку», чтобы подавить всякое сопротивление. Зрители пукали, плакали и звали мамочку, а мы с Диасом валялись, истекая кровью. Мне повезло – я лежал у двери, потому и не слишком надышался.

Но все же отключился еще раз.

А когда очухался, понял, что моя голова лежит на коленях у Джеральдины.

Она плакала. От слезоточивого газа, предположил я.

Джеральдина проговорила сквозь рыдания:

– Лью, ты не бойся, не бойся, не бойся! У меня с собой аптечка. Специально для тебя принесла. Я тебя уже заштопала.

Я хотел потрогать бедра, но не удалось – Джеральдина перехватила мою пятерню и прижала к своему лицу. А потом – наверное, машинально – принялась тереть моим запястьем по своей шее. Как раз тем местом, где была накладная железа.

– Все обойдется, Лью. Я добьюсь твоего освобождения под залог и буду приходить к тебе в больницу. Вот увидишь!

Долго пришлось искать голос, облюбовавший себе укромный уголок где-то в глубине меня.

– Джеральдина… я тебя не слушаю, – прохрипел я.

– Да, Лью, я знаю. Ты меня никогда не слушаешь.

Большой Едок

Это откровенный рассказ о том, как я спас Чикаго от Второго Потопа, не дал сестре окончательно превратиться в багу и заработал себе продвижение по службе – из класса серволайт прямо в альфа-симбланды. И все это – за один-единственный день.

Правда, не обошлось без содействия Большого Едока.

То судьбоносное утро начиналось в точности так же, как и любое другое.

В семь пичужка-болтушка защебетала мне в ушко. Она не совсем синтетическая – старая модель, дельтаволновая, синкретическая. Сразу включилось реле просыпания, всплыли в сознании воспоминания. Я ведь общественник, я – серво-лайт, ждет меня служба, пора на арбайт. Живо вскочил – и с песней вперед! День пламенеет, труба зовет! Вот на что намекала пичуга, моя верная слуга и подруга.

– Пора вставать, Корби! Пора вставать! Семь ноль одна ноль три! А то на работу опоздаешь. Пора вставать!

Нету сна ни в одном глазу, на пол с койки уже ползу. Только свесил с кровати чресла, как она превратилась в кресло.

– Хватит трещать, я уже не сплю! Птаха умолкла, раскрывши клюв.

По пробегающим в черепе рифмам мне стало ясно: надо срочно поправлять здоровье. Так что первой процедурой утреннего туалета стала смена липучки. Отработавшее свое изделие фирмы «Каби-Фарм» я сорвал, а свежее пришлепнул за ухом. Чуткий встроенный датчик, чтобы липучка не бросалась в глаза, изменил ее окраску на шоколадную – под цвет моей кожи.

Употребив тропы, я пожелал узнать новости. Птичкины эндопланты (производства «Тогай-Мэджик») отреагировали на мои голосовой приказ-заказ. Яркий попугай осекся на полуфразе и разразился цээнэсовским аудиопотоком; сигнал шел по шлейфу мультиплексовой передачи, который не позволял пичужке-болтушке удаляться от насеста.

«Вчера мэр Джордан начал недельное празднование своего восьмидесятилетия. Первым мероприятием послужило открытие построенной концерном „Даймлер-Крайслер аэроспейс“ новой станции Жолье на чикагско-монреальской магнитолевитационной дороге. Церемонию посетили североамериканский премьер-министр, директор Биорегиона Великие Озера, несколько высокопоставленных представителей Всемирного Банка и множество товарищей мэра по его прежней команде. Все

побывали затем на званом вечере, где вместе с ними развлекались звезды многочисленных фабрик грез, от Болливуда до Тайконга, включая столь известных деятелей, как Ньюси Флузи, Джонни Куэсти и Вуббо Кита.

Комиссия по надзору за трансгенами выпустила демон-релиз с предупреждением о том, что знаменитая беглая помесь, известная под кличкой Чокнутый Кошак, возможно, проникла в БВО. Просьба ко всем траншам сообщать о любых подозрительных лицах своим симбио-тическим баззвормам [4] или патрульным робокопам.

Сегодня во второй половине дня проходившая перед Торговой палатой демонстрация антимодов вылилась в массовые беспорядки. Традиционный лозунг «Без наворотов и хронокроя» вскоре сменился криками «Трансгенов – на мыло!». Власти объявили зоной чрезвычайного положения сферический сегмент в девятнадцать дуговых градусов, изолировали за полчаса три квартала и пустили газы «безмятеж» и «рвотонедержин».

Новости с финансовых фронтов. Индекс Ханг-Сенг отмечает повышение активности в торговле, такова реакция на лихорадку пражской биржи. Мумбайские брокеры ответили на это…»

– Помягче, – приказал я, и попугайский голос Центральной Нервной Сети снизился до успокаивающего шепота.

Пичужка-болтушка – это связь с ЦНС, но связь примитивная, ограниченная по возможностям. Увы, никакой другой мои измененные биопараметры не допускают. Мне крепко досталось – нейросети всмятку, мысли так и норовят рифмоваться, а виртуалка или даже обычная трехмерка для меня теперь недоступны. Не репа у меня теперь, а рэпа. В том смысле, что она любую ерунду перекладывает на рэп.

Ту катастрофу мало кто помнит. Да и неудивительно, ведь столько воды утекло, и мир так быстро меняется. И эти катастрофы, одна другой круче: Хронотроповая война, вторжение Большой Серой Сикарахи… Скандалы меньших масштабов и сиюминутные диковины быстро забылись. Да и к тому же событие, о котором речь, произошло больше десяти лет назад. Тогда пострадали три миллиона человек, плюс-минус сколько-то там. Но ведь это всего лишь четыре процента от населения, и вдобавок жертвы рассеяны по всему Североамериканскому Союзу.

А случилось вот что. Около трех миллионов перципиентов настроились на канал «Виртуально-музыкальное шоу», чтобы насладиться получасовой программой «Рэп-классика». Вот тут-то возьми да и случись диверсия. (Помнится, виновных в преступлении так и не вычислили, хотя подозревали многих – от Сыновей Дикси до Пушек Лимба.) Ни один перец даже не успел

сообразить, что происходит, уже не говоря о том, чтобы отключиться. Скорость двоичной передачи ВМШ вдруг утроилась, защита не среагировала, и на невинный сигнал наложилась пиратски изготовленная копия микропрозовской «Реформы хардкора», обычно выпускаемой по государственной лицензии и предназначенной для государственных и корпоративных пенитенциарных учреждений.

Вклинившаяся программа свое дело сделала. Текст «Реформы хардкора» имел облик невинного рэпа, однако ей удалось отключить волевые центры перцев и проложить новые нервные пути в трех миллионах мозгов, сделав полувековой давности рэп доминантной поведенческой парадигмой.

В конце концов власти прекратили работу ВМШ, но к тому моменту три миллиона человеческих мозгов уже было зомбировано.

– И один из этих мозгов принадлежал мне – в ту пору тринадцатилетнему невинному ангелочку, жившему вместе с мамочкой и сестричкой в проджексе «Турецкий модерн».

Ладно, не буду нагнетать атмосферу, пугая читателя сверх всякой меры. Курсы лечения тропами и восстановителями со временем почти восполнили урон, понесенный нервной системой. Почти – но не совсем. Внешне я стал вообще совершенно нормален, если не считать пустякового тика. Но хоть я на голову и окреп, а все равно обожаю рэп! Хотите – верьте, хотите – не верьте, любить его буду до самой смерти!

К сожалению, максимум, на что оказались способны крупнейшие лаборатории – такие как «Ново-Нордиск», «Кантаб» и «Неосефарм», – это создать троп, снимающий симптомы недуга. Дневная доза стихосомов позволяет худо-бедно контролировать квазитурет-синдром. Правда, в стрессовых ситуациях, в моменты пробуждения или под воздействием других сильнодействующих препаратов я не очень правильно говорю и думаю.

Естественно, были судебные процессы, и со временем жертвам катастрофы выплатили компенсацию. Каждый получил десять тысяч северосоюзных долларов.

Я половину этой суммы отдал маме. Грустно вспоминать, как она все истратила за одну поездку на Вторую Месу, знаменитую своими индейскими казино. Ей не хватило денег даже на короткую экскурсию в Большой Каньон – а ведь она так давно мечтала пролететь по нему на Лед-Зеппелине. Тысячу я выделил сестре – насколько нам с мамой известно, Шарман эти деньги тоже профукала. А те, что оставил себе, я решил поберечь.

И хотя перед катастрофой я не думал всерьез о переселении из «Турецкого модерна», впоследствии надумал жить отдельно.

Видел я, как опускаются живущие на инвалидное пособие – когда день-деньской валяешься на койке, а разум твой шарится по виртуалке, ничем хорошим это кончиться не может. Поэтому я дал на лапу одному мелкому муниципальному чиновнику, и в обход закона мое имя попало в список «лотерейных» кандидатов в Депобщраб. На оставшиеся бабки я накупил черного ширева, оно помогло со скрипом пройти тест на профпригодность. (Я мог бы получить оценку и повыше, но волновался и выдал рифмованный ответ, что не понравилось экзаменаторам.)

Эта оценка в дополнение к моему официальному статусу нетрудоспособного лица обеспечила меня первой – и пока единственной – в моей жизни работой: кормить Едоков и выполнять распоряжения шефа нашего корпуса Ченгиза Озтюрка.

А он будет рвать и метать, если я опять опоздаю.

Поэтому я налил растительного молока «Пионер» в чашку со «Стрессген-суперхлопьями» и торопливо съел. Облачился в синюю с золотом депобщрабовскую форму-облегайку и был уже почти у двери своей стандарт-комнаты, когда через мои фильтры пришло личное сообщение с кодом высшего приоритета и громогласно прервало едва слышные новости ЦНС.

– Корби, – заорал попугай, – это мама! Я из дома звоню! Скорее приезжай! С твоей сестрой беда!

Прежде чем я успел запротестовать – мол, опоздаю на работу, если к тебе поеду, не можешь ли сама как-нибудь справиться? – мама отключилась, не оставив мне другого выбора, кроме как смазать пятки и бежать без оглядки. На пути моем – стул, я его лягнул; на пути моем – дверь, я рычу как зверь. Дверь ушла в стенку, бегу по ступенькам. Вот я в интраметро, дух перевожу. Что случилось с сестрой? Ладно, там погляжу.

До «Турецкого модерна» я добрался в два счета.

Квартал успел состариться еще до моего рождения, а теперь он и вовсе казался древним, как ноев ковчег. Неумные дома, серые улицы, неполноправные граждане, мусорящие на площадях. Всюду карманники и попрошайки, каждый дом – логово шайки. На улицах патрулируют мутавимы и ходжи, куколке с сексовым прикидом лучше им на глаза не попадаться.

Девятым валом нахлынуло мое безрадостное прошлое. Но я, облаченный в синее с золотом, мужественно поднял голову и двинулся через толпы зевак, не удостаивая их даже взглядом. Пусть видят: ничто меня с этим местом не связывает.

Чтобы не лезли в голову рифмы, надо думать о чем-нибудь нейтральном. Я вспоминал историю квартала.

Когда я был еще мальчишкой, во времена Последнего Джихада, вскоре после падения Стамбула, МВФ стал пускать

беженцев в разные страны, города и биорегионы. В Чикаго прибыли главным образом турки – их насильственно вселили в построенный второпях проджекс.

Одним из этих поселенцев был мой папа.

Он полюбил местную девушку по имени Чита Гарвей. Она и стала моей матерью. В шестнадцать лет она была очень симпатичной кубо-гаитянкой. Родственникам папы не очень-то пришлась по вкусу перспектива межконфессионального брака, но он все же состоялся, и вскоре на свет появился сын, а затем и дочь.

Когда мне было восемь, а сестренка была новорожденной, папа и его дядя, фанатик по имени Зеки, серьезно поспорили. Зеки утверждал, что отец предал свой род. Слово за слово, и дошло до потасовки. И до крутой потасовки – Зеки выхватил из кармана нейрошунт военного образца (разработанный снеговиками и «участвовавший» в операции «Рок Касбаха» [5]) и прижал его к отцовской шее. Быстро пробурившись к позвоночнику, шунт завладел контролем над папиными моторными импульсами и буквально заставил его не дышать.

После смерти отца я был главным (и единственным) мужчиной в семье. Пока не отселился.

А теперь мама вновь заставляет меня вспомнить былую роль, хотя я давно снял с себя заботу о ней и о сестре.

Когда я поднимался по стертым ступеням знакомого до боли девятого корпуса (жильцы его в шутку прозвали Золотым Рогом), на меня упала медлительная тень дирижабля с лазерным управлением. И я с грустью вспомнил мамину стародавнюю несбывшуюся мечту о посещении Большого Каньона. Что же они с Шарман не оставят меня в покое, что же все тянут меня в проклятое прошлое? Им наплевать на то, каких бабок и хлопот мне стоило получить даже паршивую должность серво-лайта. Им наплевать, что я могу ее лишиться из-за сущего пустяка – такого, как опоздание.

«Эх, вот бы совершить что-нибудь выдающееся, – думал я, поднимаясь на вонючем лифте (стены кабины были сплошь в похабных сентенциях местных жителей), – показать, что я не просто инвалид, взятый на работу из жалости, что я – профи… Может, тогда бы мне жилось поспокойнее…»

Но я совершенно не догадывался, какой приз-сюрприз припасло для меня ближайшее будущее.

На сорок четвертом этаже я подошел к знакомой двери. Было слышно через макромолекулярные стены, как кричат друг на друга мама и Шарман, так что я даже не постучал. Просто приложил ладонь к потоанализатору генного экрана и вошел.

На меня обрушилось запоздалое дежа-вю. За год, пока я здесь отсутствовал, ничего из мебели не переставляли – а значит, не было и других перемен. На полке так и стоял мой детский набор «Юный генетик». Устаревшая филипсовская виртуола щеголяла пятнами – три года назад я ее пытался перекрасить глупокраской.

На подоконнике цеплялась за жизнь вечноумирающая орхидения.

Мама стояла ко мне спиной, заслоняла сестру. Когда повернулась и отошла, я понял, отчего она такая расстроенная и почему она вызвала меня.

Шарман обзавелась еще несколькими усиками. Да к тому же по обеим бокам и бедрам появились ряды жучиных ножек, и все эти отростки противно шевелились, дергались и корчились. Одежда была поделена на сегменты – чтобы не стеснять движения многочисленных конечностей.

– О нет! – воскликнул я. – Шарм, я думал, ты уже порвала с Тараканами…

У сестренки всегда было томно-миловидное личико, несмотря на космы и живые черные с радужным отливом протеогликановые усики, торчащие на добрый метр из лба. Но теперь это лицо, искаженное горем, страхом и слезами, казалось уродливым.

– Я никогда не порву с Тараканами! У меня просто башлей не было на все нужные навороты, а как появились, так я и…

В разговор вмешалась мама:

– Расскажи брату, как ты добыла две тысячи сас-баксов! Давай выкладывай!

Шарман возмущенно выпрямилась:

– Ладно, мамочка, расскажу. На кошках выиграла. Мама оглянулась на меня в поисках поддержки:

– Нет, ты слышал?! Родная мать во всем себе отказывает, кроме азартных игр, а она последние деньги крадет! Эта jeune fille estupida [6], не способная отличить гепарда от оцелота, все ставит на один забег!

– Это я-то не могу отличить?! Да я вернула вдвое больше, чем взяла!

– А остальное зачем растранжирила?! Во что превратила свое прекрасное тело?

– Моя грудная клетка, во что хочу, в то и превращаю. И кто бы говорил! Это ты у нас, что ли, мисс Бетти Базовая Линия?!

В суматохе я далеко не сразу обнаружил в мамином облике перемены. Шоколадная кожа в пятнышках, как шкура у ее любимых беговых кошек. Прозрачные усы, на манер кошачьих, дыбились над ртом.

– Ерунда! Моя пустяковая слабость – как старомодная тень для век моей memere [7] по сравнению с твоими безумствами. И кроме того, belle gato [8] – млекопитающее, как и мы. А тараканы…

Этот шар угодил точно в лузу. Шарман взорвалась!

– Ну, давай! – завопила она. – Договаривай! Тараканы – это насекомые! Жуки! Баги! Ничего, меня этим не оскорбишь. Жуки прекрасны! Они по развитию не ниже нас, а выше! Существовали задолго до млекопитающих и останутся, когда мы сами себя истребим. Горжусь тем, что я – Таракан! И как только денег раздобуду, панцирь куплю, целиком! Сейчас идет война цен между «Нейрокрином» и «Берлексом», хитин уже не дороже простогландина! У Долгоносика есть щитки, красивые – никакими словами не описать.

– Ай-яй-яй! – запричитала мама. – Дамбалла, Эрзули и Иисус, спасите меня от этой маленькой хамки!

И вдруг мои ноги точно в кисель превратились. В который уже раз я слушаю этот спор? В сотый, наверное. Наши жизни – будто фильмы, но мамина и сестренкина все снова и снова прокручиваются, а моя – на паузе.

Сколько ж еще терпеть эту пытку? Когда совершу я к бегству попытку? Пусть эти тетки рвут себе глотки, только меня отпустите, уродки! Надо брать ситуацию в свои руки, пока эти скандалистки не вырвали из меня сердце.

Я устало опустился на стул, мой взгляд упал на настольный аквариум. Там плавала четверка чешуйчатых трилобитов. Возня этих водяных гусениц напомнила о работе, и я вскочил, как ужаленный.

– Да прекратите же! Вы ничего не решите, если будете друг на друга орать. Разве так должны толковать дочь и мать? Мама, вам с Шарман пора убрать пальцы с горячих клавиш. Что было, то быльем поросло, надо жить дальше. – Тут у меня возникла спасительная мысль: – Вот что, пускай Шарман при мне денек потусуется. У нас будет время обо всем поговорить, авось что-нибудь путное из этого вылупится. А вечером я ее привезу, и мы поужинаем вместе.

– Корби, ты всегда был таким славным мальчиком, – заулыбалась мама. – Не сомневаюсь, ты сумеешь вправить мозги нашей la cucaracha [9].

Шарман напряглась:

– Мама, я предупреждаю…

Я схватил Шарман под локоток, шлепнул по одной из растущих из живота ножек (та инстинктивно поджалась) и потащил к двери.

– Корби, – провожал меня в коридоре мамин крик, – я

приготовлю твой любимый мамонтовый стейк!

Только в поезде, что ехал через город, Шарман заговорила со мной.

– Мамонтовый стейк! – фыркнула она. – А для меня – только котлетка из овцеволчатины, и то, если долго клянчить!

Я слегка успокоился, доставучие рифмы отступили в какие-то маловажные доли мозга. Слава богу, Шарман не собиралась хранить угрюмое молчание. Поглядим, вдруг да удастся выправить ситуацию.

– Зря ты так, Шарман. Знаешь же, мама – не из породы домохозяек. Да и после папиной смерти нелегко ей пришлось. А ты, вон, играть вздумала. Неужто не понимаешь, что этим блокируешь ее рецепторы? У нее и правда только одно развлечение в жизни осталось…

Шарман напряглась, отростки на животе принялись шевелиться, как ножки задавленного таракана. Видимо, она еще не научилась как следует управлять этими конечностями.

– А как насчет меня? Я для нее что, не развлечение? Почему она мной не интересуется, моей жизнью? Тебя всегда расхваливает, превозносит до небес. А мне от нее достаются только гной и слизь.

– Шарм, зачем так вульгарно? Мама меня больше любит, потому что я ей, наверное, чем-то папу напоминаю. И она мной гордится, потому что я выбрался из проджекса. И работу нашел… Правда, это не бог весть что, но все же… Ну а что она твои лейкотрины катализирует, так это…

– Знаю, знаю, из-за Тараканов. Ну, ладно. У меня для вас с мамой есть новость. Я уже не личинка. Я взрослая. И я все решила! Быть Тараканом – это здорово. Это великая честь. Сделался Тараканом – оставайся им до конца. И очень скоро я стану Тараканом полностью. Потому что со дня на день начнутся великие события, и Тараканы…

Шарман осеклась.

– О чем это ты? Что за гадкие капканы ставят нам твои Тараканы?

Она обхватила себя всеми восемью руками – две основные и шесть дополнительных, – замкнулась, и мне больше не удалось вытянуть из нее ни слова.

Когда остановился поезд, мы в очереди к выходу оказались за Человеком-Видимкой. Жуткое зрелище всех его работающих внутренностей вызвало у меня желание исторгнуть съеденные на завтрак суперхлопья.

Ну и выдался денек, хоть головкой об пенек!

Наверху мы зепто подождали на зеленом берегу озера Мич,

под деревьями. Свежий ветер теребил нам волосы. На чистых водах играло солнце. Недалеко от транзитной остановки высилась штаб-квартира Корпуса Едоков, подчиненного властям БВО. Мы с Шарман двинулись в этом направлении по утопающей в тени адамовых деревьев пешдорожки.

Штаб-квартира КЕ в прошлом веке была аквариумом Шедд. Но, как и все зоо– и аквапарки былых времен, с пришествием помесей океанариум оказался не при деле.

Когда трансгены всех мастей – в том числе и чудища, каких матушка-природа по собственной воле никогда бы не произвела на свет, – стали попадаться не в книжках и фильмах, а на улицах, в транспорте и магазинах, а то и в кроватях отдельных представителей человеческой расы (например, продукция «Гедоникс-плюс»), зевакам разонравилось смотреть на клетки с тоскующими пленниками. Все зоопарковладельцы быстро распродали экспонаты по лабораториям и занялись другими делами. Даже как хранилище видов, находящихся под угрозой исчезновения, зоопарк больше не был нужен – эту работу на себя взял Большой Генетический Банк.

Но все-таки бывший туристский аттракцион сохранил кое-какие связи с животным миром, и у меня нередко возникал повод об этом подумать.

В дверях я встретил Шарика, своего приятеля и коллегу – он тоже работал Кормильцем Едоков. И видок у него был замотанный.

– Привет тебе, Шарик, ходячий кошмарик, – чуточку нервничая, сказал я. – Как настроение у нашего Оззи?

Физиономия Шарика – сплошь вислые складки и глубокие морщины – очень подходит к собачьей кличке. Всегда-то он уныл, и свет ему не мил. А когда по уши в заботах, как сейчас, так просто олицетворение вселенской тоски до гробовой доски.

– Меня Хан напугал. Он же всегда такой апоптозный, а нынче просто на себя не похож! Представляешь, дал нам всем отгул, велел посетить в Петле [10] официальный контакт-фестиваль. Ну, это что-то вроде сенситивного тренинга – как правильно обращаться с демонстрантами-антимодами. Вот ты скажи, неужели тот Хан, которого мы знаем и ненавидим, способен уронить хотя бы йоктослезинку, если кто-нибудь из нас треснет по зубам чертова горлопана?

Действительно, для Оззи это странновато. Но все же я решил, что слышу хорошую новость – хорошую по сравнению с предыдущими. Мне даже зепто полегчало. Однако Шарик тут же меня разочаровал:

– Он у всех спрашивает, где тебя носит. Сдается, для кадета

Корби у него особое задание.

– Всемогущий Огун! Ну, я и влип, как базово-линейный кур в ощип!

– Вовсе даже и не обязательно. Я же говорю: наш Хан на себя не похож. Может, и не спустит с тебя шкурку. Но все-таки не стоит тебе медлить.

– Твоя правда. Спасибо за предупреждение, Шарик. С меня – ответная услуга.

– Да ладно, какие счеты между чуваками. Э, а кто эта симпотная бага? Хочешь со мной денек провести, а, божья коровка?

Пока мы с Шариком толковали, Шарман скучала и помалкивала, да шевелила новыми конечностями в запрограммированной последовательности – чтобы попривыкнуть к управлению ими. (Я надеялся, что она не забыла принимать цекропины.) Однако последние слова Шарика ее вывели из себя:

– Ты, хордовое! Жуй ромашник и помалкивай в намордник!

– Шарман, не заводись. Шарик, это моя младшая сестра, только она сегодня не в духе. Ты уж не обижайся.

– Млекопитающее не должно заступаться за Таракана.

– Шарм, инкапсулируй раздражение в вакуоль! Шарик, вот что, я тебя попозже найду. А сейчас пора получать от начальника горькие пилюли.

Я провел Шарман в офис Ченгиза Озтюрка. В приемной усадил сестру на диванчик-обниманчик фирмы «Био-сферикс».

– Здесь побудь. Мы еще не договорили насчет проблем нашей маленькой зародышевой линии. Через зептосекунду вернусь.

– Просто сидеть и ждать? Да я со скуки сдохну.

– Можешь волосы свои пересчитать. Найди себе развлечение, не сестра, а сплошное мучение. Вот, картинки порастрируй. Некогда мне с тобой нянчиться, начальник ждет, по башке надает…

Никогда еще любящий братец не позволял себе такого обращения с Шарман. Но это, похоже, открыло ей глаза на широту моей натуры, и она хмуро взяла пару ретинокрасителей, предназначенных для скучающих посетителей.

– Глазоувеличитель фирмы «Оливетти», – насмешливо проговорила она. – Ну и хлам!

Я так изменился в лице, что Шарман замолкла и надела очки.

Пройдя зигзаг световой ловушки, я очутился в рабочем кабинете Озтюрка.

Ченгиз Озтюрк – ветеран Последнего Джихада. Он занимал пост в светском правительстве Турции и едва не погиб в осажденном шахидами-убийцами Стамбуле. Оз-тюрк пережил

самый мощный штурм города и пострадал от новейшего оружия.

Существовала раньше такая болезнь – ксеродерма пигментозум. Тот, кто ее цеплял, становился настолько чувствителен к солнцу, что, проведя под ним (еще до образования Великой Озоновой Дырищи) средней продолжительности день, приобретал рак кожи и другие клеточные заболевания.

Озтюрк был поражен боевым инфекционным агентом, выведенным из возбудителя этой ретроболезни. И теперь заразу не искоренить, она подстроила свою жизнедеятельность под его физиологические процессы.

Достаточно попадания на кожу нескольких фотонов с частотой видимого света, чтобы мой шеф забился в конвульсиях. И это спустя зепто времени закончится гипермучительной смертью.

Его эвакуировали в светонепроницаемой гомеокапсуле и поместили в подземную операционную, куда не проникал ни единый фотон, и там костолепы и клетковары тщательно его обследовали. Но помочь ничем не смогли, разве что адаптировали его зрение к инфракрасному свету и подыскали кабинетную работу альфа-симбланда.

Со временем он стал шефом Корпуса Едоков, моим начальником. Есть ли нужда добавлять, что тяжелый жизненный опыт не сделал его приятным в общении старичком-бодрячком?

Я уже одолел зиг и пробирался через заг, когда наткнулся на облипучку-приставучку фирмы «Доу-Хьюз» – последний защитный барьер между Озтюрком и миром.

Лицо встретилось с податливой преградой. О черт! Меня вмиг опеленала полуорганическая пленка, с головы до ног, заклеилась сзади. А из паза в автомате пошла новая «простыня» – на тот случай, если мне удастся справиться с первой. В коконе самостоятельно проделались отверстия напротив рта и ноздрей – это чтобы я мог дышать и отвечать. Глаза остались зашорены – в них как бы нет нужды.

Никакая опасность мне не угрожала. Будь у меня оружие, я бы не смог им воспользоваться. Даже если бы держал в руке готовый к включению лазик, пленка бы его нейтрализовала, проникнув в механизм или обездвижив палец на кнопке. Впрочем, обмануть липучку можно, на то есть разные мудреные способы, да только кому захочется подкоптить старикашку Озтюрка? Этот параноик перестраховывается абсолютно без необходимости.

Я застыл в дверном проеме.

– Капитан Озтюрк? Это я, кадет Корби… Комната была затоплена низкочастотным свечением,

И я, ничего не видя, будто кожей чувствовал на себе взгляд

модифицированных глаз Озтюрка. Ну и работенку я себе подыскал! Впрочем, все лучше, чем гнить в «Турецком модерне».

Озтюрк наконец заговорил. Смешной у него был голос, почти механический. И тут я понял, что означали слова старины Шарика «на себя не похож».

– Кадет, мне требуется ваша помощь в небольшом эксперименте. Известно ли вам, что в зоне нашей ответственности замечен террорист по кличке Чокнутый Кошак? ,

– Так точно, сэр.

– Мне очень не хочется, чтобы Едоки пострадали от действий злоумышленника. Поэтому я перестроил их диет-поводки. Но в полном масштабе процедуру кормления не запустил – хочу сначала провести эксперимент, убедиться, что не будет превышен установленный уровень ненаблюдаемого вредного эффекта. Возьмите вот этот образец и скормите колонии Речное Устье.

Я протянул руку – медленно, чтобы не спровоцировать приставучку на морозильную реакцию. На мою облепленную ладонь Озтюрк положил сверток.

– Если хотите, можете с помощью комп-перчатки проанализировать новую молекулярную структуру поводка, – предложил Озтюрк.

– Виноват, сэр, но комп-перчатками я не пользуюсь. У меня нейроинвалидность…

В голосе Озтюрка почему-то зазвучало удовлетворение.

– Ах да, конечно. Я должен помнить о таких вещах. Ладно, кадет. Приступайте к выполнению задачи.

Я затаил дыхание – вот сейчас речь зайдет о предстоящей выволочке! Но – не зашла. Появилось ощущение, что я остался в одиночестве. Наверное, Озтюрк скрылся в соседней, жилой, комнате. Ладно, не ждать же прощального поцелуя. Я поскакал в обратном направлении.

Пройдя половину световой ловушки, освободился от облипучки. В приемной забрал Шарман – она, ясное дело, разнылась, что я не дал досмотреть «Жаркую багровую равнину», фильм студии «СиМ». Заказал шкодовские реасанки и карманкомп фирмы «Талиджент». Надо было выполнять поручение.

Мы катили по улицам на север. Шарман сидела в седле позади меня, колючие насекомьи ножки впились в мои ребра.

По пути я размышлял, почему для такого задания капитан Озтюрк выбрал именно меня. Странно, как ни крути. Что это, намек на признание заслуг, на повышение? Или это просто воля случая, надо делать дело, мозги не мучая?

Естественно, ответа я так и не нашел, Потому засунул вопрос

в долгий ящик.

Вскоре мы очутились на берегу, напротив колонии Речное Устье, в шести кварталах к югу от Оук-Стрит-бич, где играют на жаре в баскетбол беззаботные транши.

Мы с Шарман стояли на низком органобетонном пирсе с эмблемой КЕ – он предназначался для служебных нужд: парковка транспортных средств, кормление Едоков и тому подобное. Я показывал на жилище Едока. Оно было совсем рядом, в полуклике от берега.

Озерная рябь сильно блестела. Притеняя глаза, Шарман сказала:

– Ух ты, какой здоровенный! Между прочим, я здесь еще ни разу не была. Все равно что жить в Нуэво-Йорке – и не увидеть Тиви-Сити. Из чего сделано, из камней?

– Камни, грязь, деревья, плавник, сломанные автомобили. Что Едоки собрали в озере, то и пошло в дело. Строители они просто классные.

Сказал я это, гордясь по праву, моим подопечным пою я славу. Долго я был при Едоках радетелем, знаю цену их добродетелям. Хорошие это помеси – честные, непритязательные, ответственные. А я их вдобавок считал красивыми – что бы там ни говорили скептики.

А ведь – подумать только – не будь теракта, не было бы появления Едоков, как свершившегося факта! Так бы и жили создания эти только в лабораторном проекте.

Двадцать лет назад БВО подвергся нашествию мутировавших водорослей. Самым первым захватчиком был видоизмененный канадский рдест Elodea canadensis, интродуцированный в фарватер реки Святого Лаврентия. По части воспроизводства он легко заткнул за пояс «папашу» – ему понадобилась всего лишь неделя, чтобы удвоить свою биомассу. Применив довольно простую хемокомпьютерную технологию, егеря БВО прекратили распространение рдеста-мутанта, но биорегион тут же был атакован еще более агрессивной водорослью – тысячелистником-аллигатором. Ее тоже прикончили, но это были только передовые части большой напасти.

Следующей проблемой стала печально известная помесь водяного гиацинта и сальвинии плавающей.

Через несколько дней весь БВО стал зоной бедствия и оказался под ЧП-колпаком.

Сегодня соплюхи вроде моей сестры, родившейся позже катастрофы, могут не верить в способность маленького неядовитого цветущего водяного растения причинить чудовищные убытки. А я не только в учебники заглядывал; в моей

детской памяти запечатлелись огромные массы плавучей растительности.

Гиасальвиния (так ее назвали впоследствии) удваивала массу через каждые два дня, новые растения отделялись от своих вегетативно размножающихся родителей и уплывали колонизировать девственную территорию.

Водоросль собиралась в гигантские плоты, до двух метров толщиной, и вскоре покрыла весь БВО. Растительность мешала судоходству, опутывала трубопроводы, по которым подавалась промышленная химия и питьевая вода, и даже способствовала наводнениям, вытесняя водяные массы. Когда начали гнить старые и коротко-живущие растения, они поглощали свободный кислород, отчего задыхались рыба и фитопланктон. Как ужасно при этом воняло тухлятиной! Да вдобавок ковры водорослей великолепно служили для размножения комаров, а те кусались будь здоров!

Чтобы ликвидировать эту угрозу, пришлось собрать войска биорегуляции со всего Союза. Прежде чем они добились успеха, массы генетически идентичных растений вошли в мировую историю.

В этой борьбе у нас было чудо-оружие – Едоки. Выращенные в спешке, но с умом, из нутрий и ламантинов, и, естественно, человеческих зародышевых линий (которые всегда так волнуют горлопанов), гиасальвиниядные Едоки (другие названия: ламантрии, нутрантины, озерные коровы) распространились по терпящей бедствие экосистеме со всей быстротой, на какую только были способны их производители: «Инвитроген», «Призм», «Биоцин» и «Каталитика».

Кризис был преодолен, но Едоки остались – защищать БВО от грядущих напастей. Великие Озера они называли своей родиной. И, где бы они ни плавали, всегда возвращались, привязанные невидимой нитью пищевого снабжения, к своим берегам. И там их встречал Кормилец, такой как ваш покорный слуга, скромный трудяга диет-поводка.

– Как ты добиваешься, чтобы они подплывали? – спросила Шарман, как мне показалось, с неподдельным интересом.

– А вот так.

Я вынул карманкомп и набрал личный код. Опустил машинку в воду, где она принялась испускать ультразвуковой призыв.

Через несколько минут появился первый Едок.

Большой Едок. Глава колонии. Он был в полтора раза крупнее любого нутрантина и вдвое умнее. И только ему полагалась речевая приспособа.

Из воды вылетела мохнатая бурая торпеда. Большой Едок

обрызгал нас с головы до ног – так он всегда здоровался, – и Шарман завизжала.

Он ухватился за пристань ловкими пальцами, но туловище осталось в воде. По морде озерной коровы сбегали ручейки. Уши и челюсти у нее были впечатляющие – генные инженеры не даром ели свой хлеб.

– Корби, – ухмыльнулся Большой Едок. – Как поживаешь?

Я дотронулся до скользкого маслянистого меха.

– Спасибо, Большой, все у меня в порядке. Как твоя хозяйка, как детеныши?

– У нее все хоро-шо. И у мелких хоро-шо. Мы караулим. Мы спим. Мы строим. Жизнь хоро-ша.

– Рад это слышать.

Шарман опустилась рядом со мной на корточки,

– А можно… Можно его погладить?

– Конечно. Большой Едок, это моя сестра Шарман.

– Шар-ман. Здрав-ствуй.

Сестра инстинктивно нашла и почесала любимое местечко Большого Едока, за ушами. Она как будто вернулась в невинные хроногоды.

– Ах, какие мы мяконькие да пушистенькие… Я не удержался:

– А мне казалось, у вас, Тараканов, млекопитающие не в чести…

Шарман тут же взъелась:

– Мы людей ненавидим, привилегированную расу. А бедненькие помеси ни в чем не виноваты, это вы их такими сделали. Мы солидарны со всеми угнетенными существами! И наступит день, когда…

– Когда что? Шарман не ответила.

– Демагогию порешь – в точности как этот маньяк, Чокнутый Кошак. Вот погоди, кто-нибудь стуканет – попадешь в кутузку.

Шарман встала:

– А мне плевать. Мы готовы сражаться за то, во что верим.

Большой Едок оборвал наш спор:

– Кор-би, зачем ты поз-вал меня?

– Ах да. Пора новую пилюлю пробовать. – Я открыл полученный от капитана Озтюрка пакет.

Большой Едок удивился:

– Поче-му сей-час? Мало дней про-шло.

– Сам знаю, что мало. Это особенная таблетка. Защита.

– За-щита? – Большой Едок взъярился: – Кто хочет зла стае?

– Бешеная помесь. – Я пропустил мимо ушей возмущенное фырканье Шарман.

Подумав, Большой Едок решил:

– Я дру-гих приве-ду.

Он исчез под водой, а мы с Шарман остались ждать. Вскоре подвалила стая Едоков.

Большинство Кормильцев – лентяи, они просто сигналят о доставке таблеток и выкладывают их на пирсе – по одной на каждую озерную корову. И если кто-нибудь не получит свою порцию или ошибка в программе вскоре вызовет смерть от внутренних кровоизлияний и тахикардии, Кормилец переживать не будет. Да и чего переживать из-за каких-то помесей? Всегда можно новых наделать.

Но это не по мне. Я своих подопечных всегда кормлю в индивидуальном порядке. К работе отношусь ответственно.

И вот, пока Большой Едок чинно наблюдал издали (он всегда получает дозу последним, заботится о том, чтобы никто в стае не остался обделенным), я одну за другой побросал новые таблетки ламантриям. А они появлялись, проглатывали и исчезали, и казалось, этой демонстрации усатых морд не будет конца.

Я покормил уже половину стаи (двадцать минут, пятьдесят ламантрий), как вдруг заметил краешком глаза молоденькую озерную корову, она приблизилась к Большому Едоку и что-то ему пропищала. Он выслушал и подплыл к пирсу.

И тут произошло нечто немыслимое – Большой Едок ударил меня по ладони, и оставшиеся таблетки полетели в воду.

– Пло-хие таб-летки, – заявил он. – Ко-ровы будут без ума.

– Чего? – растерялся я. – Ты что имеешь в виду?

– Ко-ровы не поплы-вут домой. Поплы-вут на Восьмую станцию.

Восьмая станция – один из искусственных островов, насыпанных в озере Мич в разгаре войны с гиасальвинией. Он уже много лет заброшен, там ничего интересного нет, кроме многочисленных граффити в одном местечке, где в хорошую погоду устраивают пикники.

– Ну, Большой, ты даешь! Вот уж чего не ждал от тебя…

– Боль-шой Едок дол-жен плыть. Дол-жен помочь боль-ным.

– Нет! Погоди! Можно мне с тобой?

Я запрыгнул на реактивные санки. Шарман плюхнулась в седло позади меня.

– Шарм…

– Молчи! Сам хотел, чтобы я с тобой поехала. Только-только интересное началось – неужели ты меня бросишь?

Большой Едок уже поплыл. У меня не было времени на споры.

Я ввел пароль в процессор реасанок и врубил тягу. Мы понеслись по воде, ну в точности Нептун с дочкой, и быстро обогнали Едоков.

А вскоре показалась Восьмая станция, островок в редких пятнышках обветшалых построек, заросших плющом-вощом и прочим бурьяном, чьи семена принесло сюда ветром рьяным.

Когда мы приблизились, удалось все разглядеть как следует. И вот что было обнаружено нами с расстояния нескольких метров от берега: ламантрии лежали на старом причале-пандусе, а вокруг них какие-то типы возились с лямками и пряжками.

Шарман узнала их прежде меня.

– Это же Тараканы!

Увиденное мне не понравилось. Я успел повернуть на сто восемьдесят, назад махнул, но тут – стрельба, и я струхнул.

– На берег! Живо! – заорал вооруженный Таракан. Я снова развернул реасанки и высадился. Шарман подбежала к крикливому Таракану.

– Долгоносик?..

Тот нарочито тщательно оглядел мою сестру через оптический прицел. Ствол винтовки – изделия фирмы Ортоптера» – тоже смотрел на нас. Сопротивление бесполезно. Рыпнешься – продырявит дурака, как несчастного жука.

– Вот что, Шарман, я не знаю, что ты тут делаешь, – проговорил Таракан в блистающем крылатом панцире. – не знаю, как ты нас нашла и с какой целью – помочь или помешать. Но мы не допустим, чтобы ты расстроила наши планы. Этим трансгенам больше не быть рабами!

– Что вы собираетесь с ними сделать? – спросил я.

Долгоносик присмотрелся к моей форме.

– А, парнишка из Депобщраба. Шарман, это небось твой братец. Кажется, мы были правы, когда решили не привлекать тебя к операции.

– К какой операции?

– Здешних трансгенов обработал сам Чокнутый Кошак. Новый троп. Теперь они будут выполнять тщательно разработанные инструкции, каждую строго в назначенное время. Все до одного возьмут ранцы со взрывчаткой и отправятся в реку Чикаго. Мы взорвем все коммунальные туннели под рекой и затопим Петлю. И тогда кранты всему киберобеспечению города.

– А как же бедные Едоки?.. – пролепетала Шарман.

– Это малая жертва, чтобы освободить все племя.

– Нет! – закричал я.

– Вредить людям – это нормально, – попыталась разубедить Долгоносика Шарман. – Они заслуживают. Но зачем губить помесей?

– Поздно. Операция начата, ничего уже не отменить. Нам придется взорвать заряды, как только они прибудут на место.

Медлить рискованно – взрывчатку могут обнаружить. А значит, коровы не успеют бежать. Ну и что с того, что погибнут? Главное – мы победим. А ну-ка, оба – вон туда, к стенке.

Ох-ох, неважнецкие наши дела. Похоже, этим Тараканам не нужны свидетели…

И тут началось!

Озерная корова – это, конечно, не дельфин, но она способна плыть с чудовищной скоростью и выпрыгивать из воды на изрядную высоту. Оставшиеся в здравом уме Едоки взлетали и падали на скользкий склон, и в каждой ламантрии было не меньше ста килограммов. Они обрушились на Тараканов как девятый вал, спасая своего Кормильца. Сбили Жуков с ног, примяли к мокрому органобетону.

Я бросился к подлецу Долгонсику, пинком расколол его панцирь и ухмыльнулся: ружье у меня, теперь я здесь командую!

Подбежав к воде, я нашел знакомую голову.

– Кор-би, – проговорил Большой Едок, – это от них нам нужна за-щита?

– Уже не нужна, Большой. Как-нибудь обойдемся. Вы уже догадались – в темном кабинете капитана Озтюрка я разговаривал не с кем иным, как с Чокнутым Кошаком. При этом и бедняга Оззи присутствовал, вернее, его труп.

Негодяй неспроста выбрал меня. Он знал, что с перчатками я не работаю, что у меня мозги не в порядке, а значит, не хватит соображалки разгадать его коварный план. Да только не учел прохвост, что я не прост: к работе своей не отношусь формально, все делаю четко, правильно и нормально.

Немногие люди могут похвастаться тем, что побывали в одной комнате со знаменитым трансгеном-террористом и ушли живыми. Какое-то время обо мне метаме-диум трубил – мол, скромный юный герой в синем с золотом, спаситель города и все такое. И кажется вполне естественным, что начальство КЕ повысило меня в должности – мне досталась работа Хана.

Что же до Шарлотты, то она полностью разочаровалась в Тараканах, а поскольку в Корпусе Едоков появилась кадетская вакансия, да к тому же я вышел в начальники…

Ну а вы теперь знаете, каково живется инвалидам в городе Чикаго.

Шунт

Я сидел у себя в офисе и скучал, как скучает в пасмурный день сборщик урожая на нью-мексиканской солнечной ферме. Два месяца безделья – с ума можно сойти. Любой клиент бы мне сейчас сгодился, даже самый завалящий. Хотя бы разъем-папа, ищущий сбежавшую разъем-маму. Хотя бы геронт, жаждущий подключиться к полузаконному, недолицензированному суперхитовому мечтарику «Голден эйдж». (У «Вудстока» в этом году юбилей – столетие со дня основания фирмы, и в честь события выпущен ностальгический вирт-альбом, специально для еще не покинувших сей мир фанатов ретро-стиля.) Хотя бы десятилетний шкет, которому не терпится получить гражданские права, и он готов пробираться через лазейки в законодательстве. (Парламент САС только что понизил возрастной ценз до двенадцати лет, но даже этот предел уже подвергается натиску новейших тропов.) Хотя бы огорченная и разгневанная супруга, что мечтает задать взбучку мужу, подозреваемому в недельной оргии с гермами. Все они побывали у меня в разное время, и когда-нибудь появятся новые клиенты, тут не может быть никаких сомнений. И я, как встарь, буду брать деньги и выполнять заказы, не задавая лишних вопросов. При моих-то более чем скромных доходах нельзя быть слишком разборчивым.

И тут я спохватился, что сейчас нет особых причин беспокоиться об этической стороне моей профессии. Уже полдня прошло, и вторая половина вряд ли будет веселей, чем дебаты между кандидатами от зеленых и консерваторов на пост губернатора Кубы. Иначе говоря, день ничем не отличим от шестидесяти предыдущих.

За самомоющимися окнами (у домов новых серий тьма достоинств, но вот вопрос: долго ли еще я смогу платить за офис?) над рекой Чарлз сверкало солнце. На противоположном берегу высился построенный силикробами черный купол – десять лет назад власти возвели его над Массачусетским Технологическим, когда явилась Большая Серая Сикараха. На самом деле это не полушарие – стены купола уходят под землю, образуя полностью замкнутую сферу. Она была создана всего-то навсего за сутки, а вид такой, будто ее строили много месяцев. Помню, как я смотрел этот «спектакль» из своей «ложи». Все подразделения силовых структур САС, управляемые высшими копами и лепилами, отражали натиск бешеной жизни: против щупальцев и усиков – брандспойты и струи энзимовой взвеси. Когда ферменты растворили все, что появилось на поверхности

земли, в дело вступили силикробы, они-то и создали шар-саркофаг. И теперь один Бог ведает, что происходит внутри – не было времени установить там датчики. Зато снаружи купол охраняется хорошо – круглосуточно барражируют полицейские в летающих клетках. Что ж, бывают обстоятельства, с которыми ты вынужден смириться.

Я уже подумывал насчет откупорить пивчик-живчик и растрировать какую-нибудь трехмерку (от безделья обзавелся привычкой смотреть дневные игры, особенно «Твоя жизнь онлайн»), как вдруг услышал шаги в коридоре за дверью. Поспешно убрав ноги со стола, я попытался сделать вид, будто работы у меня побольше, чем у четырехрукого бармена в вечерний час.

Неизвестный не прошел мимо двери, как сделали многие до него. Раздался стук.

Я глянул на охранный экран и увиденным остался удовлетворен.

– Прошу.

Сработал замок, дверь распахнулась.

На посетительнице был очень стильный костюм – кислотные фиолетовый и оранжевый цвета. Пиджак с асимметричными лацканами, отороченными голубой искусственнорощенной норкой; к большему отвороту приколота орхидения – она бросилась мне в глаза с шести футов. Юбка слева доставала до лодыжки, зато правая нога была обнажена целиком. Хромовые котурны добавляли к росту четыре дюйма. Вьющиеся черные волосы были уложены в высокую прическу, а на лоб падал светлый локон. Канареечно-желтые радужки, маленький плотно сжатый рот. На щеке миниатюрный любовный рубчик в виде астрологического символа Венеры.

– Нельзя ли зашторить окна? – спросила она,

– Леди, но ведь мы на сороковом этаже…

– Откуда вам знать, что напротив нет оптики? Сейчас нанокамеры где только не попадаются. Закройте окна, пожалуйста.

Я пожал плечами и скомандовал:

– Шторы.

Полотна непрозрачного пьезопластика, свернутые в рулоны по верхним краям окон, поползли по стеклу под действием слабого электрического тока. Я прибавил света и сказал:

– Присаживайтесь. Могу я вам предложить чего-нибудь выпить?

Она села и положила обнаженную правую ногу на левую. Я увидел татун на бедре – пантера. Раз в полминуты кошка раскрывала пасть в беззвучном рыке.

– Благодарю. Я бы предпочла шипучку-кипучку, если у вас найдется.

Я дал пинка заснувшей у меня в ногах помеси:

– Хомяк, проснись! У нас посетитель.

Хомяк открыл глаза, проморгался, расправил усы и молвил:

– Сэр, нужны ли вам мои услуги?

– Угадал, тупой трансген. Живо неси мне пивчик-живчик, а для леди – шипучку-кипучку.

Хомяк встал, надел короткую безрукавку, прошел к магнитному мини-холодильнику, принес напитки и спросил:

– Сэр, разве было так уж необходимо будить меня?

– Да, лодырь ты этакий. Спи дальше.

Хомяк не преминул воспользоваться разрешением.

– Самый дешевый трансген, – пожаловался я гостье. Она помахала ладонью:

– Не важно. Меня зовут Женева Гиппельштиль-Имхаузен. Вы позволите взглянуть на вашу лицензию?

Я протянул карточку. Сейчас она показывала ксиву массачусетского частного детектива. Женева несколько раз сложила пополам и разогнула карточку – появились интерфейсы САС, «Еврокомм», МВФ, бразильская и орбитальная визы. Сложила в последний раз – увидела героя трехмерки «Секси-сиуксы», нагишом, в одной из его знаменитых поз. Выдержка Женевы была достойна восхищения. Ни один мускул не дрогнул на лице, лишь чуть-чуть порозовел любовный рубчик. Она мне вернула карточку со словами:

– Кажется, здесь есть все, что мне необходимо знать о вас.

– В таком случае вы можете рассчитывать на мои услуги, – проговорил я, подразумевая, что готов оказывать не только услуги частного сыщика, и еще раз полюбовался ее ножками. – Можно поинтересоваться, что вас сюда привело?

Она наклонилась ко мне:

– Я хочу, чтобы вы кое-кого шунтировали. Так-так. Ей удалось меня удивить. Чего только не случается в нашем бизнесе.

– Ведь вы это делаете иногда, не правда ли? – приподняла она аккуратно вычерченную бровь.

– Конечно делаю, но это непросто. Стоит подороже, чем обычные мои услуги.

– Не имеет значения. Очень уж много поставлено на карту.

Я мысленно увеличил цену в полтора раза.

– Мне нужно узнать побольше, прежде чем я соглашусь взяться за дело. Кого вы хотите шунтировать, и чем он перед вами так провинился?

Она вздохнула:

– Речь идет о моем муже Юргене фон Бюлове. Он сбежал, похитив новейший троп в принадлежащей мне фирме. Может, вам доводилось слышать о «Гиппельштиль-Имхаузен»? Немецкое предприятие, специализируется на биоактивных веществах. Украденный препарат проходил экспериментальную проверку. Это сверхмощный нейротропин. О нем даже говорить сейчас очень опасно. Потому-то я и просила зашторить окна. Надеюсь, ваш офис проверялся недавно?

Я кивнул.

Она продолжала, но с явной неохотой:

– А препарат, украденный моим мужем, – это троп, стимулирующий осмысление стохастических явлений. Это означает, что он позволяет проникнуть в суть динамики хаоса. Мы надеялись выбросить его на рынок, опередив конкурентов. И тут – бегство моего мужа, с несколькими дозами экспериментального препарата и планом его доработки. Если до Юргена раньше нас доберутся конкуренты, возьмут кровь на анализ и расшифруют молекулу тропа – прощай, наш патент.

– Почему же ваш супруг совершил кражу в собственной фирме? Вы что, не делились с ним прибылью?

На лице Женевы появилось смущение пополам с отвращением:

– Мой супруг – мот. Он умеет только тратить, а зарабатываю я. Приходилось его держать на коротком диет-поводке. Как видите, поводок оказался не слишком прочным.

– Хотелось бы получше представлять себе, что это за новинка. Для чего служит, как ею пользоваться. Откуда у вас уверенность, что Юрген уже не продал украденный троп конкурентам?

– Не продал, у него другой замысел. Видите ли, он азартный игрок. И этот троп…

– Уж не хотите ли вы сказать, что троп повысит его шансы на выигрыш?

– Совершенно верно, – кивнула она. – Юрген увидит строгую логику в кажущейся хаотичности игры.

«О, мать мутантов! – подумал я. – Вот это круто!» И мысленно удвоил свой гонорар.

– Но почему бы не обратиться к официальным структурам?

– Слишком много дырок для утечки информации.

Мне нужен один профессионал.

Я встал, подошел к ней, поднес руку к ее лицу. Она даже не моргнула. Я легонько провел загрубелым большим пальцем по любовному рубчику. Эге, да под ним побольше рецепторов удовольствия и нервных волокон, чем под эпидермисом домашнего любимца десятого поколения! Эта дамочка знает толк

в оргазмах.

Когда она открыла глаза, я проговорил:

– Похоже на то.

У меня не было любовных связей с тех пор, как бросила жена. Частному сыщику приходится иметь дело в основном с ревнивцами, мошенниками, уличной шпаной и полицией. А когда я и вовсе не при делах, вынужден общаться только с Хомяком.

Сам не возьму в толк, почему я приобрел этого паршивца. И ведь модель отнюдь не навороченная. Лучшая функция – кусать хозяина: не моешься регулярно – получай инфекцию на неделю-другую. А мозгов – кот наплакал. Приходится формулировать команды с минимумом двусмысленности, иначе Хомяк может преподнести неприятный сюрприз, как в тот раз, когда я распорядился «залить машину метаном». В игры сложнее шашек не играет, да и в шашки всегда проигрывает.

И ко всему прочему это вовсе не домашний любимец. Хомяк псевдоженообразен, но стерилен, и сексуальности в нем не больше, чем у замороженной скумбрии. Фигура – ни то ни се, а из-за своего спецрациона он пахнет мокрым сеном. Не урод, но и не секс-сиукс. Эх, если б я мог раскошелиться на Золотую Серну или на Змеиный Стан, мне бы сейчас жилось совсем по-другому…

И все-таки я привык к этой помеси. Так привыкаешь к старым тапкам или к диванчику-обниманчику, продавленному по твоей фигуре. Ну, и у Хомяка не отнять умения стряпать, прибираться в офисе и тактично кивать, когда я пытаюсь что-то втемяшить в его куцый умишко.

Вот и выходит: нет ничего странного в том, что я к нему обратился, когда ушла Женева.

Сдается мне, в первую очередь надо съездить в Логан – а ну как зацепим там ведущую к Бюлову ниточку. Он удрал три дня назад, но это не самый простывший след в моей практике.

– Да, сэр, нам нужно съездить туда. Правда, я не помню почему. Сейчас я пытаюсь думать, а это трудная работа. Дайте мне немного времени, сэр. Одной минуты должно хватить, я уверен…

– Хомяк! – Сэр?

– Хватит чушь молоть. Неси сюда мой пистолет.

Я не любитель расхаживать вооруженным до зубов. Лазики, пистоляпы, пулевики – не для меня. В самых острых ситуациях я предпочитаю пускать в ход острый ум, спокойствие и железную логику – или быстрые ноги. Если надо кого-то вырубить, сгодится и шокер – да и ни к чему брать на душу грех смертоубийства. Все, что нужно, – квадратный дюйм обнаженной кожи противника, чтобы влепить разряд тока, который перегрузит высшие нервные

функции вроде тех, что вводят во искушение прикончить безобидного частного сыщика.

Я пришлепнул к бедру принесенный Хомяком пистолет, его биополимерный ствол сам законтачил с кобурным лоскутом на штанине. Если шпалер вдруг понадобится, встроенные потоанализаторы освободят его, как только ладонь ляжет на рукоятку. Выдвинув ящик стола, я взял нейрошунт и светящиеся оранжевым липучки. Сунул их в боковой карман жилетки, чтобы легко достать в случае чего. И двинул в аэропорт в теплой компании Хомяка. В уме я уже тратил еврики, обещанные мне Женевой.

В Логане я пошел прямиком к стоянке такси. С кем угодно готов был поспорить, что разъем-папа с такими барскими замашками, как у фон Бюлова, лишний раз не станет расходовать энергию на перемещение массы.

Так и есть – третий опрошенный мною таксист вспомнил, что вез разыскиваемое лицо. Машина была тьюринговская, второго уровня, со всеми положенными прибамбасами, включая высокую степень контроля.

– Мне необходимо увидеть документ, удостоверяющий ваше право на следственную деятельность. Если у вас есть такой документ, мне необходимо его увидеть. Прошу предъявить документ.

Я сунул карточку в паз. Такси удовлетворилось считанной информацией и выплюнуло мою ксиву.

– Да, сэр, я транспортировало описанного вами человека. Вот его изображение.

Такси высветило портрет фон Бюлова, совпадавший с цифровым снимком, который мне показывала Женева. Лицо будто топором вырубленное, светло-пегие волосы, недобрые сиреневые глаза. Но вообще – красив, как красива чистокровная базово-линейная борзая, и почти столь же невротичен и норовист. Эти чертовы европейские аристократы сумели очистить свою породу, благо, сейчас несложно устранять мелкие врожденные недостатки вроде лейкемии или гемофилии, из-за которых раньше король Англии походил на дворняжку.

Всеми своими митохондриями я чувствовал: нелегкое это будет шунтирование.

– Вот его родословная, считанная моими чипами проверки хромосом, сэр.

И побежали по экрану цифры и метаграфика – волна за волной.

– Хорошо, давай твердые копии и того, и другого. Родословная пригодится на тот случай, если у фон Бюлова

изменится внешность. Но это случится едва ли. Тот, кого я ищу, – явно самовлюбленный типаж, такие всех, кроме себя, считают дураками. Ему небось и в голову не приходит, что его могут искать.

– Ну и куда ты его подкинул?

– Подкинул, сэр? Такое действие способно причинить ущерб здоровью человека, а мне строжайше…

– Где он вышел?

– У «Копли-плаза».

Чего и следовало ожидать. Он двинул напрямик в крупнейшее городское казино.

Я понесся в город с бешеной скоростью – обшивка машины едва успевала подстраиваться под аэродинамические флуктуации, по десять раз в секунду меняя свою форму. Завыл сиреной какой-то мусор в летике, но я ответил кодом приоритета, и дорожного полицейского как ветром сдуло с моего пути. При таких темпах я доведу дело до конца куда быстрее, чем самому бы хотелось.

Добравшись до «Копли», я пошел прямиком к регистрационной консоли. За ней, между прочим, торчал настоящий человек. У «Копли» такая политика: никаких помесей в штате, а тем, кого приводят посетители, лучше не маячить (естественно, к телохранителям это не относится). Пришлось оставить Хомяка в хлеву.

Портье был чернокожим – точнее, пегим, но с преобладанием черного цвета. Волосы на голове собрал в хохолок, связал золотой проволокой. Я показал ему карточку:

– Я веду расследование.

– Масса – частный сыщик? – Глаза мигнули дважды, но на лице осталось бесстрастное выражение.

Я глянул на свою ксиву. Дурацкое такси возвратило ее с изображением секси-сиукса. Я вывел нужное удостоверение.

– Чем могу помочь, сэр?

Я сунул левую руку в карман жилетки, нащупал нейрошунт.

– У вас проживает человек по имени Юрген фон Бюлов?

Мой визави просканировал память.

– Сегодня утром съехал, сэр. Багье дерьмо!

– Догадываюсь: он сорвал куш, перевел деньги в Парагвай и махнул в теплые края на суборбе?

– Это не так, сэр. Мистер фон Бюлов очень сильно проигрался. И если бы мы не добились от него перевода страховой суммы на счет нашего отеля – а мы всегда принимаем эту меру предосторожности, имея дело с азартными игроками, – у него бы не хватило денег, чтобы оплатить проживание. В итоге мистер фон Бюлов остался ни с чем. Не будь я сейчас на работе,

позволил бы себе пошутить: он остался со своим породистым носом.

Что за ерунда?! Либо игра в казино такая же непредсказуемая, как итог Четвертых Мировых выборов, либо украденный троп – фуфло. Ни один из этих вариантов меня не устраивал.

– А он не упоминал о своих планах?

– Нет, сэр.

Тупик. Опечаленный, я отвернулся,

И тут что-то ткнулось мне в лодыжки. Я посмотрел вниз и увидел Плавника.

Плавник – челорыб. Мы с ним давно знакомы, время от времени оказывали друг другу услуги. Этот парень принадлежал к секте плавильщиков, которая стремилась хоть отчасти искупить вину человечества в истреблении дельфинов. (По утверждениям сектантов, род людской не оправдан оттого, что впоследствии поголовье дельфинов в океанах и морях было восстановлено.)

У Плавника руки были вплавлены в тело, ноги сварены друг с другом от паха и до пальцев. Носил он облегайку из серой скользкой ткани, которая обеспечивала организму нормальную жизнедеятельность и придавала Плавнику сходство с торпедой. Ездил на колесной тележке с питанием от батареек.

– Привет, Плавник. Как твой метаболизм?

– Бывает лучше. Я слышал, как ты с портье разговаривал…

– А почему бы нам с тобой не подышать свежим воздухом?

Я вышел, а Плавник выехал из «Копли». На улице было полно прохожих, никто не обращал на нас внимания.

– Так что ты знаешь, а, Плавник?

– Вчера я весь день пробултыхался в казино, надеялся раскрутить какого-нибудь везунчика на пожертвование для нашей церкви. И видел того типа, по чью душу ты сюда явился. Вот уж у кого не клевало! Он даже заговариваться начал, когда непруха пошла косяком. «Турбулентность, – говорит. – Это все турбулентность, шум и странные аттракторы. Никак не оседлать поток…»

Если судить по этим словам, тропы тогда еще не заработали, или фон Бюлову было очень трудно контролировать новый поток данных.

– Так-так, продолжай.

– Когда он вконец проигрался, подошел ко мне. «Челорыб, – говорит, – мне нужна черная дурь. Кто в этом городе ею торгует?»

– И ты его направил…

– К клоачным крысам. А то к кому же? Я кивнул. Хорошая наводка.

– Спасибо, Плавник. Я бы тебе руку пожал, если бы мог.

– Рукопожатия – это человеческий шовинизм! Ты лучше позаботься, чтобы на счет церкви легли приличные башли.

– Сделаю. До встречи, приятель.

– Свободного тебе плавания.

Я вернулся и забрал из хлева Хомяка, дал чаевые девчонке-скотнице.

– Спасибо, сэр, рад видеть вас вновь, сэр, я очень терпеливо ждал, сэр…

– Хомяк, заткнись!

– Слушаюсь, сэр.

И мы пошли искать клоачных крыс.

За минувшие полвека Бостон подвергся десятку бандитских нашествий. Сначала, в восьмидесятых и девяностых, приходили «чистокровники» и «слабаки» из Лос-Анджелеса, потом явились «гонконгские клещи», когда этот свободный порт резко покраснел. Их сменяли камбоджийцы, испанцы, колумбийцы, новошотландцы, браззи, ямайцы… Период правления каждой шайки был недолог и заканчивался резней, а переходящий приз – Бостон – доставался новым победителям. Но в конце концов стереотип иноземных нашествий был сломан двумя факторами: образованием Североамериканского Союза и победой тропов и других синтетических биоактивных веществ над органическими наркотиками. САС поставил на своих границах железный занавес, зарубежным конкурентам не было ходу на его территорию. Селевый поток легальных нейротропинов хлынул в школы и на улицы, и вскоре появилась целая армия юных биобрухо с домашними аминошинковками и хромоварками, и они создали уже незаконные тропы и строберы. Образовавшиеся специфические ниши были заполнены разными шайками, войны за передел сфер влияния были редкими и незначительными, общественный порядок не нарушался, и власти в большинстве случаев глядели на «шалости» молодежи сквозь пальцы.

В целом сеть распространения синтетиков имела хаотичную структуру, вычленить строгую иерархию было невозможно, но все же отдельные банды обладали неоспоримо высоким статусом.

И одну из первых позиций списка занимали генералисты клоачные крысы.

К-крысы жили в лабиринте заброшенных труб, по которым сливались отходы в ядовитую бухту. Когда весь город переоснастили грязекомпостирующей техникой, в старой клоаке отпала надобность. С тех пор то и дело кто-нибудь ставил вопрос о ее демонтаже, но в бюджете метроплекса не находилось средств на подобную «косметику».

На шею пролилась холодная вода – как будто меня погладил зомби. Я стоял по щиколотку в мерзкой жиже. Хомяк дрожал, но не от холода.

Нас окружали крысы, освещенные моим фонарем. Все они подверглись стоматологическим усовершенствованиям, за что их и прозвали крысами. А в остальном – обычная разношерстная шайка, каких полно.

– Что, фраер, захотелось крысиным ядом ширнуться?

– Нет уж, спасибо. Нельзя ли повидать Цуму-Пуму?

– Пума у нас кореш деловой, с кем попало не базарит.

– Мы с ним знакомы. Агрессивности у крыс поубавилось.

– А что за дело-то у тебя? Объяснил.

– Жди здесь.

Я ждал. Крысы присматривали за мной. Один типчик грыз что-то вроде человеческого бедра. Хомяка по-прежнему трясло.

– Успокойся. Пока я рядом, никто тебя не обидит.

– Не могу справиться с собой, сэр. Это нехорошие люди.

Крысы услышали и захихикали. Вернулся тот, с кем я говорил.

– Пума тебя примет.

Из лабиринта труб мы выбрались под большой купол, помещение было завалено пожитками – гнездо крыс,

понял я. Меня подвели к двери в личные покои Пумы. Мы с Хомяком дальше шагали без сопровождения.

Цума-Пума возлежал на груде подушек, облаченный в доспехи из эластичного пьезопластика, с эффекторами, соединенными с электрохимической биосистемой организма. На шее, запястьях и лодыжках пьезопластик был покрыт рыжевато-коричневой шерстью. Лицо не было закрыто. Рядом сидела домашняя любимица – модель Зеленая Канарейка, оглаживала перышки. Когда мы вошли, она испустила пронзительную трель.

– Привет, корешок, давно не виделись, – сказал Пума. – С тех пор, как я спас твой хвост от «мозговых костей». – Пума рассмеялся. – Хотя это только моя версия.

– Которую ты всем выдаешь за стопроцентно правдивую. А я не разбиваю ее в пух и прах, и, стало быть, ты мне должен услугу.

– Смотря какой величины тебе требуется услуга.

– У тебя сегодня был клиент. – Я описал фон Бюлова. – Что ему понадобилось?

– Прости, чувачок, но этого я тебе не скажу. Сам знаешь, все наши сделки – коммерческая тайна. Если будем, хе-хе, крысятничать, к нам перестанут ходить.

– За эти стены ничего не выйдет, ты же знаешь, – возразил я.

Но Пума оставался непреклонен:

– Извини. Может, чем другим смогу помочь? Я сдернул с бедра шокер. Пума расхохотался.

– Зачем тебе эта игрушка? Хочешь меня вырубить? Тогда я и подавно ничего не скажу.

Я прицелился ему в грудь и нажал на спуск. Стрелка впилась в доспех и сразу выпустила микрокрючки.

– Мазила! Даже не оцарапал!

– Знаю.

Я послал по проволоке ток. Пума на своей лежанке сделался твердым, как доска.

– Батареек в шокере хватит на месяц бесперебойной работы. Когда я уйду из этой вонючей норы вместе с Канарейкой, сюда попробуют ворваться твои крысы. Вряд ли получится – ты ведь хорошо позаботился о безопасности жилища. Наверное, смерть от жажды – это просто кошмар.

– Засужу картель, продавший мне этот паршивый доспех!

– Только в том случае, если ответишь на мои вопросы.

Пума устало вздохнул – дескать, вот же привязался.

– Так и быть. Этот парень хотел, чтобы мы расшифровали его кровь. Нас такая просьба заинтересовала, да мы и сами собирались взять у него пробу. Но он был начеку и навел на нас лазик. Шутить он явно не был настроен, ну, и мы от приколов воздержались. И тогда он изложил свою проблему. Мы так поняли, что ему понадобился мощный математический сопроцессор и кой-какие нейрографические примочки. Мы их выложили, и он вроде остался доволен.

– Он не говорил, что собирается с ними делать?

– Приятель, трудновато дышать в таком костюмчике…

– А будет еще труднее. Продолжай. Куда он направился?

– Ну, в общем, заплатив нам, он остался почти ни с чем. Поинтересовался, где можно сыграть по-крупному. Я ответил, что казино в нашем городе консервативные, в долг фишек не дадут. И это чистая правда, Бостон – это тебе не Облако Оорта. Так что я ему посоветовал ехать в Атлантик-Сити.

– Ладно. – Я выдернул стрелку и смотал проволоку. Пума обмяк.

– Трудно с тобой дружить, – сказал он. – Но и ссориться не вижу смысла. Увидимся, частный легаш.

Снова очутившись на улице, я подключился к терминалу «Бостонского банка». Решил заплатить за наводку Плавнику, прежде чем двину в Атлантик-Сити.

Стоявший передо мной парень вынул из бабкомата свою карточку. Хотел засунуть в карман, но что-то его остановило. Он посмотрел на карточку, выругался, выхватил пистолет и пальнул

в бабкомат.

Аппарат отозвался электронным визгом, на четырех колесах вылетел из ниши в стене и попытался дать деру. Но налетел на зеваку-коммивояжера, сбил с ног. Выроненный чемоданчик с образцами товаров раскрылся от удара о дорожное покрытие.

Зазвучала музыка. Закричала женщина.

Обиженный автоматом парень снова выстрелил. И на сей раз свалил машину.

Вокруг разбитого дымящегося бабкомата собиралась толпа. От пострадавшей машины остро пахло горелыми электронными внутренностями. Взбешенный юзер подошел к ней, растолкав зевак, запустил руку в пробоину и вынул свою настоящую карточку.

– Имитаторы, мать их! В прошлый раз у меня вот так же карточку сперли – пятнадцать тысяч CAC-баксов, как корова языком!

– Мир жесток, – произнес кто-то в толпе, якобы сочувственно.

– Я тоже не подарок. – И крутой юзер похлопал по пристегнутому к бедру пистолету.

Поездка из Бостона в Атлантик-Сити на «Серафиме» длилась девяносто минут. Фон Бюлов опережал меня на несколько часов, и я выбрал самый быстрый, хоть и далеко не самый дешевый вид транспорта. Впрочем, о деньгах я не жалел. Напротив, радовался возможности спокойно посидеть, подумать.

Хомяк заснул в соседнем кресле. Спросил бы меня кто, зачем взял с собой трансгена – я бы не нашелся с ответом. Может, потому что сидеть с ним рядом уютно, как дома. А рассчитывать на помощь Хомяка в серьезной переделке было бы просто смешно. Да, наверное, дело в боязни одиночества. Мне нужна компания. Может быть, Хомяк для меня вроде талисмана.

Впрочем, провоз помеси-невелички стоил вдвое меньше моего проезда,

Я почесал Хомяка за ухом и сосредоточил все мысли на деле.

Фон Бюлов – мономаньяк, пробу ставить некуда. Псих без справки. Но в его крови – формула, и если бы он ее сумел расшифровать, то на такой товар нашлись бы десятки покупателей – от немецкого концерна ГНП до АТЭС. Но вместо того чтобы за месяц с выгодой сбыть краденое, он все тратит на несколько адреналиновых выбросов в казино. Вот это мне непонятно. Может быть, его кто-то зомбировал, и теперь он не сможет ни на секунду расслабиться, пока крупье не скажет ему «двадцать одно»? В моей практике бывали случаи и похлеще.

Через полчаса я перестал ломать голову. Нет смысла докапываться, почему психи делают то, что они делают. Будь у

меня хоть крупица психиатрического таланта, я бы смог ответить на вопрос, почему я однажды пришел домой, а квартира заполнена саморазмножающейся пеной, благоверной же и след простыл. Что произошло, то произошло, с этим и буду разбираться, а чьи-то сумбурные мотивы и внезапные порывы – не для моих скромных мозгов. Женева Гиппельштиль-Имхаузен хочет вернуть свое имущество, и я ей в этом посодействую – за очень приличный гонорар.

Я вспомнил, как гладил большим пальцем ее горячий любовный рубчик, и подумал: может, ей от меня еще что-нибудь понадобится?

Земля проносилась за монокристаллическими окнами поезда, она казалась пятном – как при ускоренной прокрутке фильма. В пути я подремал несколько минут. День выдался не из легких.

Около восьми вечера поезд прибыл в Атлантик-Сити. Мы с Хомяком покинули вагон и прошли на дощатую набережную – Бордуок.

Когда я был здесь в последний раз, Бордуок перебирался на новую дамбу, которая не давала повышающему свой уровень Атлантическому океану затопить город. Применялась супердревесина корпорации «Бехтель-Канемацу-Гошо», сооружение стало четырехъярусным, и теперь оно протягивалось мимо всех казино. Очень эффектно, вполне в крикливом стиле Атлантик-Сити.

Тротуары были заполнены гражданами и помесями. На уличных артистов пялились гости города, вокруг разъема-мамы в бикини, заправившейся лошадиной порцией «костомяки», собралась толпа. Она, развернув корпус на сто восемьдесят, взялась за пятки и пошла колесом – живая лента Мёбиуса. Доказывая свою односторонность, артистка легла на ковровую дорожку; многоногие мини-кибы с присосками на ножках бегали по спинно-грудной поверхности. Классный фокус.

Я задержался, чтобы купить спирулина-дог и лимонад-содовую. Если фон Бюлов здесь, он вероятнее всего торчит в казино, так что можно не спешить.

– Тебе взять чего-нибудь? – спросил я у Хомяка.

– Да, сэр, пожалуйста. Как заманчиво выглядят чили-доги! Мне один, но с двойным соусом.

Я исполнил желание Хомяка, памятуя о том, что перекармливать его нельзя – запросто протянет лапки. Впрочем, чили-доги продаются только людям, зарегистрированным владельцам трансгенов. Может, поэтому помеси и не убегают? Вернее, убегают, но немногие.

Когда мы подкрепились, я скомкал салфетку и бросил на

Бордуок. Ее тут же подхватил мусорохват.

– Пошли, возьмем за задницу мистера фон Бюлова, – сказал я Хомяку.

– Если вы считаете это нужным, сэр, то мы так и сделаем.

Беглеца я нашел в казино «Тайм Уорнер Сирс», возле рулетки. Карточка – удостоверение личности – лежала перед ним на столе, настроенная на показ денежного баланса. И он передвигал башлятник с красной цифры на черную, с черной на красную и так далее, и цифра на карточке росла, как на дрожжах. Я последил за фон Бюловым. Сиреневые глаза горели адским огнем, на лице – маниакальная сосредоточенность. Понятно: действие доработанного клоачными крысами экспериментального стимулятора интеллекта сейчас на пике. Фон Бюлов с головой ушел в нелинейную динамику рулетки, и хаос везения укладывается в постижимую для его разума форму.

Он не потерял ни фишки. Выигрыш поднялся до геостационарной орбиты.

Потрясающее везение одного из игроков не укрылось от остальных. Вокруг его рулетки собралась толпа жиголадок и милашек-валяшек, домашних любимцев и свободных башлеловов, уже не говоря о менеджерах казино, с такими физиономиями, будто проглотили по горсти червей.

Вряд ли они будут возражать, подумал я, против шунтирования мистера фон Бюлова.

Я приблизился к нему сбоку. Менеджеры остановили игру, чтобы проверить рулетку и просканировать окружающих – не оказывает ли кто скрытого воздействия. Я этим воспользовался:

– Юрген, твоя жена просила кое-что передать. Он аж подпрыгнул:

– Кто ты? Откуда можешь знать мою жену? – Глаза сощурились, как будто он решил испытать на мне свою способность проникать в суть вещей. На лице дрогнул мускул. – А если и знаешь, что с того?

– Не спрашивай, кролик, по ком рычит пантера, она рычит по тебе.

Он отодвинул стул.

– Ладно, только ради бога, не здесь. Давай выйдем.

Мы вышли на безлюдный балкон. Наверху поблескивало звездное небо, как змеиная чешуя. Нас с фон Бюловым разделяло примерно четыре фута. Я чувствовал Хомяка – он был сбоку.

– Юрген, Женева требует вернуть троп. Он фыркнул:

– Так пусть явится сюда и заберет.

– Она очень занята, вот и прислала меня. – Нейрошунт прятался в моей ладони.

Но я и глазом не успел моргнуть, как фон Бюлов направил на меня лазик – крупповскую карманную модель.

– Не усложнял бы ты, Юрген… – И я метнулся к нему.

Лазерный луч прошел рядом, даже жилетку задел – запахло горелой неразрывайкой. Второго выстрела фон Бюлов сделать не успел – я прижал свое оружие ему к шее.

Нейрошунт в миллисекунду забурился под кожу и прицепился к спинному мозгу. Фон Бюлов рухнул на пол.

Я повернулся. Хомяк бился в судорогах, на его безрукавке, напротив сердца, чернела прожженная дыра. Я подошел к нему, поднял на руки.

– Нехорошо, сэр, нехорошо… – пролепетал он и умер. Я вернулся к фон Бюлову. Для начала отвесил полдюжины крепких пинков, целясь в живот и пах. Он не издал ни звука, да он и не чувствовал ничего ниже шеи, и не видел, чем я занимаюсь. Затем я налепил оранжевый знак – пусть видят, что он шунтирован. Выкатил из казино автокресло с посаженным в него фон Бюловым и повез на вокзал. Как я и ожидал, администрация мне не мешала и не поднимала шума. Хомяка я оставил в казино – менеджеры обещали сделать все, что положено. Мой счет к Женеве увеличился на цифру, равную цене Хомяка, без учета амортизации.

На вокзале я купил дозу «вкуса мести» в павильончике фирмы «СиМ».

Полутора часов, проведенных в вагоне, вполне хватило, чтобы полностью выразить фон Бюлову мое неудовольствие.

Не забыть бы сказать Женеве, чтобы заткнула уши, когда вынет из мужа шунт…

Пеленка

Стоял погожий летний день. Окно детской комнаты на втором этаже было распахнуто. Словно приглашало: добро пожаловать, беда.

Те, кто строил этот умный и чуткий дом, позаботились о его охране. Автономный воздушный занавес окна препятствовал насекомым, крупным песчинкам и летающему органическому мусору, наподобие листьев ткач-деревьев или пены аэрорыб. Крошечные сторожа на реактивной тяге непрестанно патрулировали за окном по хаотической траектории, и если замечали приближение постороннего предмета или живого существа, кидались наперерез, отталкивали. Крупные пришельцы, весом более пятисот граммов, были уже в ведении охранной сети дома и интегрированных в нее боевых систем.

Но пташку, похожую на воробья, маленькую и проворную, вроде той, что опустилась на подоконник, ни одна система заметить не смогла.

Птица осмотрела детскую комнату. В отделке стен – силикробовые мультики: сказочные персонажи резвятся на постоянно меняющемся фоне. Гадкий Серый Волк преследует закутанную в плащ Красную Шапочку; маленькая танцовщица в заколдованных красных башмачках пляшет до полного изнеможения.

Посреди комнаты стояла на двух ножках белая биополимерная кроватка в форме половинки разрезанного вдоль яйца. На боковой консоли мигал оранжевый логотип фирмы «Байер». В кроватке лежал кверху животиком обнаженный ребенок, мальчик пяти-шести месяцев. Над ним плавал мобайл, изображающий землю и некоторые из ее бесчисленных искусственных спутников. Большой шар вращался, а его крошечные компаньоны кружились в сложном орбитальном танце, никогда не сталкиваясь друг с другом; все это поддерживалось только направленными магнитными полями кроватки.

А под мальчиком находилась Пеленка, на уголке отчетливо виднелась эмблема «Иксис». Пеленка была величиной с большое махровое полотенце. Гликопротеин-гликолипидовая псевдокожа была раскрашена в синие пастельные тона, а текстурой напоминала древний пенополистирол, в какой упаковывали яйца. На поверхности Пеленки было много шишечек, и располагались они тесно, а дно мелких ямок имело лоск органики, как у сырой печени.

Птица вспорхнула с подоконника и опустилась на борт кроватки, коготки впились в материал байеровской ракушки.

И тут произошли два события.

Все силикробовые персонажи на стенах замерли, оцепенели, за исключением Лесника, только что явившегося на выручку к проглоченной Красной Шапочке. Он выронил двухмерный топор и завопил:

– Вторжение! Вторжение! Всем охранным кибам – в детскую!

В тот же момент описался ребенок – желтая струйка ударила на несколько сантиметров.

Когда на Пеленку упали первые капли, она отреагировала, как того требовал ее трофический инстинкт. Участок Пеленки, находившийся между ногами мальчика, вытянулся, точно псевдоподия или складка, образовал чашечку и собрал урину для своих собственных метаболических целей, одновременно очистив и осушив кожу ребенка.

Пока Пеленка была занята этим делом, птица нырнула в кроватку. И воткнула клюв в Пеленку. И в единый спастически-взрывной миг перекачала в нее содержимое своих искусственных носовых мешочков.

А как только птица избавилась от ядовитой ноши, она выпорхнула из колыбели и устремилась к окну. Но теперь окно было начеку и ловко поймало птицу в мгновенно расширяющуюся паутину из липких нитей от фирмы «Ивакс». Птица дала себе команду на самоуничтожение и взорвалась, опалив оконную раму.

А в кроватке Пеленка корчилась и колыхалась, точно раненый осьминог. Из нее стремительно вырастали фрактальные цветы и падали на младенца, а тот в страхе плакал.

Через секунду-другую цветы сплелись в синюю сеть. Один жгут упал на рот ребенка, и крики прекратились.

Распахнулась дверь в детскую, явились разнообразные кибернеты.

Но было слишком поздно. Пеленка задушила мальчика в своих объятиях, как душит жертву базово-линейная анаконда.

Растерянные, беспомощные кибы смогли только записать хруст ломающихся костей.

Я скинул с плейера серебряный считыватель данных, оборвал звуки смерти маленького Гарри Дэй-Льюиса, зафиксированные меньше суток назад. И хотя я уже раз десять проглядел трагическую сцену, но так и не привык к этому летальному хрусту. Наверное, к такому просто невозможно привыкнуть.

Я сидел в своем офисе, в здании, где располагался бостонский филиал Департамента внутренней разведки и охраны

Североамериканского Союза. И хотя я уже шестнадцать месяцев занимал угловую комнату на шестнадцатом этаже, с тех пор как получил повышение, – она для меня как была, так и осталась чужой. Я столько лет был частным сыщиком и ютился в дешевых офисах, что отвык от роскоши, такой, как самоочищающиеся ковры фирмы «Органогенезис» и ёрзаномичные кресла фирмы «Зенека». Уже не говоря о регулярном поступлении денег на мой денежный баланс. Но после того, как я выполнил заказ Женевы Гиппельштиль-Имхаузен, мне пришлось распрощаться с частным сыском, потому что на этом деле я сломался.

Я ей возвратил сбежавшего муженька, но зато потерял своего верного напарника, беспомощную дешевую помесь по кличке Хомяк. Если бы раньше спросили, что для меня значит этот бестолковый паршивец, я бы ответил: зепто. Но тогда я плохо знал самого себя, даже не подозревал о своих симпатиях к этому трансгену.

Хомяка я приобрел вскоре после ухода жены, и, очевидно, многие мои нерастраченные чувства переадресовались к нему. По крайней мере так полагала доктор Варела из «Бихевиоральной прагматики», когда я там подвергался психоанализу. Но это случилось лишь после того, как я опустился на самое дно, докатился до клиники для нариков. Троп, аналог мелатонина, к которому я пристрастился, позволял мне спать двадцать два часа в сутки, а приятные сны обеспечивал второй троп, «траумверкс» (по иронии судьбы, это продукция фабрики «Г-И», принадлежавший моей бывшей клиентке Женеве Гиппельштиль-Имхаузен).

Отлеживая бока день-деньской и кайфуя, я нарастил тридцать фунтов дурного жира, а потом на улице угодил под рутинную полицейскую облаву и оказался в клинике у мисс Варелы. Когда вышел оттуда со справкой о восстановлении моего статуса полноценного члена общества, решил вернуться на правоохранительное поприще, чтобы не переучиваться для другой работы. Поступил на службу в ДВР, начал как простой патрульный в участке на родном Кенмор-сквере, но постепенно достиг своего нынешнего положения: детектив Отдела полипептидной классификации и контроля, более известного как Протеиновая Полиция.

И теперь, задумчиво крутя считыватель данных между пальцами, будто надеясь ощутить неосязаемые наноцарапины, являющиеся ключом к разгадке убийства Гарри Дэй-Льюиса, я подумал: может, я слишком стар для такой работы? Ведь прежде считал себя готовым помериться силами с любой мерзостью. Но с таким чудовищным злом я имею дело впервые.

– Желает войти Касимзомарт Саундерс, – сообщила дверь кабинета.

– Впускай.

К-Март – мой нынешний напарник. Он человек. Его родители эмигрировали в САС из Казахстана в пору Последнего Джихада. Для такого коренного сасовца, как я, он выглядит уж чересчур экзотично: смуглая кожа, монгольский хохолок и длинные вислые усы. Сегодня он надел рубашку без рукавов (наша работа не требует ношения установленной формы), а на безрукавке – лозунг Самоотверженных Голубовато-Зеленых: «Дайте мне эвтаназию – или дайте мне смерть». Мой напарник – большой юморист.

Многозначительно помахав карманкомпом, он сказал:

– Получил наконец информацию о семействе Дэй-Льюис. Их заботливые работодатели на цензуру денег не жалеют. Пропускают данные через десяток умных фильтров, чтобы ни одна коммерческая тайна не вышла наружу. Но здесь – все, что нам нужно. Просмотришь?

– Конечно. Перекачай.

Через секунду файл появился на моем экране. Я взял его со стола и запустил в стену, как непропеченную пиццу. Умный лист прилип «вверх ногами», но тут же сориентировался, и изображение перевернулось, позволив нам быстро проглядеть файл. К-Март подвел итог:

– Обычные технари-плутократы. Политические убеждения – каких и можно ожидать от членов Партии полуортодоксальных новоперонистов. Штепсель, Маршалл, работает на «Кситроникс», отвечает за полевые испытания всякой всячины. Розетка, Мелисма, возглавляет совместное предприятие, детище «Сима-лабз» и «Финикс биокомпозитс». Ничего особо подозрительного, разве что оба иногда порознь посещают «Гедоникс плюс». Она предпочитает линию Першерона, а ему больше по нраву Лунная Бабочка.

Я поспешил сделать предостерегающую мудру со всей быстротой, на какую была способна не простимулированная «гипергибкостью» рука.

– Без крайней необходимости…

Я не договорил, что совать нос в чужие грешки можно только с позволения высокого начальства. К-Март ухмыльнулся, он был еще молод:

– Беглых овцеволков бояться – в лес не ходить, Я просто решил, что исчерпывающая информация тебе не помешает. Короче говоря, в прошлом году они решили обзавестись чадом, когда общий доход достиг двухсот миллионов, и тем самым пропиарили себя как лакомую добычу для преступников. В

потенциальных киднепперах недостатка нет: Сыновья Дикси, Лига Сельских Джентльменов, Радикал-Оптимисты, Плюс-Фурьеристы, да всех не перечесть. Любая из этих банд с удовольствием наложила бы лапы на их потомство.

– Но ничего явного, я правильно понял? Ни писем с предупреждениями, ни анонимных помесей-курьеров, ни посылок со взрывчаткой?

– Действительно, все было совершенно спокойно до нападения на Пеленку.

– А нельзя допустить, что сами родители тут замешаны? Может, какая-нибудь афера со страховкой? Послеродовая депрессия?

– Нет. Можешь воспроизвести запись допроса, убедишься, что их горе было очень искренним.

– Тем не менее надо проверить все версии.

К-Март покручивал усы, как древнеопереточный злодей.

– У меня появились кое-какие предположения. Хочешь поделюсь?

– Делись.

– В похищении должна была участвовать сама Пеленка – вместе с мальчиком выбраться за окно, получив от птицы зомбирующую инъекцию. Но из-за неудачного – по вине конструкторов – расположения ганглий жидкость попала не туда, куда надо, Пеленка взбесилась, и дельце не выгорело.

Я быстро обдумал версию К-Марта. Нет, маловероятно. Пеленка с младенцем – это довольно большая масса, охранная система непременно ее бы заметила. Преступники, которым хватило ума создать птицу-«невидимку», просто не могли упустить такую важную деталь. Возможно, перепрограммированная Пеленка смогла бы все-таки преодолеть охранный периметр дома. Но где бы ее тогда подобрали? Ей и дюйма незамеченной не проползти по городу. К тому же в окрестностях не было обнаружено подозрительных незнакомцев. Нет, хотя версия похищения напрашивается в первую очередь, она скорее всего ошибочная.

– Я до вчерашнего дня ничего ни о каких Пеленках не слышал. Это что, новинка?

К-Март пробежался по гиперссылкам и нашел нужную информацию:

– «Иксис» полгода назад обнародовал весь пакет документации по Пеленкам, все результаты бета-тестирования. Через месяц после этого правительство САС разрешило открытую торговлю Пеленками, Сейчас обсуждается продажа лицензии в другие страны. Правда, ВТО тянет с выдачей лицензии на

всемирную торговлю.

– Какова их доля на рынке?

– Около десяти процентов. У Пеленок нет многих высших функций других «нянек». Большинство родителей предпочитает Плюшевых Мишек и Матушек-Гусынь; другие модели предназначены для детей постарше. А Пеленки дешевы и удобны для круглосуточного санитарного ухода и контроля. Им не надо спать – это тоже большой плюс. Ничего удивительного, что за полгода их доля поднялась от нуля до десяти процентов.

Я встал с имиполексного кресла, и оно тотчас приняло заданную «по умолчанию» конфигурацию.

– Закажи в хлеву детектор лжи. – Я предпочитал не иметь напрямую дела с помесями Внутренней налоговой службы, пускай этим занимается К-Март. – Нанесем иксисовским знайкам-зазнайкам визит.

У «Иксиса», как у многих мегакартелей, нет штаб-квартиры, это рассредоточенная организация. Местное отделение располагалось в нескольких минутах езды от центра Бостона, в пригороде под названием Ньютон.

Мы с К-Мартом встретились на улице. Он заказал и патрульную машину, и детектор лжи. Машина – стандартная «Дэу-Игления» с керамическим водородным двигателем (обыкновенная вода потихоньку разлагается в биореакторе, полном одноклеточных водорослей, с помощью фотонов, улавливаемых солнечными батареями на крышах). Детектор лжи – модели Минипифон-Нейросканер. Обладая инфракрасным зрением, вомероназальным органом и акустико-латеральной системой, это змееподобное существо способно регистрировать эпидермальный и субдермальный кровоток, а также анализировать феромоны и выдыхаемые вещества. Якобы этого достаточно, чтобы определить, чиста ли совесть у подозреваемого. По моему же опыту судя, с базово-линейными людьми такой фокус проходит стопроцентно, те же, кто подвергся различным усовершенствованиям, способны в разной степени снижать процент вероятности разоблачения. Но большинство благонадежных граждан не усматривают необходимости в обмане Змеи, а потому не приобретают специальные техсредства. Тот же, кто это делает, лишь привлекает к себе внимание (по крайней мере если не всей полиции, то мое). Значит, ему есть что скрывать.

– Я поведу, – вызвался К-Март, и мы все расположились в машине.

Змея заползла на заднее сиденье, не произнеся ни слова.

В «Иксисе» нас встретил баваб – массивная модель Султанов

Евнух, 15% человеческой родословной, остальное – смесь обезьяны и буйвола. Такого же точно трансгена я вижу каждый вечер в парадной своего дома – он служит швейцаром. Евнух навис над нами, точно каланча – косматая башка вровень с притолокой. На боку у него висел ятаган – устройство экспресс-анализа. Жидкая протеаза, залитая под давлением в рукоятку, может быть распылена через микропоры лезвия, и тогда она в пикосекунду разъест плоть нарушителя порядка.

Не обнаружив на нас знаков принадлежности к «Иксису», Евнух исторг свирепый рык. Но мы, махнув удостоверениями ДВР, включили в нем контур рабской покорности, и он нас пропустил.

Мы не предупреждали о своем визите, чтобы не запустить процедуру экстренного прикрытия задницы. Хотя новости об убийстве Дэй-Льюиса уже попали в метамедиум и разнеслись миллионом новостных демонов, а значит, любой менеджер «Иксиса», даже самый скудоумный, не утративший мало-мальской способности оценивать ущерб, уже приготовился к нашему появлению. Так что пришлось ждать, когда секретарь организует нам встречу с кем-нибудь из випов. Я это время потратил на любование миграцией пестрых теплокровных растений в терраниумах и попытке разобраться в чертежах сигнальных путей, которыми были украшены стены,

Наконец явился представитель фирмы – молодой разъем-папа с улыбкой от уха до уха, со скромным гребнем из бронзового цвета драконьих шипов от лба до копчика; в костюме для шипов имелись соответствующие отверстия. На физиономии была написана гордость за только что полученный диплом спеца по управлению биобизнесом. Ну, ясно, перед нами – агнец на заклание, разведчик брода в речке, возможно, кишащей пираньями. Безопасность фирмы – любой ценой! Меня затошнило.

Он протянул ладошку:

– Добро пожаловать, офицеры. Я Так Китченер, связь с общественностью и анализ потенциальных рисков. Чем могу помочь?

– Вы, конечно, слышали о вчерашнем убийстве, совершенном Пеленкой?

Китченер поцокал языком:

– Это весьма досадно, даже прискорбно. Грубейшее нарушение инструкции по использованию. Ни при каких обстоятельствах на Пеленку не должны попадать выделения птичьих желез внешней секреции. Пользователи Пеленки допустили небрежность, тут никаких сомнений. Надеюсь, вы согласны со мной? Полагаю, вопрос об ответственности нашей

фирмы не стоит?

– Еще не знаю, собственно, мы для того и пришли – разобраться. Хотелось бы побывать в вашем конструкторском бюро, поговорить с теми, кто придумывал Пеленку.

– Нет ничего проще! Вам надо только проследовать за мной в стерилизационный шлюз.

Вскоре мы с К-Мартом и Змеей были вымыты, опылены и упакованы в спецовки. На выходе нас будет поджидать еще менее приятная процедура, с внутренним зондированием, чтобы мы гарантированно не вынесли никаких секретов.

Мы покинули шлюз и прошли мимо автоутроб и парагенезис-камер, яслей и ума-палаток; кругом кишел деловитый персонал «Иксиса».

– Как видите, – хвастал Китченер, – у нас корабль без малейшей течи. Строжайше соблюдаются все требования и инструкции. «Будем беречь здоровье подопечных – просуществуем вечно!» Такая у нас поговорка…

К-Март резко перебил:

– Полноправ Китченер, позвольте напомнить, мы – не инспекторы санитарной службы. Мы – Протеиновая Полиция. И мы пытаемся раскрыть убийство, в котором участвовало изделие вашей фирмы.

Ума не приложу, почему люди до сих пор ловятся на прием «хороший полицейский – плохой полицейский». Не зная, кто из нас старший, Китченер вопросительно посмотрел на меня. Но я лишь «беспомощно» поднял брови в ответ. Молодой менеджер нервно провел рукой по черепным шипам – они сгибались, как плотная резина.

– Ну да, разумеется. Почему бы вам не опросить непосредственно разработчиков Пеленки?

– Верно, почему бы нам этого не сделать? И Китченер повел нас к яйцеголовым.

Хотя мне и раньше по долгу службы приходилось иметь дело с двумозгами, при виде голых сверхчерепушек меня тотчас замутило. Знайки сидят в специальных креслах – с подчелюстниками вместо подлокотников, в окружении своих спецприборов и шлейфов подключения к виртуалке; природный метаболизм усилен всевозможной пищевой и троповой экзоподпиткой, и на нас, посетителей, эти господа взирают немигающими глазами уэллсовских марсиан.

Липкие взоры восьми церебрально-усовершенствованных на К-Марта не подействовали – а может, он просто лучше, чем я, умел притворяться невозмутимым. Как бы там ни было, он сразу приступил к опросу головастиков.

– А ну-ка, скажите, умники: сколько вы оставили запасных доступов к ганглиям Пеленки?

Конструкторы обменялись друг с другом многозначительными взглядами, потом один из них заговорил:

– Я Саймон, начальник октады. На ваши вопросы буду отвечать я. Никаких тайных точек ввода информации мы не делали. Компания опубликовала исчерпывающую информацию о Пеленке.

– Допустим, что вы не лжете. – К-Март со значением посмотрел на Змею – та пока безмолвствовала, но мне не очень верилось, что она способна тягаться с этими хитрованами. – Кого вы обокрали, чтобы сделать Пеленку? Да признавайтесь же, я ведь знаю: вы, ловкачи, вечно друг у дружки открытия тибрите. Кто мог подсунуть «Иксису» мину замедленного действия, кому нужно, чтобы вы сели в лужу?

Саймон не очень натурально изобразил оскорбленную невинность:

– Все наше вдохновение, все находки – непосредственно от сверхчувственной бесконечной шелдрейковской идеосферы. Мы, не жалея времени и сил, бороздим неизведанные дали идеопространства. Обвинять нас в краже – все равно что уничижать самое наше существование!

Дальнейший опрос ничего не дал – умники отвечали крайне неохотно, каждое слово приходилось вытягивать из них точно клещами. Наконец даже у К-Марта иссякло упорство. Когда уходили, напарник повернулся к ближайшему двумозгу и сказал:

– Пока, ребята. Увидимся у Мадам Ондатры.

Мы медленно шли к выходу; по пути я пытался обдумывать другую версию. Слащавая рожица Китченера не способствовала моему сосредоточению.

И тут я кое о чем вспомнил. О работе Дэй-Льюиса-старшего.

Я повернулся к Китченеру:

– Кто испытывал Пеленку в полевых условиях?

– Этот сотрудник только что ушел в длительный отпуск…

– Он лжет, – перебила Змея.

В яблочко! К-Март аж подпрыгнул.

– В соответствии с конституцией САС я должен зачитать вам ваши права. Вы имеете право на кибернетического защитника пятого уровня Тьюринга…

Китченер рассмеялся, как подросток, застигнутый с ладонью в штанах на организованном церковью Амиш пикнике.

– Офицеры, уж не собираетесь ли вы арестовать меня за пустяковую оговорку? Я лишь хотел сказать, что сотрудника, которым вы интересуетесь, пришлось уволить за нанесение

ущерба фирме.

– Имя! Вернее, исчерпывающие сведения о нем. Что он натворил?

– Его зовут… Постойте… Дайте припомнить… Берт, кажется. Нет: Бертран Майр.

– И почему вы от него избавились?

– Грубое нарушение инструкций и кража корпоративной собственности.

– А поточнее?

Китченер снова пригладил драконий гребень: – Небольшая сексуальная проблема. Вступал в половые сношения с продукцией.

Иногда я пытаюсь представить, каково жилось человеку в девственные времена. А ведь закончились они, между прочим, всего-то столетие назад. Правда, и сейчас хватает народу из ретрокогорты – естественно, без кое-каких первоначальных органов или нейронов. Но даже из разговоров с геронтами невозможно понять, каким был в действительности их мир.

Одна из самых больших загадок – как они ухитрялись заниматься сексом. Препятствий было хоть пруд пруди: венерические болезни, трудноизлечимые неврозы, невозможность перемены пола, социальное угнетение естественных влечений. Наконец, секс-рабами тогда были люди, и свое дело они делали «без души», терпя унижения ради куска хлеба.

Вензаболевания сейчас большая редкость. Они не исчезли совсем, и бывает, что преступник намеренно заражает жертву, – но случайно уже ничего такого не подцепить. Помню, в прошлом году мы выследили извра, он распространял нео-коро, болезнь, при которой пенис растет внутрь тела. Эскулапов-психиатров заменили троподозировщики. Пластическая анатомия – это уже покоренная вершина. Законодательство наконец учло естественные потребности (по крайней мере в САС; как в других краях – не знаю), и рынок завален тысячами и тысячами разнообразных домашних любимцев с тысячами и тысячами эротических функций. А сколько дополнительных органов – надо заметить, не всегда полезных – теперь доступно для человека!

Несмотря на все это, осталась горстка хесомагари, «крученых пупков», которых извращенность натуры или бьющий через край темперамент толкают на поиски не одобряемых обществом утех. Одним из них и был Бертран Майр.

Мы скачали все сведения о нем, прежде чем покинуть «Иксис». Майр был сыном Ровены и Бориса Майр, граждан САС, бывших переселенцев, не выдержавших тягот жизни на борту «Водолея», плавучей аркологии и станции ОТЕС у побережья

Мадагаскара. Выигранные ими в лотерею койко-места перешли к другим арконавтам, а супруги вернулись в Бостон. Вскоре после рождения Бертрана Борис скончался. Он угодил в разгар войны за территориальный передел между Парнями Из Морга и Тайскими Ребятами в Чарльстауне. Ровена там и живет по-прежнему, она больше ни с кем не связывала надолго свою жизнь. Бертран вырос архетипическим одиночкой: ни друзей, ни партнера, ни кратких любовных связей. Очевидно, такой уединенный образ жизни он вел и после того, как стал полноправным гражданином.

Интуиция сыщика нарисовала мне маменькиного сынка, точную копию своего покойного папаши, разбалованного, изнеженного интроверта. Последние годы своей учебы в школе Майр проявлял наклонности к генной инженерии. Получив в подарок стандартную детскую помесеварку фирмы «Скайос-Нова», он вскоре прикупил на карманные деньги еще кое-какие прибамбасы и научился делать существ уровня кольчатых червей. Он полюбил нуклеотиды и аминокислоты, даже чересчур полюбил. Похоже, о нравственных и юридических границах он имел самое туманное представление. Майр чуть не вылетел из школы, когда в шутку поселил в душевой неспособных к воспроизводству анкилостом. Они были запрограммированы на тридцатидневный срок жизни – но за это время успевали выделить в кишечник своих жертв аналог псилоцибина. После выпускных экзаменов обнаружилось, что скандал с анкилостомами изрядно подпортил ему репутацию. Ни одна приличная фирма не желала принимать его на работу хромоваром, вернее, желающие находились, но требовали, чтобы Майр прошел курс лечения коррективными тропами; вероятно, он всякий раз отказывался. Предпринимателей можно понять: кому нужен работник, не отвечающий за свои поступки? Наконец ему удалось устроиться испытателем в «Иксис», и долгие десять лет он проработал на этой должности, не имея взысканий.

– А потом появилась Пеленка, – сказал К-Март уже в офисе, когда мы заканчивали изучение файла.

– Должно быть, в Майре сработал какой-то скрытый механизм. Так бывает. Человек держится, держится и вдруг из-за малейшего пустяка срывается.

– Поскольку он больше всех остальных разработчиков уделял времени Пеленке, то привык относиться к ней, как к своей собственности. Даже домой брал! А что если дирекция «Иксиса» настояла, чтобы он сам попользовался Пеленкой? Как ты думаешь, это возможно?

Я пожал плечами:

– На то он и испытатель.

– Черт! Благодарение Иштар, что я работаю в администфере! Короче, он запал на Пеленку и попытался ее приспособить для сексуальных забав. А когда об этом узнало начальство и дало нашему Майру пинка под зад, он улетел суборбитальным транспортом, прихватив изделие. Затем решил позаботиться о том, чтобы никто другой не владел Пеленкой.

Согласно кивнув, я сказал:

– Похоже, нам следует нанести визит полноправу Майру.

– Опять заказывать Змею?

– Нет, Бульдога.

Бульдог – это коктейль из собаки, волка и гиены, разумеется, с толикой человечины. Мы предпочитали брать его с собой на захваты, когда ожидалось сопротивление, от слабого до среднего. А модус операнди Майра и его психологический портрет наводили на мысль, что при аресте он будет вести себя агрессивно. Имея вес в три четверти человеческого, Бульдог способен завалить полдюжины несуперменов раньше, чем вы успеете сказать ему «Цикл Креба!»

В машине, по пути к зарегистрированному последним месту жительства Майра, мы получили ориентировку. Как будто мы, заинтересовавшись персоной Майра, каким-то телепатическим образом спровоцировали его. Новое преступление с участием Пеленки! На сей раз нападение совершила служебная помесь Думбинни. Ее отправили из дома с каким-то поручением, а когда она вернулась, то выглядела напрочь сбитой с толку. Получив приказ идти в свою кормушку, помесь вместо этого направилась в человеческую детскую, и вскоре хозяева обнаружили, как она грызет Пеленку испачканными в яде тупыми зубами. К счастью, ребенок был спасен прежде, чем у Пеленки начались конвульсии.

– Мы должны остановить этого парня, – сказал К-Март, – иначе наши задницы, да и задницы всего Отдела, получат на всю глубину обратной связи. Ты ведь знаешь, что собой представляет средний пеленковладелец? Это упертый плутократ с большими связями. И он не из тех, кто спускает такие вещи на тормозах.

– Согласен, но все же мне куда интереснее знать, что творится в мозгах у нашего паршивца.

– Точно! Потом напишешь статью для нашего журнала «ДВР на страже закона». Но сначала надо все-таки поймать преступника.

Последнее зарегистрированное место жительство Майра оказалось одним из старых кембриджских асимметричных ризоматических строений. Баваб представлял собой трясущегося от старости киба, расходящиеся швы корпуса были замазаны глупоцементом фирмы «Радио-Шак». Штуковина объяснила, как

дойти до квартиры Майра; тамошняя дверь впустила нас, считав данные с удостоверений.

Застоявшаяся вонь и слой пыли (в таких дешевых жилищах устройство самоочистки – большая редкость) подсказали нам, что никто не живет здесь уже добрый месяц.

– Тупик! – сказал К-Март. – Проклятие.

– Спокойствие, спокойствие. Поищем, авось да найдем какую-нибудь зацепку.

Бульдога мы оставили сторожить у двери, а сами приступили к обыску помещений.

Я нашел порнозаначку Майра в хитроумнейшем тайнике. Одна часть неровной, на вид глухой стены на самом деле представляла собой укоренившийся мутант морского полипа с прекрасными способностями к мимикрии. Он доставал корнями до водопровода, но его, очевидно, давно не кормили. Когда я повел по стене пальцами, полип выдал себя – раздвинул гибкие створки, протянул щупальца и вяло попытался заглотить мою руку.

Я вскрикнул, подбежал К-Март с лазиком в руке и укокошил тварь. Внутри еще дрожащего полипа я заметил несколько накопителей данных.

Мы их воткнули в карманкомп К-Марта – благо, совпали контакты. И тут я заметил, что кое-чего не хватает, а именно обязательной вэтэошной нашлепки: «Приобрести эту модель может только полноправный гражданин в возрасте двенадцати лет и старше». А затем я сосредоточился на картинках.

В те девственные времена, которые я недавно вспоминал, пышным цветом цвела порноторговля. Товар поступал в основном из бывшего государства Япония и был известен как бура-сера. Это живые картинки с юными школьницами, которые поднимают юбочки, показывая простенькое, строго функциональное белье. Иногда товаром служили не только картинки, но и само белье, предпочтительно замаранное. С постепенным снижением возрастного ценза на получение гражданских прав эта торговля исчезла – вернее, влилась в главный порнопоток.

Но то, что мы с К-Мартом нашли в тайнике, было несомненным потомством бура-серы.

На каждом снимке я видел наряженных в узорную одежду людей, в самом широком возрастном диапазоне – от новорожденного до старика. К-Марта затошнило.

– Ведь эта мерзость даже не противозаконна! Просто глупо! Какая может быть связь между этой манией и убийствами?

Я выключил экран.

– Может, и никакой, Кас. А может, Майр до того задвинулся

на сексе, что ему достаточно было малейшего толчка. Его вышибли из «Иксиса» и попытались отобрать Пеленку – и с тех пор он способен думать только о мести.

И тут опять пришло сообщение. Испорчена третья Пеленка, на сей раз поработал пчелиный рой. К счастью, человеческих жертв нет.

– Что дальше? – спросил К-Март. – Может, поговорить с Ровеной Майр?

– А что, это идея. Надо спросить, где она взяла родительскую лицензию.

Ровена Майр жила в бесчувственном доме, в трущобах прямо под путями «Серафима». Ежечасно «Бостон-Монреаль», сверхскоростной поезд, подвешенный к монорельсу, рассекал тут воздух, как ракета, и его прохождение чувствовалось всеми внутренностями.

Ветхий спуск возле дома Майр обжили безработные, существующие на пособие, и их нелегальные чада. Взрослые пили пивчик-живчик, а детвора играла с дешевыми живыми трилобитами, этим летом они были в моде. На нас бросали недобрые взгляды, но задерживать не пытались. Бульдог двигался замыкающим – на тот случай, если кто-нибудь решит сунуться следом. Когда поднялись на третий этаж и уже приближались к квартире Ровены Майр, я заметил, как рука К-Марта потянулась к лазику.

Эту даму я не знал в лицо и был готов к любым сюрпризам… но только не к тому, что увидел, когда дверь наконец отворилась на наш стук.

Ровена Майр оказалась фразеттоидом, членом группы ультраэгоцентристов, отколовшейся от бывшего Общества Креативного Анахронизма. Очевидно, Борис тоже принадлежал к этой компании. Надо же, а я думал, фразеттоиды уже давным-давно исчезли. Стоит ли удивляться, что Майрам неуютно жилось в спартанском, утилитарном окружении «Водолея»…

Ровена перелепила свое тело, чтобы походить на потрясающих фэнтезийных див с полотен художника, чьим именем прозвалась ее группировка. Огромные сферические сиськи, талия до того тонкая, что ясно: не обошлось без пересадки многих органов, и каллипигийский зад, Она носила крошечный лифчик из металлизированной ткани и украшения в псевдоварварском стиле. С пояска – цепочки из фальшивого золота – свисало несколько лент разноцветного шелка.

И она была такая самоуверенная, такая отстраненно-холодная, такая невероятная, что находиться с ней в одной комнате – все равно что соседствовать с древней аниматронной

фигурой. Я попытался представить, что она – моя мать. Получилось, но с большой натяжкой.

– Чем могу помочь, офицеры?

– Мы по поводу Бертрана, вашего сына. Можно войти?

– Хм… Почему бы и нет?

Квартира была обставлена в стиле «Конан-супер». Мы уселись на златотканые узорчатые подушки и рассказали, в какую задницу загнал себя сын полноправы Ровены.

– Мне чертовски жаль малыша Берти. Он всегда был таким хорошим мальчиком, таким многообещающим. Рыжая Соня свидетель, я делала для него все, что было в моих силах. Но не понимаю, чем могу помочь вам.

– Вы с ним не виделись, не разговаривали в последнее время?

– Мы с ним не виделись и не разговаривали уже несколько лет.

К-Март встал:

– Не возражаете, если мы тут немного осмотримся? Ровена вскочила с подушки:

– Боюсь, это проблема, если только у вас нет ордера на обыск.

К-Март кивнул на затворенную дверь:

– А там что?

– Моя молельня, капище Дагона. Уверяю вас, это просто невинное хобби. Но – сакральная территория, вторжение посторонних означает ее осквернение. А теперь, офицеры, если вы не против, мы попрощаемся. Мне хочется побыть одной…

К-Март принялся ходить по комнате, одновременно пуская «дымовую завесу»:

– А знаете, меня ведь тоже растили дагонитом, но давненько уже я не имел связей с единоверцами. Не по своему желанию – обстоятельства, знаете ли. Сколько лет не видел настоящего капища! Раз я верую в Дагона, значит, можно все-таки войти?

Прежде чем Ровена успела вмешаться, К-Март рывком отодвинул дверь.

Пеленка ждала. Она вскинулась перед нами на дыбы – высокая, как человек, и вдвое шире человека. Дрожащая синяя стена криптоплоти. И эта большая Пеленка в отличие от знакомых мне маленьких испускала нашатырно-фекальное зловоние.

Похоже, малыш Берти серьезно потрудился над ее параметрами.

К-Март не успел выстрелить – на него навалилась Пеленка, вмиг обтянула, как облипучка-приставучка.

Завизжала Ровена. У меня тоже был лазик, но я не мог стрелять – боялся продырявить беспомощного К-Марта.

Кто-то пронесся мимо меня, тяжелый и стремительный, и задел, да так сильно, что я развернулся кругом. Когда снова утвердился на ногах, увидел, как наш Бульдог – сплошные клыки и когти – вцепился в Пеленку. Он нацелился на главный узел, вырвал его с кровавым пучком нитевидных отростков. Пеленка опала, как проколотый надувной матрац.

Я подошел к облепленному грязью К-Марту, помог встать. Мимо меня в комнату устремилась Ровена с криком: «Берти! Берти! Я пыталась им помешать!»

К-Март был здорово напуган, но невредим.

– Богиня Тара! Ну и запашок – как у нас в Казахстане, когда я провалился в нужник.

С лазиком на изготовку я проследовал за Ровеной в комнату. Однако, чтобы справиться с малышом Берти, оружие не потребовалось. Чудовищный кукловод, злоумышленник, манипулировавший убийцами-Пеленками, лежал в огромной байеровской люльке – такие применяются обычно для лечения обширных ожогов. Берти был голым, лишь прикрыт широченным матерчатым полотенцем. В безвольной руке лежал сонический инъектор фирмы «Аллеликс». Судя по лицу Бертрана, лишенному какого бы то ни было выражения, инъектор он зарядил слоновьей дозой «новорождина» или другого тропа с ретрогрессивным, синопсоразделяющим действием.

Заливаясь слезами, Ровена упала на колени перед колыбелью. Теперь эта парочка смахивала на безвкусную модерновую версию «Пиеты».

Подошел К-Март, покачал головой:

– Богиня Тара!

Я вспомнил, как сам был чокнутым:

– У всех у нас пупки крученые, К-Март. По крайней мере у тех, кто родился человеком.

Направляясь к выходу, я наткнулся на Бульдога – он уничтожал вещественное доказательство. В пылу схватки древние инстинкты одержали верх над служебной выучкой. Я хотел дать ему пинка, но передумал.

Бешеная помесь

Казалось, моя жизнь целиком и полностью уподобилась одной из самых мудреных симплектических моделей неотомистской катастрофы. Она носилась по орбитам странных аттракторов, по спиралям и синусоидам, – и невозможно было предсказать, во что упрется эта кривая дорожка. Вряд ли во что-нибудь хорошее.

Моя жизнь даже не просто изобиловала – она кишела переменами, их было побольше, чем зрелых трипсов на ткач-дереве перед сбором урожая. И уж всяко, перемен было достаточно, чтобы я решил провести несколько внеочередных сеансов у доктора Варелы из «Бихевиоральной прагматики», у спокойной и эрудированной дамы. В прошлом, когда я, покончив с частным сыском, сорвался в штопор, она помогла мне взяться за ум. Надо же – еще совсем недавно я думал, что судьба никогда больше не сведет нас.

С тех пор как я поступил на службу в бостонское отделение Протеиновой Полиции, жизнь пошла спокойная и ненапряжная. Правда, совсем уж без неурядиц и риска не обходилось, но все же до недавних пор я не видел причины обращаться к мозгоправу. Как вдруг все изменилось, и теперь доктору Вареле приходится выслушивать мои жалобы и кивать, и успокаивать, и копаться в своих учебниках, и прописывать курс лечения биометовским «тревогоном» и сайклоновским «нескучаем» в сочетании с сильнодействующими адренергетиками. Тропы вроде бы действовали, хотя я по-прежнему чувствовал себя разлаженным. Но все-таки я считал, что уверенно иду на поправку.

Все началось, когда умные головы, руководители Департамента внутренней разведки и охраны Североамериканского Союза (мы, Протеиновая Полиция, их отдел), скинули нам парочку новых директив.

Во-первых, больше не будет ни одной человеческой пары. У нас слишком большой недокомплект сотрудников, чтобы позволять себе такую роскошь. Причин на то уйма: гарантированное пособие по безработице, сокращение числа чистогенов и полноправных граждан, соблазны виртуальности, криминала и миллионов сект, культов, клубов по интересам и банд, представляющих самый широкий спектр гедонизма, нигилизма, пофигизма, да вообще всех «измов» на свете. Короче говоря, желающих вступить в наши ряды находилось немного. Разумеется, это же относилось и ко всем остальным секторам сасов-ской адмиисферы: без кибов, демонов и помесей вся

система немедленно потерпела бы апоптоз. Так что старому партнерству «человек + человек» скоро придет конец. Это означает, что я расстанусь с К-Мартом Саундерсом, самым покладистым разъем-папой из тех, с кем мне приходилось иметь дело. Вместо него мне предложат на выбор трансгена или киба. Но после смерти моего верного Хомяка я не могу испытывать душевный комфорт в обществе помесей. Значит, остаются кибы.

Только что в широкую продажу поступили кибернеты четвертого уровня Тьюринга. «Пятерки» тоже применялись, но приобретать их могли только МВФ, Всемирный Банк, ВТО и прочие звезды администферы, предпочитавшие всегда на корпус опережать управляемые ими массы. И, разумеется, на подходе были «шестерки», им предстояло вот-вот завершить свою полуавтономную эволюцию. Штаб Протеиновой Полиции в Торонто на днях получил месячный комплект «четверок» от Бангалорского филиала Сегасофт-Тогай-Мэджик и разослал их по континенту. «Мозги» кибов выглядели одинаковыми и имели те же габариты, что и устаревшие «тройки», что облегчало переоснащение, – непримечательные блестящие плитки толщиной с десяток древних CD-дисков. Однако новейшая схема, сокрытая в такой плитке, повышала возможности киба до уровня, который и не снился создателям их предшественников. Разнообразные же ходовые части были легкозаменяемы. Кроме тех, что уже состояли у нас на вооружении, прибыло еще несколько моделей, с новыми правоохранительными возможностями.

И вот – свершилось. Я получил в напарники синтетическое синкретическое существо в портативном виде, способное менять тела. В разгаре этой кошмарной реформы яйцеголовые настояли, чтобы все люди в штате подверглись соматическому апгрейду. Надоели, видите ли, нашим мудрецам «предотвратимые» потери офицерского состава в различных стычках с преступниками. Было признано, что базово-линейные организмы блюстителей закона давно уступают навороченным телам бандюков. Значит, мы должны срочно наверстать упущенное. Если у злодея семь пядей во лбу, то у любого из нас их должно быть двадцать семь. То же относится и ко всей прочей анатомии.

Я, как и большинство живущих на этом свете, уже получил свою долю имплантов, аддонов и апгрейдов; они неплохо помогали мне в работе, эти простенькие прибамбасы, такие как обостритель периферийного зрения, укрепитель костей, волевое шунтирование боли. Но в отличие от всяких там боди-артистов или головоломщиков я никогда не подвергался радикальным модификациям. Что хорошо для обычного геронта-ретрограда, то

хорошо и для меня. А теперь мне говорят: изменись – или из полиции вылетишь.

Пришлось стиснуть зубы, проглотить свои опасения и нежелание терпеть начальственный произвол (как ни крути, я больше не свободный предприниматель) и отправиться в магазин тел и аксессуаров.

Наружу я вышел упакованный в чешую, точно доисторический ящер. Эта кожа, на ощупь мягкая, как замша, была способна выдержать удар колющего оружия или даже метательного снаряда, летящего с невысокой скоростью. Да к тому же мой новый покров от «Калипт-Биомед» умел реагировать на луч лазика, мгновенно меняя свой коэффициент преломления. Я когда-то читал,

что в природе самая быстрая базово-линейная реакция – у какого-то муравья, щелчок его челюстей длится треть миллисекунды. По части быстродействия наука здорово переплюнула природу.

Еще я приобрел паралимфатическую систему фирмы «Олимпус Биотекс» – это лютый враг всех микро– и нанопаразитов, Усилил артерии антихолестерином компании «Куратех», кости армировал инновировским камневолокном. Сердцу и легким достались хемациновские помощники-импланты. Пальцам – агуронова гипергибкость, усиленная осязательная и проприоцепторная чувствительность, а кроме того, кой-какие нейромодификации от «Биокрист», широкой общественности пока недоступные. И наконец, я теперь мог угостить своих недоброжелателей несколькими крайне опасными противопехотными цитокинами – их вырабатывали расположенные в нужных местах внешнесекреторные железы.

Короче говоря, силы законности и правопорядка получили в моем лице сверхэффективного бойца.

Который вдобавок ко всему прочему употребил полдюжины незнакомых тропов для интеграции своего нового облика и внутренних сенсорных устройств.

И вот, как только произошла эта метаморфоза, в моей жизни случился Последний Великий Перелом. Я повстречал Ксули Бет. И влюбился. Ксули Бет Воллбрахт родилась в Меркосуре и росла водной цыганкой. Ее родители, Рольф и Валентина, управляли секцией Гидровии. Семья кочевала по этому широкому искусственному водному пути, занимаясь торговлей, ремонтом и охраной. Получив образование и профессию ноя Глобального экологического фонда, Ксули Бет поработала за границей, обслуживая океаническо-атмосферную технику, повидала разные уголки АТЭС, Карикома и Скандибалтики, и наконец, судьба ее

забросила в биорегион Нова-Англия.

Мы встретились на официальном приеме, устроенном ноями. Аквацыганам надо было проинструктировать Протеиновую Полицию насчет борьбы с бешеными микрокиборгами – стремительная эволюция водной псевдожизни делала их появление вполне вероятным. Силик-робовая технология считалась надежной, но без проблем, естественно, не обходилось.

К счастью для меня, Ксули Бет не прониклась отвращением к моему преобразованному эпидермису. Выяснилось, что одним из ее прежних любовников был гидровийский челорыб, он-то и привил ей вкус к нестандартным кожным покровам.

С появлением Ксули Бет моя жизнь вмиг изменилась к лучшему. Впервые с тех пор, как ушла жена, у меня было полноценное спаривание. И мне было хорошо.

Настолько хорошо, что я чувствовал: добром это не кончится. Вот-вот на мою голову упадет какая-то беда – как падает с ясного неба запрограммированный Ксули Бет ливень.

Первым знаком беды стало настойчивое попискивание моего гибкого экрана. В то утро я сидел за рабочим столом. Шел пятнадцатиминутный перерыв, я расслаблялся в квазимедитации, фокусом которой служил подарок Ксули Бет, он же – символ ее профессии. В стерильном цилиндрическом контейнере величиной примерно с капсулу для пневмопочты автономный миниатюрный силикробовый смерчик осуществлял свои гомеодинами-ческие деформации, подчиняясь только солнечному свету. Его бесконечные случайные превращения, в дополнение к повторяемым мной про себя даосским мантрам, очищали разум.

Но какие могут быть мантры, когда служебный долг велит вступить в слухоконтакт первой категории? Я задействовал разум и дал команду экрану включиться. На нем появилось лицо моего прямого начальника.

Джо Пристли имела взволнованный вид. Что совсем не просто для женщины, чья голова обрамлена складками кожи, а рот смахивает на зубастую пасть звероящера. На моих глазах преступники теряли сознание на допросах, когда она позволяла себе добродушную улыбку.

– Наш котеночек в городе, – сообщила она.

– Цума-Пума? – вспомнил я старого знакомого, вожака мелкой шайки. – Стоит ли беспокоиться?

– Если бы Цума-Пума! Нет, я имею в виду единственного представителя семейства кошачьих, из-за которого стоит беспокоиться. Это Чокнутый Кошак.

Вот теперь понятно, почему она так нервничает.

– Чувствую, вы припасли для меня клубочек. Может, покажете

конец нити? Чтобы я не терял времени даром…

– Слышал, что было в Чикаго? Там Кошак чуть было не устроил Второй Потоп.

– Слышал, конечно. Но тогда он вроде бы сам здорово сел в лужу. Разве он не наследил, не оставил нам несколько своих клеток? По идее, чего проще – запрограммировать всех общественных нюхачей, чтобы стучали, когда он будет красться мимо них.

– Ты прав, мы расшифровали его геном, и это большая удача – ведь раньше об этом преступнике не было известно почти ничего. Но все же одного генома недостаточно. Кошак не светится на публике. Свои злодеяния он творит через друзей, союзников и сочувствующих, и недостатка в них нет. И помощников он вербует не только среди помесей. Хватает и чистогенов, одобряющих деятельность ФОТ, или по крайней мере ее нерадикалистские крылья, такие, как ОПЖОП, например. Кошаку легко пачкать нас дерьмом, не вылезая из своей норы. И не забывай о существовании частного транспорта – нюхачи не обратят внимания на пассажира экогерметизированной машины. Нет, мы должны как следует побегать, если хотим сорвать новые козни Кошака.

– Ну и перспективочка, – сказал я. – Уж лучше бы приказали залезть в Мешок и заняться любовью с накопительным кольцом на обратной стороне Луны.

Начальница была членом секты вырожденцев, а стало быть, убежденным врагом половых желез. Испещренные жилами кожистые складки покраснели и возмущенно затрепетали, а в следующий миг она исчезла с экрана. Прозвучал сигнал прекращения слухоконтакта, и по невидимым каналам пошла ориентировка на Кошака. Данных было так много, что они не поместились в буферы гибкого экрана. Я выделил парочку мыслящих спецпрограммок для работы в фоновом режиме, пусть собирают все общедоступные сведения о «почерке» супертеррориста.

А потом я приступил к долгому растрированию – благо, мое новое нейро допускало двухдорожечную обработку данных.

Чокнутый Кошак появился на свет лет десять назад, и произошло это при обстоятельствах поистине драматических. Его производителем был яйцеглав, носивший забавное прозвище Доктор Радиус. Док Радиус был «свободным художником», вернее, не совсем свободным, так как выполнял заказы концерна «Вивус-Неопат» и оказался вовлечен в очень секретный проект. Минуя сеть, «ВЫ» заключил тайный контракт на создание нового грансгена с особыми возможностями. Помесь должна была

унаследовать свои черты от разных представителей семейства кошачьих (50%), человека (30%) и виверры (10%). Остальные 10% – полезные нуклеотиды, взятые у самых разных животных. Как только программа выпустит из автоутроб юные помеси, они, также без человеческого участия, будут помещены в частичный стазис и в таком виде развезены по адресам, которые, как потом выяснилось, принадлежали подставной фирме, а на самом деле – правительству Парижа.

Также стало известно, что мэр этого чудесного города решил отделиться вместе с подвластной ему территорией от Евросоюза. Ему не понравилось, когда «сверху» было аннулировано решение возобновить производственное задымление в черте города. Туризм дышал на ладан, и мэр предположил, что если вернуть «старинную атмосферу Парижа», то любознательные гости снова повалят толпами. Новые помеси от «ВН» – сплошь зубы, когти и коварство – должны были войти в корпус солдат-наемников, составить ядро будущей партизанской армии самообороны, опираясь на которую, мэр смог бы выполнить свой гениальный план.

Надо ли говорить, что и Евросоюз, и ВТО, и другие высшие структуры администсферы совсем не обрадовались таким новостям и свое неудовольствие выразили весьма энергично. Отставной мэр получил двадцать лет дестабилизации сознания. Заговор был раскрыт еще до развозки трансгенов, и власти обрушились на «ВН», как тонна антиматерии. Фирма уплатила драконовские штрафы и получила приказ ликвидировать все спецпомеси.

Но такой исход совсем не устроил Дока Радиуса. Будучи не просто художником, а художником полоумным и маниакально преданным своей работе, он относился к новым помесям не просто как к изделиям. Для него они были все равно что родные дети.

Док Радиус ухитрился вынести из лаборатории и спрятать один утробный плод. Более того, этот плод был создан не в рамках проекта по изготовлению спецтрансгенов – Док занимался им подпольно, выбирая для него черты внешности и характера на свой собственный вкус.

Вот из этого-то семени и произрос цветочек под названием Чокнутый Кошак. Произрос в изоляции, в обществе одного лишь эксцентричного Дока Радиуса, не отягощенный спецобучением, спецпитанием и татуном – клеймом владельца. И получилась в результате не простая помесь – получилось чудовище.

Как только Кошак приобрел способность рассуждать – а это случилось примерно через год после его рождения, год напряженной учебы и приема совершенно нелегальных тропов, –

он зациклился на гибели своих неродившихся «братьев». Сначала он, единственный выживший, ломал голову над вопросом: чем была вызвана эта беспощадная расправа? Потом заинтересовался: в каких условиях живут и служат человеческому обществу трансгены всех мастей? А когда узнал – был возмущен до крайности. Что ж, я сам далеко не чистоплюй, но вынужден признать: случаются перегибы и перехлесты, да такие, что волосы дыбом встают.

В пятилетнем возрасте Чокнутый Кошак взял себе имя, под которым его вскоре узнал весь мир. А кроме того, он решил посвятить свою жизнь освобождению из рабства помесей во всем мире, развязать войну, которая будет вестись любыми средствами и которую человечество не выдержит.

Так появился Фронт Освобождения Трансгенов. А о существовании Чокнутого Кошака мир узнал вскоре после первого теракта, нежданной и поначалу совершенно загадочной расправы над советом директоров «Гедоникс плюс», собравшихся в Женеве для годового саммита.

Протеиновая Полиция организовала всемирный розыск таинственного массового убийцы, и вскоре ее тиху-анский отдел обнаружил разгромленную лабораторию Дока Радиуса, а также самого Дока, не подававшего признаков жизни. Я в то время был частным сыщиком-одиночкой и не имел доступа к столь секретной информации. Видимо, Радиус решил покритиковать планы Кошака относительно человеческого рода – за что и пострадал. И хотя Кошак тщательно растворил всю биомассу, имевшую отношение к персоне своего «родителя», он не сумел – а может, по незнанию не счел нужным – стереть любовно накопленный Доком за несколько лет аудио– и видеоматериал.

Я изучил остановленный кадр со взрослым Кошаком. Больше двух метров ростом, сто килограммов тугих мышц под темно-желтой шкурой с небазовым полосатым окрасом. Лицо уродливое, но при этом сексуально привлекательное и очень умное. Черты пантеры, циветы и человека. Рот, полный блистающих острых зубов цвета слоновой кости, приоткрыт и растянут – в постоянной злобной ухмылке, подсказала мне интуиция.

Во всю мощь заработали мои мыслящие агенты, разобрали изображение Кошака на мельчайшие фрагменты и принялись их анализировать.

Итак, власти Бостона не знают, чего ожидать от Кошака, и не знают даже, находится ли он в городе. Этот преступник никогда не повторяется, не придерживается излюбленной тактики; он может нанести удар через кого угодно и по кому угодно.

Я отпустил этих агентов и вызвал своего напарника, зная, что

он уже получил и в мгновение ока усвоил все данные по Кошаку. Ожидая появления киба, я рассматривал плененный торнадо, крутящийся в капсуле. Казалось, беспорядочный порядок микропогоды смеется над царящим во мне хаосом. Но жизнь, как известно, самым парадоксальным образом процветает на грани хаоса и стазиса…

Прибыл мой партнер.

Закон налагает на лицо, пользующееся кибом четвертого уровня Тьюринга, одну дополнительную обязанность. Точно так же, как любой полноправный индивидуум отвечает за действия своих нематериальных агентов и демонов, любой владелец КТ-4 несет полную ответственность за его слова и поступки. В основном эта ноша ложится на корпорации, но в Протеиновой Полиции сотрудник-полноправ должен следить за своим напарником-кибом, а если не уследит, заплатит штраф из собственного кармана. Вздумает мой КТ-4 совершить что-нибудь антиобщественное – отдача придется на мою задницу. Большая это ответственность, почти как за родного отпрыска, – потому-то я и прозвал напарника Сынком.

Нынче Сынок выбрал себе ходовую от «Гексель Энфорсер»: тело с камневолокнистым скелетом, система «кровообращения» из нанотруб, мускулы из имиполекса и резилина, кожа «суперакула», дублированные ганглии. К этому серому эластичному гиганту была пристегнута, прямо к плечам, голова с псевдосенсорными устройствами – они обрушат смертоносный огонь на преступника, которому хватит безрассудства напасть на этакое чудище.

Настоящие аудиовизуальные и хемосенсоры, а также другие системы оружия прятались в разных частях туловища. «Мозги» таились в «животе» киба, под крепкой защитной пластиной.

Сынок обратился приятным тенором – звучавшим, казалось, из-под мышки:

– Судя по поступившим ко мне данным, возникла потребность в силовом превосходстве для победы над нелояльной помесью. Я не ошибаюсь, полноправ?

– Ты не ошибаешься. Разве что слегка забегаешь вперед.

Убедив Сынка, чтобы не выдавать нас раньше времени, перебраться в менее грозную на вид ходовую басфовскую механическую модель с народным названием «ванна», я с ним вышел на улицу.

У меня была цель – штаб-квартира ОПЖОП. О ней упоминала Пристли, как о вероятном гнезде соучастников Кошака. Но я был уверен, что ничего там не узнаю. Будь у меня еще хоть одна ниточка, я бы туда и не пошел.

Бредя по шумным, разгоряченным гормонами улицам Бостона, дыша чистым выхлопом туктуков, я пытался, как наказывала Пристли, пользоваться своим чутким на преступления носом.

На аллее, что вела от Арлингтона, мое внимание привлекла шайка кибов-мародеров, они пытались вломиться в синохемовский мусоросборщик, находившийся позади магазина тел. Брошенным хозяевами и беглым кибам для ремонта всегда требовалась какая-нибудь органика, и они не брезговали воровством и попрошайничеством. Должно быть, мародеры сломали или выключили устройство «беги-вопи» мусорки, – она могла только раскачиваться на месте и жалобно ухать, а кибы беспрепятственно рылись в ее отсеках.

Я и глазом моргнуть не успел, как Сынок коршуном налетел на них, расшвырял первых попавшихся. Битый хромой автомат по продаже нутрицевтиков опрокинулся и беспомощно закрутил колесиками, его приятели бросились врассыпную.

Сынок выпустил гибкое щупальце, нашел порт на боку поверженной машины. Мощный удар тока, и паршивая овца в стаде честных и порядочных автоматов-продавцов покинула этот мир.

– Ликвидирован еще один паразит общества, – с присущей КТ-4 гордостью заявил Сынок.

– Молодец, молодец. Пошли, судья Дредд, нас ждет рыбка покрупнее.

– Это образное выражение?

Я тяжело вздохнул: все равно что с ребенком нянчишься. – Да.

– Занесено в память.

Мы задержались на открытой толкучке – я перекусил билтонгом и плодом камю-камю, – а потом добрались до Стюарт-стрит, до офисов негосударственной организации, носящей название «Общества против жестокого обращения с помесями». После пикировки с человеком-секретарем на входе я был пропущен в кабинет директора, некой Джейн Грэм-Боллард.

Грэм-Боллард оказалась невеличкой, ее череп был покрыт вместо волос розовыми неразвитыми перьями. Тело обтянуто блестящей облегайкой. Глава ОПЖОП, как и 99% ее сторонниц, была водно-углеродной шовинисткой. На меня она посмотрела, как старая помесь на живодера: со страхом, презрением и ненавистью.

– Полноправа Грэм-Боллард, – предъявив документ, обратился я к ней со всей учтивостью, – у нас есть основания предполагать, что террорист, известный под кличкой Чокнутый

Кошак, перебрался в наш биорегион, после того как потерпел фиаско в Чикаго. Точнее, он укрылся на территории метроплекса. Отдел полипептидной классификации и контроля рассчитывает на содействие всех членов ОПЖОП в поимке преступника. При любой попытке этого трансгена связаться с вашей организацией вы должны немедленно сообщить нам. Более того, вы обязаны нас оповестить, даже если просто дойдет какой-нибудь слух об этом преступнике.

Пока я говорил, Грэм-Боллард медленно закипала, а когда умолк, она дала волю гневу:

– Ну, конечно! Чтобы вы тут же набросились на него и прикончили! Даже не соблюдя видимости правосудия!

– Слово «правосудие» применимо только к гражданам, имеющим права. Очевидно, я должен вам напомнить, что для помесей существует параллельная система правил, поощрений и наказаний. Над их разработкой многие годы трудились авторитетные специалисты, исходившие из соображений практичности и эффективности. Владельцам запрещено обращаться с помесями жестоко, унижать их или изнурять непосильным трудом. В то же время трансгенам гарантируется пища, жилье и нормальная работа.

– Это рабство! Самое обыкновенное рабство.

– А слово «рабство» опять же применимо только к человеку. Трансген – это имущество, самое обыкновенное имущество. Вроде базово-линейных молочных коров или овец.

– Существо, у которого до сорока процентов человеческих генов, – имущество?!

– Полноправа, законы придумываю не я. Я только слежу за их исполнением.

Она фыркнула:

– Вы говорили о жестоком обращении и унижении. Хотите, я покажу вам кое-какие видеоматериалы? Пусть у вас броня вместо кожи, пусть у вас свинцовая чушка вместо сердца – все равно, клянусь, вы будете дрожать от ужаса и возмущения!

Я на своем веку чего только не навидался.

– Это вряд ли.

– Такое положение дел – позор для всех нас! Скажите, вам когда-нибудь бывает стыдно?

– Только не при исполнении служебных обязанностей.

Грэм-Боллард надулась – должно быть, поняла, что меня не прошибешь.

– А сегодня ваша обязанность – найти и покарать благородное существо, в моральном, этическом и интеллектуальном отношениях не уступающее нам…

– Полноправа, – перебил я, теряя терпение, – видели бы вы результаты терактов, организованных этим «благородным существом». Вот я – видел.

– А кто его довел? Мы! Человечество! Я устало поднялся с кресла.

– Чокнутый Кошак – это всего-навсего бешеная помесь. Будете с ним ужинать – запаситесь ложкой подлиннее, мой вам совет.

– Бешеных помесей не бывает, зато бывают бешеные владельцы.

– Я вас предупредил.

На улице я некоторое время молчал, потихоньку анализируя услышанное от Грэм-Боллард.

Через несколько кварталов Сынок подал голос:

– Мы теперь будем следить за полноправой Грэм-Боллард? Вы незаметно осыпали ее пылекамерами?

– С чего ты взял?

– Но ведь вы ожидаете, что она будет ужинать с Чокнутым Кошаком.

Я снова вздохнул:

– Образное сравнение.

– Спасибо.

В тот же вечер я повстречал Ксули в «Кокейне Хопкрофта».

Разумеется, в действительности я находился в ее квартире, в Бостоне, а она где-то в Арктике, имея дело с айсбергами, ледниками и другими неразумными, а потому легко предсказуемыми созданиями природы. Мы договорились, что во время ее командировок будем встречаться на разных виртуальных сайтах минимум четырежды в неделю. Решили заглянуть и в «Кокейн Хопкроф-та», где карамелевые горы и лимонадные реки, леденцовые деревья и сахарно-ватные облака. Вряд ли это был удачный выбор, и дело не только в примитивности конструкта – здесь я с некоторых пор все чаще задумываюсь о том, во что мы, люди, превратили базово-линейную Землю.

Мы явились в своем натуральном обличье – слишком мало бывали вместе в последнее время, каждый соскучился по настоящему лицу и телу другого. Охранный фильтр позаботился о том, чтобы посторонние нам не докучали, хотя в этом же конструкте, вероятно, обретались еще тысячи посетителей.

Сидя рядом со мной на мягком, как диван, конфетном камне, Ксули Бет заканчивала рассказ о том, как провела этот день:

– Так что, если сработает последняя коррекция, и если симуляционный проект – не одна сплошная ошибка, то ежегодно средний уровень мирового океана будет понижаться на дюйм!

Представляешь, через десять лет мы сможем заново заселить Бангладеш!

– Да, это здорово…

Ксули Бет откинула со лба пастельно-зеленые волосы с металлосердечниками, обнажив две одинаковые барометрические шишки. Они прекрасно шли к сегодняшней окраске кожи – в угловатых пятнах. Стиль «милый неуклюжий жирафенок», вспомнил я.

– Я говорю, говорю, а ты все мимо ушей пропускаешь…

– Прости, Ксули-дорогуля, я и правда рассеян. Не дает мне покоя дело Кошака, зуд от него покрепче, чем от криптолишая. Это тебе не рядовой криминальный элемент, какой-нибудь хул или извр. На сей раз я имею дело с террористом, встроившимся в социоэтическую матрицу. Обычно сыщик, изучивший почерк преступника, имеет неплохое представление о том, чего он хочет и как собирается достичь желаемого. Но Кошак непредсказуем! Предсказуема лишь его цель – любыми способами нанести человечеству максимальный ущерб. Он может нанести удар в любое время и в любом месте!

– То есть ты не уверен, что это дело удастся раскрыть?

– Ну, почему же…

Лицо Ксули Бет сделалось сосредоточенным, она коснулась пальцами метеорологических рожек, как будто и правда о чем-то не на шутку задумалась. Через минуту сказала:

– Но как рассчитывает Кошак добиться своей цели? В одиночку, пусть даже с пистолетом или бомбой, это всего лишь бандит, каких много. Чтобы нанести серьезный вред цивилизации, ему нужны сообщники. В Чикаго он привлек на свою сторону Тараканов. Значит, и здесь для масштабного теракта ему понадобятся многочисленные исполнители. Он ведь сам не крим и не лепила, насколько мне известно.

– И насколько известно мне…

– Так что если ты просто начнешь перетряхивать все «малины» подряд, то рано или поздно тебе попадется ниточка, ведущая к Кошаку.

Я который уже раз за сегодняшний день тяжело вздохнул. Впрочем, не так уж и тяжело – у меня появилась надежда,

– Ты, конечно, права. Надо было мне самому взглянуть на ситуацию под этим углом. Дело не безнадежное. Должно быть, я просто испугался его масштабности. Да к тому же допрашивал сегодня одну особу, так она заставила меня задуматься: почему я делаю то, что я делаю. Ксули Бет встала:

– Я понимаю. Бедняжка, ты плохо соображал, потому что рядом не было твоей маленькой погодной девушки. А сейчас она

с тобой, и все в порядке…

Ксули Бет исчезла, вышла из конструкта, даже не воспользовавшись всплывающим меню. Через несколько секунд вернулась – мне не пришлось даже пальцем шевельнуть или чем-нибудь другим.

– Милый, я жду тебя в Мешке.

Я разорвал нейроконтакт с телекосмом и мгновенно возвратился в Бостон. Снял со стеллажа техобслуживания свой Мешок, пощекотав, заставил раскрыться и залез внутрь.

В виртуальности можно испытать хороший нейроиндуцированный оргазм, но почему-то он в подметки не годится полноценному контакту двух тел, обеспечиваемому Мешками. Может, у него полоса пропускания уже, может, дело в шелдрейковских полях. Мы с Ксули Бет снова перенеслись в «Кокейн Хопкрофта» и, оба нагие, вошли в плотнейший клинч. Два Мешка – один у меня дома, другой в Арктике – бились, как припадочные.

Если бы в Отделе полипептидной классификации и контроля кто-нибудь прознал о побочном – сексуальном – эффекте соматического апгрейда, которому я подвергся по настоянию начальства, то у меня бы вычли из жалованья его стоимость.

Итак, полицейские ждали неприятностей. И дождались, но не от преступного мира, а от организованных отшельников, добровольных изгнанников, не желавших находиться рядом с вырождающимся, идущим против законов природы большинством.

С Инкубаторами я уже сталкивался – в ходе предыдущего расследования, еще в паре с К-Мартом. Откуда ни возьмись появилась плесень, поражавшая только созданные фирмой «Гибритех» насосные деревья третьего поколения, и мы заподозрили, что Инкубаторы приложили к этому руку. Правда, до сих пор они не проявляли террористических наклонностей, но, как и другие презираемые меньшинства, входили в группу риска – а ну как однажды не выдержат и свернут на кривую дорожку.

Поскольку метроплекс сильно зависел от насосных деревьев (полые корни обеспечивали его водой), администфера принялась давить на нас с огромной силой, требуя скорейшего раскрытия преступления, и мы с К-Мартом крепко взялись за Инкубаторов. Самое досадное, что эти паршивцы оказались неповинны, источником болезни была заурядная ржавчина – мутировав, она приобрела способность питаться растительностью с аналогами системы кровоснабжения.

Через несколько дней после того, как Ксули Бет вернула мне надежду, анонимный демон подкинул на мой экран наводку:

недавно Инкубаторы проделали какую-то важную работу для какого-то таинственного заказчика. Что ж, придется снова навестить знакомых, и вряд ли они меня встретят с распростертыми объятиями.

Ну, да не привыкать.

Сынок на этот раз надел ходовую от «Бостон сайентифик» – небольшой бак с множеством щупальцев и форсунок. Я имел кое-какое представление о боевой мощи этой штуковины, но все-таки подмывало расхохотаться. Впрочем, возможно, и не облик спутника был тому причиной. Реальная перспектива выйти на след Чокнутого Кошака повысила мое настроение не хуже, чем доза эйфорогена «Поцелуй небо».

– Идем, Железный Дровосек, нанесем визит париям. Сынок заковылял вслед за мной:

– Как скажете, Доктор Что.

– Не Что, а Кто.

– Преимущество схемы четвертого уровня Тьюринга заключается в том, что интегрированное в нее устройство размытой логики выполняет и функцию творческой обработки данных.

Инкубаторов мы нашли в бесхозном древнем нефтехранилище на берегу. Чье это имущество, пока неизвестно – после краха нефтяной промышленности наступил юридический хаос, и вот уже десятилетия законники пытаются разобраться в этом бардаке. Рано или поздно появятся новые владельцы, найдут применение участку, а нелегальных поселенцев вышвырнут. Но пока это царство Инкубаторов.

Возле самодельной лепестковой двери, обращенной к бухте, мы с Сынком задержались.

– Стой здесь, прикрывай меня, – приказал я кибу.

– Инструкция с логическим противоречием. Но на этот раз мне понятен смысл.

Я устало покачал головой.

Резервуар был изнутри выдраен пеномочалкой из трансклетчатки, от нее остался запашок. А кроме чистящего средства, пахло плесенью, гнилью, грязными бинтами и гнилыми зубами.

Был и еще один «аромат» – идентифицировать его не смогли даже мои усиленные чувства. В тусклом сиянии органобиолюминисцентных шаров, понатыканных тут и там, от пола до изогнутого потолка громоздились сорнокоралловые постройки. С этих органофрактальных лесов свисали Инкубаторы, кто в коконе, кто просто на веревке, здорово смахивая на личинок базово-линейного шелкопряда.

Я усилил зрение, но того, кто был мне нужен, не углядел. Поэтому закричал:

– Протеиновая Полиция! Оспа здесь?

Ответа не последовало, но я заметил шевеление среди кальцитовых лесов. Кто-то спускался.

Большинство Инкубаторов было парализовано своими вечными несмертельными болезнями. Потому-то я и звал Оспу, проявлявшего в последнее время относительную активность. Несмотря на свое страшноватое прозвище, он, как и все его приятели, не был заразен. Пропатогенная идеология догматична, но не выходит за те рамки, когда можно ожидать карательных мер со стороны общества.

Тот, кто спускался на мой зов, добрался наконец до пола и двинулся ко мне, хромая на обе ноги. Среди лохмотьев я разглядел обезображенное прыщами и рытвинами лицо Оспы.

– Чего тебе? – осведомился патогенист. – Оставил бы ты наконец нас в покое! Кому мы мешаем, культивируя затурканные вами короткие белковые цепочки? Разве мало того, что вы, длинноцепочечные империалисты, стерли с лица земли столько невинных форм микроскопической жизни? Неужто решили сорвать и нашу скромнейшую спасательную миссию?

– Слушай, Оспа, мне наплевать, во что вы с Проказой, Сифилисом, Корью, Свинкой, Полиомиелитом и всеми остальными доходягами превращаете свою жизнь. Но когда вы поставляете контаминанты знаменитому террористу, я вынужден становиться у вас на пути.

– Да ничего мы никому не поставляем, – заныл Оспа.

– В самом деле? А у меня совершенно противоположные сведения.

– Да и плевать, – пробормотал Оспа и нагло повернулся ко мне спиной. – Все равно ничего не докажешь.

Я поймал коротышку за лохмотья, оторвал его от пола и приблизил уродливую рожицу к своему лицу:

– Скажи-ка, приятель, как тебе идея вылечиться? Оспа побледнел от страха:

– Не посмеешь!

– Еще как посмею.

– Убийца! – забрыкался он. – Ладно, прекрати! Отпусти меня, я все скажу!

Я выполнил просьбу, но остался начеку.

– Нам совсем без бабок не прожить, приходится иногда брать заказы, – снова заныл Оспа. – А связываться с нами желающих мало. Да к тому же в этот раз задачка была аккурат на наш вкус.

– А ну-ка, поподробнее.

– Заказчика я ни разу не видел, так что не буду гадать, тот ли это, кто тебе нужен. Мы контачили только с кибами, это они организовали сделку. Короче, этому штепселю понадобился новый прион, который, попадая в ротовую полость с водой или пищей, добирается до таламуса и расстраивает функцию Ллинаса.

Я ушам своим не поверил. Функция Ллинаса – полученная эволюционным путем способность таламуса, этих первичных часов мозга, соединять весь сенсорный ввод и все корковые реакции в логически последовательный посекундный гештальт вселенной. Даже самый отвязный крим не на шутку задумается: стоит ли копаться в такой важной функции мозга.

– Так ты говоришь, что создал прион, способный разлаживать внутренние часики человека?

– Что-то в этом роде. Но все формы жизни равны, и прионы будут благополучно существовать, не убивая своих носителей.

Должно быть, Сынок считывал показатели моей жизнедеятельности и идентифицировал гнев – он механическим спрутом устремился вперед:

– Полноправ, какие будут распроряжения?

– Упакуй их.

Заработали форсунки Сынка, и через тридцать секунд все Инкубаторы были опутаны нитями, Я вызвал транспорт и поделился новостями с Пристли.

И на этом легкая часть расследования закончилась.

Весь личный состав ДВР, а также сотни прибывших на помощь сотрудников десятков других биорегиональных и континентальных агентств, были брошены на поиски Чокнутого Кошака. Среди них оказался и я в роли рядового топтуна – уже на следующий день после того, как Пристли выдавила из себя благодарность в мой адрес и дала выход буре негодования в адрес тех, кто не додумался раньше опросить Инкубаторов.

В ту же ночь, когда мне удалось добиться от Оспы откровенности, я снова встретился в «Кокейне» с Ксули Бет. И было такое чувство, будто это мой последний визит в заведение. Никогда еще страна молочных рек и кисельных берегов не казалась мне такой фальшивой. В минуту нашего постсексуального отдыха она сказала:

– Береги себя.

– Обязательно. Да ты не волнуйся, меня опекает Сынок.

Она рассмеялась:

– Тьюринг в гробу перевернется! – и, посерьезнев, спросила: – Ты и после апгрейдов носишь карманкомп?

– Конечно. Всегда полезно иметь резервную связь с

метамедиумом.

Ксули Бет потрогала рожки на лбу:

– Что ж, это хорошо.

Мои коллеги с пристрастием допросили Инкубаторов, но так и не сумели выяснить, где может прятаться Чокнутый Кошак. Мы с Сынком проверили дюжину вероятных зацепок – с тем же успехом. Но какая-то смутная мысль постоянно щекотала кровеносные сосуды затылочных долей мозга.

В Отделе я истратил драгоценный перерыв на разглядывание торнадо-мандалы.

Вот тут-то и всплыл в памяти тот странный запашок.

Я его наконец узнал.

В бывшем нефтехранилище пахло Плетенками!

– Сынок, мы выходим! – воскликнул я.

Я никому не сказал, куда направляюсь. Иначе бы все ринулись на охоту за диким прионом.

Наверное, Доктор Варелла объяснит мне потом, что я подсознательно хотел сразиться один на один с существом, столь изрядно потрепавшим мне нервы.

ДВР содержал в бухте лодочную станцию. Я заказал маленький катамаран-водоплан и вскоре на приличной скорости вышел в открытое море.

– Мы в самом начале расследования проверяли Плетенки, – запротестовал Сынок, который сегодня щеголял шасси от «Хьюс», напоминавшем многоногую галлюциногению из Берджес-Шейл.

– Помню. Но с тех пор Чокнутый Кошак где угодно мог укрыться, в том числе и у Плетенок.

– Не спорю. Но все же я бы предпочел сначала убедиться, что вы правильно идентифицировали запах.

– Некогда! Как ты этого не понимаешь? А может, нарочно тянешь время? Хочешь посмотреть, что натворят науськанные на человечество прионы?

– Если это произойдет, Бостоном будут управлять кибы.

Я вытаращился на робота. Но эта ходовая не умела принимать понятные для людей выражения лица.

– Шутка. Из тех, которыми обмениваются напарники.

– Ах шутка? Ха-ха-ха!

Понадобился час, чтобы добраться до места, – нам пришлось обогнуть Джорджес-банк. И я учуял Плетенки раньше, чем увидел.

Несколько тысяч квадратных километров моря было покрыто грандиозным скоплением цианобактерии и диатомей – этакий мягкий эктоплазмовый ковер. Плавучий бифштекс, источник разноцелевой биомассы, уютная экониша для базово-линейных и

искусственно выведенных полезных организмов.

Плетенки выращивались для человечества специальными слабоумными кибами. Одного из которых (а может, и не одного) подчинил себе Кошак.

На ближнем к суше краю Плетенки была заякорена маленькая платформа, служившая редким посетителям-людям: электростанция ОТЕС, маяк, спасательный плот. Мы причалили.

Я не тихарился – Чокнотому Кошаку спрятаться тут было негде.

– Лодку сторожи, – приказал я Сынку.

– Приступаю к исполнению команды.

Я перебрался на борт слегка покачивающегося форпоста цивилизации в океане.

На севере удалось разглядеть грозовую тучу – она странным образом скапливалась посреди чистого неба. Но сейчас мне было не до размышлений о погоде. Все мое существо настроилось на обнаружение злоумышленника, но пока – ничего подозрительного.

Все же Кошаку удалось застичь меня врасплох. Когда я приблизился к другому краю платформы, его лапа вылетела из-под воды и вцепилась в мою лодыжку. Он дернул, я упал, но в воду не полетел, так как ухватился за пиллерс. Почувствовав сопротивление, Кошак отпустил меня и с тучей брызг вылетел из воды. Вот он уже на платформе, бьет ногой… Я откатился, вскочил и принял боевую стойку.

– Сынок! – заорал я.

– Иду, полноправ… – отозвался киб.

В ту же секунду раздался всплеск. На водоплан взобрались два жнеца и скинули Сынка. Мой напарник отправился к акварыбам, умея плавать не лучше топора. Значит, я остался один на один с Кошаком. Мало кто из людей смотрел ему в лицо. Мне повезло, стало быть. Но вместо того чтобы гордиться этой высокой честью, я перепугался до смерти. Ведь секунду-другую назад он с такой легкостью меня свалил! Чтобы вернуть хладнокровие, пришлось вспомнить экстремальную мантру.

Мокрая шерсть облепила стройное тело Чокнутого Кошака, уши были прижаты к черепу. Вылитый байроновский антигерой. В нем было одновременно и нечто царственное, и нечто дикарское – стоит ли удивляться, что этот облик пленил столь многих?

– Кошак, сдавайся, – пошел я на блеф. – Обещаю, ничего плохого тебе не сделаю.

У него вздрогнули усы, из горла вырвалось мурлыканье напополам с урчанием:

– Да, только посадишь в клетку и заставишь лизать сапоги

низшим по развитию!

– Лучше быть живым, чем мертвым.

– Не на таких условиях!

– Ты сделал свой выбор! – Я выставил перед ним ладонь, как перед транспортным кибом.

Из моих экзокринных желез ударил противопехотный спрей – слепяще-удушающе-нарывного действия. Струя угодила Кошаку прямо в лицо. Он взревел и, превозмогая боль, бросился на меня. Мы ударились грудная пластина в грудную пластину, я почувствовал его зубы в своей шее – они разрывали чешую. Я вонзил пальцы в его плечи – а ему хоть бы что.

Сейчас я узнаю, сколько надежны неогоретексовые вены. Все чернело перед глазами – неужели отказывает зрение?

Нет – просто над головой собираются тучи. Я с изумлением смотрел, как разверзается ад.

Молнии, гром, ливень, а затем – главный удар: микропорыв ветра, вроде того, что оставлял за собой в лесу просеки в догэфовские времена.

Станция поднялась на дыбы, нас с Кошаком снесло в море. И под волнами мне удалось наконец вырваться – или это он меня выпустил? Не важно, главное, я был свободен.

Я устремился вверх, из последних сил вынырнул на поверхность. Огляделся – его нигде не видать. Но зато приближается целая флотилия водопланов. На один из них меня и затащили, не слишком церемонясь. Мы несколько часов искали Кошака с помощью приборов, роботов и собственных глаз, но бешеной помеси и след простыл. Кошак отправился кормить обитателей разгневанного моря, а может, и выжил. Хотя второе казалось невероятным.

Перед возвращением мы нашли на дне океана и подняли Сынка. Киб самостоятельно добрался до якоря станции; может, он и вылез бы по тросу, если бы не отказал источник питания. Как только меня заштопали, я связался с Пристли и получил очередные порции: скупую – похвалы и щедрую – упрека.

Потом я связался с Ксули Бет.

– Глобальная регулировка климата – это просто здорово! – проговорила она со слезами радости на глазах.

– И друзей «наверху» иметь – тоже здорово! – добавил я.

– А точнее – в стратосфере, – сказала Ксули Бет.

Макгрегор

1. Сказка о кролике Питере

Кролик Питер потушил сигарету о камень, на котором сидел, щелчком короткого когтя отправил окурок кувыркаться прочь и вздохнул.

Стояла ночь. Благоухающий сельский воздух приносил явственные звуки нетрансгенной жизни: шорохи, крики, писк, оханье…

Лягушки – но не Джереми Рыболовы. Совы – но не мистеры Брауны. Барсуки – но не Томми Броки. Ежи – но не Ухти-Тухти.

Носящие эти имена его товарищи-трансгены сидят в загоне. Они не имеют прав, они не могут бродить, где им вздумается, как это делает кролик Питер.

Он взялся за кончик длинного левого уха. Два года назад, вскоре после того, как Питер сбежал из Поместья, ухо подверглось хирургической операции. Только так можно было удалить силикробовое тавро, логотип компании «Уорн». Силикробов вкололи под кожу в лаборатории биофабрики «Шеринг-Плау», и они выстроились в татун, подтверждающий право мистера Макгрегора на владение кроликом Питером. А затем Питера отправили к покупателю.

Искалеченное ухо регенерировало, но все-таки то, что выросло, казалось чужим. У Питера вошло в привычку щупать кончик уха, когда он нервничал. Как сейчас.

Он сидел на высоком холме в Западном Биорегионе Европейского сообщества. Внизу лежала деревня Саури, освещенная нежным сиянием слабых фотонных излучателей. На юге виднелась территория Музея Беатрикс Поттер, также известная под названием Поместье Хилл-Топ.

Когда-то и он там жил. Провел в Поместье всего лишь тринадцать месяцев, а кажется, целую вечность. Дурацкие спектакли, зеваки, понаехавшие из ЕЭС, САС, Со-Про, безвкусная еда – искалеченные протеины и бросовые пептиды. Но в конце концов он понял, что совершенно непригоден для такой службы.

Прошло два года – пятая часть гарантированного жизненного срока – с тех пор, как он сбежал, и за это время скучать ему не приходилось ни разу. Когда до голодной смерти было уже рукой подать, он наткнулся на лондонскую ячейку ФОТ.

Он прошел стандартный курс обучения под воздействием тропов и подвергся соматюнингу, после чего был готов сыграть

свою роль в освобождении трансгенов.

Он участвовал в печально знаменитой Corrida de la Muerte [11] в Мадриде – помог уничтожить совет директоров «Гедоникс-плюс», алчных человечишек, собравшихся в Женеве на саммит. Он угодил в перестрелку с бразильским полицейским спецназом в «Хибаро Макси-Молле», едва ноги оттуда унес. Еще он помогал лидеру ФОТ, легендарному бешеному трансгену по прозвищу Чокнутый Кошак, в Чикаго – там они пытались зомбировать Едоков и с их помощью затопить город. Короче говоря, последние два года Питер жил полноценной жизнью. Увиденное и содеянное сделало его крутым кроликом. Однако сейчас он раздумывал о предстоящей встрече с Макгрегором, и крутизна отступала, и брала верх прежняя, заложенная на фабрике натура, делая его беспомощным, как котенок.

Он сам напросился на это задание. Но теперь – не радовался.

Питер порылся в кармане видавшего виды синего пальто с медными пуговицами в поисках дозы «воодушевина», проглотил всухую и затеребил ухо, пытаясь сосредоточиться на задаче. Внизу, возле Поместья, мигала большущая голореклама, отъезжали последние туробусы.

В парке теперь остался только один человек (не имея пятидесяти одного процента человеческих генов, он все же получил этот статус) – Макгрегор. А он – из тех, кто умеет получать полное удовольствие от своего положения. И значит, помеси уже трепещут от страха. Питер подавил гнев, представив, что сейчас начнется в Поместье. Хорошо, что зарядился «злобогасителем» – а то нервы могли бы и не выдержать. Спуститься можно будет только после того, как Макгрегор уйдет спать. Остались считанные часы.

Питер зажег новую сигарету. Дрянная человеческая привычка. Впрочем, со здоровьем у него все в порядке. У Кролика слишком короткий век – нажить рак просто не успеваешь.

2. Сказка о двух Мышках-Шалунишках

Макгрегор опирался о клюку и махал отъезжающему туробусу. Поглядишь со стороны – старый фермер с печалью и надеждой на возвращение провожает дорогих гостей. Когда машина скрылась за поворотом, Макгрегор велел голорекламе погаснуть. Затем он выпрямился.

Разогнувший спину Макгрегор больше не казался ветхим

вредным старикашкой. Он как будто раздулся, заполнил коричневый костюм из псевдодомотканой материи конечностями и туловищем, мощными, как работавшие на окрестных полях автожатки «Дир-Голдстар». Белая бородища, спадавшая на обтянутую рубашкой грудь, теперь выглядела совершенно неуместно, как и его усы, как и клюка. И вдруг с жутким воплем Макгрегор запустил палкой в небо. Она взлетела выше колпака дымовой трубы. Взметнулись очки и борода, а заодно вся одежда, шляпа в том числе. Аниматронная борода проползла несколько дюймов по траве и замерла. Обнаженное туловище было покрыто крепкой чешуей, как у броненосца. Руки и ноги перевиты мускулами, как у Обезьяны-грузчика. На безволосом черепе под кожей пульсировали силикробовые рисунки, электромиографически синхронизованные с корковым веществом. Втягивающиеся гениталии были спрятаны. Макгрегор повернулся лицом к потемневшему хлеву:

– Мерзавцы! Провалили представление!

Хлев не ответил ни единым звуком. Казалось, подсознательная эмоциональная дрожь исходила холодными волнами из постройки.

Макгрегор зашагал к ночлегу трансгенов.

Пинком распахнул большую дверь.

Внутри старомодного строения, куда не водили туристов, было просторно. Стены и пол покрыты бесшовным пластиком, это чтобы не заморачиваться с чисткой. В углу стояли раскрытые компостировщики. Вдоль стен по-казарменному расставлены койки, при каждой – сундучок для дозволенных помесям пожитков: расческа, косметика, доставшиеся от туристов сласти из лавки «Имбирь и пикули», смена платья. Возле коек стояли по стойке «смирно» их владельцы.

Самые крошечные из обитателей Поместья – Мыши, Лягушки, Белки – даже поднявшись на генетически измененные задние ноги, едва доставали Макгрегору до пояса. Самые большие – Кролики, Собаки, Кошки – были ему по плечо.

Макгрегор дал своему имуществу попотеть от страха добрую минуту. Потом круто развернулся и ткнул пальцем в Свинулю Вежлика.

– Ты!

На глазах у Вежлика набухли слезы, побежали по обе стороны рыльца. Он их промокнул рукавом коричневого сюртука.

– Сэр, моя поросячья внешность в полном порядке. Но Макгрегор уже повернулся к другой жертве:

– Утка!

Джемайма Кряк несколько раз в ступоре открыла и закрыла

клюв, наконец кое-как выговорила:

– Шляпка привязана, шаль чиста. Шляпка привязана, шаль…

Но Макгрегор наконец добрался до тех, кого выбрал с самого начала:

– Мальчик! Ханка! Выйти на середину!

Мальчик-С-Пальчик и его подруга Ханка-Манка, дрожа от страха, подчинились. Мыши шагали, опустив головы, прекрасно зная, что сейчас произойдет. Сопротивляться – бессмысленно.

И тут в дверях появился Лис. Ростом с Макгрегора, его помощник ходил в коричневом сюртуке, жилетке и при галстуке. Он принес клюку Макгрегора. Мистер Тод, Лис, улыбнулся, показав острые зубы.

Он сразу набросился на Мышей, стоявших в футе от Макгрегора:

– Вы разбили блюдо, когда ломали кукольный домик на дневном представлении!

Мальчик-С-Пальчик взглянул на Ханку-Манку, а та посмотрела на него. Карие глазки отражали свет потолочных плафонов.

– Но ведь мы и должны были разбить блюдо, – ответил самец. – Мы показали, что ветчина гипсовая. Мы гневно пищали. Я взял щипцы. Я ударил по ветчине…

– Ты не то блюдо разбил! Ты разбил пустое блюдо!

– Нет, я ударил по ветчине…

– Хватит! Дай сюда клюку!

Лис, задрав пышный хвост, щелкая когтями по полу, приблизился к Макгрегору и подал клюку. Макгрегор повернул рукоятку, установив риску на цифру «11». И принялся бить Мышей. Малейшее прикосновение палки причиняло страшную боль. Мыши корчились и пищали, их товарищи заплакали, но это не помогло. Град ударов не прекращался.

Ханка-Манка рухнула на пол. Пряча голову, задрала хвостик. У Макгрегора полезли наружу гениталии.

3. Сказка о Макгрегоре

Мамка Макгрегора, суперврачиха,
С деторождением справилась лихо.
Сама у себя яйцеклетку взяла,
Параметры в автоутробу ввела.
Родился ребенок – мальчонка премилый,

Под стать материнским инстинктам лепилы.

Дочка опоссума и кенгуру
Нянькой была Макгрегору.
Нежный младенец ее обожал,
В сумке сидел, сиську сосал.

Но детства пора золотая прошла —
Метареальность его увлекла.
Скоро Макгрегор подсел на игрушки:
Его развлекали смешные зверушки.
В день, когда юноша жил виртуально,
Что-то в процессе пошло аномально.
Начали парня рвать на куски
Когти фрактальные, цифроклыки.
Вырвался чудом Макгрегор из них —
Жалкий урод, неврастеник и псих.
Бедный калека, форменный шиз:
Няню свою он в конструкте загрыз.
Кровь на лице, кровь на руках,
Нянина кровь на его зубах!

Был парень здоровый, стал парень больной.
Смешные зверушки всему виной.
Долго Макгрегор лечился в психушке,
Долго копались в его черепушке
Самые лучшие из докторов:
«Будем считать, что Макгрегор здоров».

И сам не заметил, как взрослым он стал,
Работу по сердцу найти пожелал.
Цифрореальность всем хороша,
Но настоящего просит душа.
Аттракционов в мире не счесть,
Там любые ролевки, конечно же, есть.
Макгрегору больше всего на свете
Хотелось снова зверушек встретить,
Чтоб поквитаться с ними сполна —
За то, что когда-то свели с ума.

4. Сказка о Крольчихе Флопси

Питер пришел на скотный двор около трех ночи. Поместье охранялось несерьезно, в основном от кримов-людей: редких вандов-одиночек или охочих до приключений извров из метроплекса. Не препятствие для партизана, проходившего обучение в отряде мстителей «Секвойя», в лагере, укрытом на территории компании «Каскадес». Что же до бегства трансгенов, то об этом люди не беспокоились. Биологические путы работали получше охранных систем. Редкая помесь набиралась храбрости, чтобы сбежать за ограду, где против нее мгновенно ополчится все и вся, где контролируемое жизнеобеспечение тотчас превратится в гарантированное обеспечение смерти.

Но Питер для того и явился, чтобы убедить своих сородичей: этот шаг необходимо сделать.

Дом Беатрикс Поттер утонул во мраке и тишине. На первом этаже жил мистер Тод, на втором – Макгрегор. Вспомнив об этой парочке, Питер поежился. Если повезет, он выполнит свою миссию, не побеспокоив стражей.

Он задержался у двери в хлев, принюхался: только слабеющие запахи Макгрегора, его пота и спермы. Обоняние Питера из-за курева было вдвое хуже прежнего, полагаться на него вряд ли стоило. Но он сам видел, как гасли окна коттеджа, а значит, беспокоиться не о чем.

Появилось желание, и довольно сильное, пометить территорию, которую ему предстояло покорить. И Питер не стал бороться с соблазном, а быстренько помочился на дверь, при этом представляя себе физиономию Макгрегора. Пока Питер отодвигал засов, земля жадно впитала урину.

Дверь чуть слышно скрипнула, и вот он уже внутри. Звук разбудил Белку Щелк-Щелк.

– Тррк! Тррк! Тррк! Это прежний Питер! Это прежний Питер!

– Заткнись, грызун! О черт!

Вопли Белки перебудили в хлеву всех. Питер намеревался сначала поднять лишь несколько помесей с самыми крепкими нервами и вдобавок инициативных – рассчитывал, что они помогут обойтись без суматохи. Но теперь – слишком поздно.

Вспыхнули лампы. К счастью, в хлеву не было настоящих окон – только голоиллюзорное освещение. Свет не разбудит Макгрегора, лишь бы шум не разбудил… Глаза, сухие и влажные, видящие в темноте и на свету, смотрели на Питера. Он помолчал, давая пленникам осознать, что означает его появление. Вернулась беглая помесь, не погибшая на воле.

Первым заговорил Колли Кеп:

– Почему ты вернулся? У нас теперь новый Питер. Ты сдался людям? Где твое клеймо?

Питер гордо выпрямился:

– Я не раб, я вольный трансген, равный любому пятидесятипроцентнику. А вернулся я для того, чтобы освободить всех вас. В миле отсюда ждет фура с водителем. Ближе подогнать было нельзя, ее бы заметили, а нам погоня ни к чему. Вам надо только пойти за мной, и к утру будете сами себе господа. В Глостере есть надежный хромопортной, он обезвредит гены-убийцы.

По хлеву пробежал нервный ропот.

– А что мы будем есть? – спросил Котенок Том.

– Кто нас будет одевать? – осведомилась Миссис Тигги-Мигги.

– Чем мы будем заниматься весь день напролет? – поинтересовался Сэм Усик.

Питер разозлился:

– Перестаньте задавать дурацкие вопросы! Доверьтесь мне! ФОТ вас всем необходимым обеспечит. Сейчас самое важное – бежать! Ни секунды не медля!

Подала голос Герцогиня, черная Собака:

– А почем мы знаем, что ФОТ сможет нас защитить?

– Мы сильны! Наш вождь смел и мудр! Сейчас он готовится нанести мощный удар по людям в Нова-Англии. У нас много друзей и союзников. Например, Принцип Ненасилия, подпольное крыло ОПЖОП. Вы что, не слыхали о Целестевилле? Правительство Анзании выделило для нас резервацию, там свободно могут селиться любые помеси. Королю Бабару нужны лояльные и добропорядочные граждане.

– Лжешь! Хочешь нас погубить! Питер повернулся. И увидел… себя!

Заменивший беглого кролика стоял рядом с его подружкой Флопси. Питер-2 в отличие от ренегата Питера был прекрасно ухожен – чистенький, пухленький, медные пуговицы надраены. Каждая пушинка на слащавой мордочке показывала, как сильно он погряз в подхалимстве, как страстно мечтает восстановить репутацию, испорченную предыдущей дефективной моделью. Все это было заложено в него производителями – Питер об этом догадывался и зла на своего преемника не держал. Да и не испытывал к нему интереса, если на то пошло. Взор был прикован к соблазнительной фигурке, стоявшей рядом с нео-Питером. Он уже почти забыл, какая Флопси красивая. Грудка толстенькая и мягонькая, ляжки крепкие, носик сексуально влажный.

Самоотверженная борьба не оставляла Питеру времени для романтики. И вот сейчас он вспомнил ночи, проведенные вместе с Флопси – когда наслаждался единственным благом, доступным

рабу. Вспомнил – и сердце заполнилось горечью утраты. Но тут же сообразил: если будет колебаться, проиграет. Второй Кролик запугает пленников, и они не согласятся покинуть хлев.

И Питер, подчиняясь голосам логики и ревности, бросился на коллаборациониста. Новый Питер, защищаясь, неуклюже вскинул передние лапы. Но где ему тягаться с тренированным бойцом! Миг – и второй Кролик, с разбитой в кровь мордочкой, падает на пол.

При виде этой свирепой расправы трансгены оцепенели. Гул вентиляционной системы, казалось, превратился в рев урагана. Питер был готов и дальше применять силу. Но вмешалась Флопси. Глядя блестящими глазами на своего бывшего – и обретенного вновь – друга, она воскликнула:

– Ничтожества умирают на коленях! Мы – ходим на двух ногах! Вся власть – ФОТу!

Сначала ее поддержали одиночки, но вскоре уже весь хлев скандировал: «Вся власть ФОТу!» Питер был слишком счастлив, чтобы предостерегать. Да к тому же они все равно скоро уйдут отсюда.

Он обнял за плечи Флопси. Там, на воле, ей вернут способность к деторождению, и они с Питером наплодят свободных детенышей, которые заставят все человечество дрожать от страха!

5. Сказка про злого и жадного Кролика

Макгрегор спал на уютном диванчике-обниманчике на втором этаже коттеджа. Ему снилось, что он сидит в комфортном ёрзономичном кресле, на голове – кайфошлем для доступа к цифреальности. Сон во сне. Виртуальному Макгрегору было пять лет от роду. Он шел, держа за руку няню и маму, по крытым дорожкам, кругом порхали бабочки, пахло сеном. Вдруг из-за кустов выскочил гигантский зверь, хищный кролик с полной пастью клыков. А в следующий миг рядом с ним возник другой! И третий! Кролики схватили охранницу и маму, перегрызли им глотки, принялись рвать мясо. Макгрегор закричал, принялся корчиться в кресле, ворочаться на диване. Кролики бросили трупы взрослых, окровавленные морды повернулись к мальчику.

Макгрегор до крови прокусил язык. И в виртуальности, и во сне, и наяву. Наконец диванная система контроля среагировала, выдала дозу «пробудина». Макгрегор, уже чуявший запах свежего

мяса из клыкастых пастей, мгновенно сел, сорвал шлем, проснулся. Ощутил во рту собственную кровь – вкус, как у контактов старинной электрической батарейки. Плюнул красным; постель мгновенно поглотила кровь со слюной. Прислушался.

Вместе с ветерком в растворенное окно влетели слабеющие звуки из хлева.

Что там вытворяют эти гребаные-перегребаные трансгены? Неужто опять передрались из-за морковки или леденца? А ведь им строго-настрого наказано: после отбоя на цыпочках чтоб ходили и дышали через раз! Ну, он им устроит! Отирачит и отпакистанит, шкурки сдерет, наизнанку вывернет и обратно напялит!

Но что, если?..

Он обратился к дому:

– Хилл Топ!

– Слушаю, хозяин.

– У нас что, посторонние?

– Датчики периметра докладывают: ни одно живое существо с массой более десяти унций не проникало.

Ни одно существо с массой более десяти унций? Это невозможно. Окрестности кишат куда более крупной живностью, она так и шастает по ночам, так и норовит забраться в Поместье, а охранная система запрограммирована регистрировать такие нарушения, но зря шума не поднимать. А тут – ни одного проникновения! Не иначе кто-то переналадил датчики.

– Хилл Топ!

– Да.

– У нас нарушитель. Свяжись с саурийской полицией. Организуй мне лицензию на убийство.

По оптоволоконному кабелю промчался запрос, тотчас поступил ответ.

– Распоряжение выполнено.

Не тратя времени на одевание, Макгрегор снял со стены ружье с раструбом на стволе, с магазином, похожим на старинную коробку от кинопленки, с пустотелым прикладом из легкосплава.

Спустившись по лестнице, растормошил сладко похрапывающего Мистера Тода. (Многие помеси, получившие в автоутробе дар речи, приобрели и сопутствующие проблемы с дыханием.)

– А ну, брысь с кровати, разжиревшая задница! У нас лиса в курятнике!

– Лиса?

– Глупый трансген! Не понимай так буквально, черт бы тебя побрал! Шевелись, или пожалеешь, что на свет родился.

Не дожидаясь, пока Мистер Тод оденется, Макгрегор быстро и бесшумно побежал к хлеву. Дверь была приотворена, щель – освещена.

Допнейросистемы моментально обработали открывшуюся ему сцену, точно стоп-кадр.

Макгрегор снес дверь с петель.

Она придавила несколько помесей. Остальные держались плотной толпой возле двух кроликов. Еще один кролик лежал на полу. Так вот оно что! Вернулся ренегат Питер! Паршивая овца в стаде Макгрегора!

Сцена ожила.

Лапа беглого кролика сунулась за отворот синего пальто. Макгрегор заметил краешек плечевой кобуры модели «прыг-скок», пистолет из нее сам переметнулся в кроличью ладонь.

Но Макгрегор выстрелил первым.

Маленькая капсула разбилась о щеку Питера. Макгрегор даже не успел уследить за тем, как Питер оказался с ног до головы опутан сетью «Ивакс», пистолет – прижат к туловищу. Секунду-другую кролик дергался, затем рухнул. Макгрегор уверенно подошел к обездвиженному кролику, полупарализованные страхом трансгены с дрожью расступались.

– К нам пожаловал кролик-крестоносец… Ну, здравствуй, мерзавец. Что теперь будешь делать? – Не дожидаясь ответа от Питера, не обращая внимания на боль в ушибленной о дверь пятке, Макгрегор вонзил ногу в живот лежащего.

6. Сказка о Мистере Тоде

Мистер Тод похрапывал на пропахшей лисьим мехом койке на первом этаже дома. Ему снился чудесный сон.

Он на свободе. Гуляет сам по себе. Бродит по холмам и долинам древней, девственной земли его предков. Переходит вброд ручьи, пересекает луга, выслеживает по запаху друга или врага, самку или добычу. Солнце, ветер, глубокая нора, студеной зимой – вот и все, что нужно для счастья. Только это придает жизни смысл.

И вдруг сладкий сон превратился в кошмар.

Его поймали люди и привязали к кормушке. Ему гнули и выкручивали конечности, пока он не завопил от невыносимой боли. А когда наконец обликом уподобился истязателям, они его перестали мучить, но сделали своим рабом. Заставили следить за

другими изувеченными существами, сторожить, не допускать их бегства. За это его «наградили»: бесполезные тряпки, вмиг приевшаяся пища, изредка – поспешные случки с Лисицами от «Гедоникс плюс» да иллюзорная охота за бескровной дичью в его собственном разуме…

В этом аду каждый день проходил, словно вечная зима. Как же хотелось Мистеру Тоду вернуть свою настоящую жизнь!

Последняя попытка отогнать ужас разбудила его…

Разбудила – и вернула в кошмар. Его жестоко тряс вооруженный Макгрегор. Что, разве уже утро? Пора на службу? Смешить бородатыми хохмами туристов? Кто съел пирожок с моего противня? Кто попользовался моей лучшей скатертью? Наверняка этот гадкий Томми Брок. Глядите-ка, он спит на моей кровати! Сейчас я его проучу…

Однако нет, еще даже не рассвело. Макгрегор что-то сказал насчет лисы. Но разве Мистер Тод – не единственная Лиса на этой ферме? Почему человек не дает ему спать? Есть же у помеси право на ночной сон. На учебной псарне тренеры обещали Тоду легкую жизнь. Говорили, у него будет добрый хозяин. Но Макгрегор не добрый, а совсем даже наоборот. Бьет трансгенов и даже получает от этого удовольствие. И заставляет Мистера Тода ему помогать. А Мистеру Тоду это неприятно. Он не хочет причинять другим боль без необходимости. Убивать можно только для того, чтобы прокормиться. Чтобы выжить. Охота – это не развлечение. Вот игры и случки можно назвать развлечением, а издевательство над другими – вряд ли. Но разве от Мистера Тода что-нибудь зависит? Попробуй только не подчиниться Макгрегору…

Но человек вдруг ушел. Мистер Тод заставил себя подняться. Снял с крючка пальто, надел. «На публику без костюма выходить не смей…» И вышел.

В хлеву исчезла дверь, через проем лился свет. Это ненормально. Мистер Тод насторожился, мгновенно включились рефлексы. В самом воздухе витала угроза, как будто по пятам неслась стая лающих борзых.

Мистер Тод осторожно сунул острый нос в дверной проем. Макгрегор стоял над опутанным сетью кроликом. Кролик задыхался, его рвало. Вдруг помесь по имени Флопси двинулась к Макгрегору, а тот взял ее на прицел.

– Тебе тоже хочется неприятностей? – спросил человек.

Флопси остановилась:

– Сегодня ты можешь нас удержать, но это – не навсегда. Грядет конец твоей власти. Есть на свете место, где трансгены живут свободными.

Мистер Тод не поверил собственным ушам. Обитатели хлева не доверяли ему, а потому не делились слухами. Что за место? Неужели это правда? И что за посторонний кролик? Э, да ведь это же прежний Питер!

Ударом тыльной стороны ладони по мордочке Макгрегор заставил умолкнуть Флопси, она сильно пошатнулась на задних лапах, но устояла.

– Кто-нибудь еще желает высказаться? – осведомился он.

Все помеси потупились. Макгрегор опустил ружье. Левое ухо Питера торчало из сетки. Макгрегор схватился за него и без усилий поставил Питера на ноги.

– Долго ж я этого ждал…

Питер уже успел восстановить дыхание. Собрав все силы, он плюнул в лицо Макгрегора:

– Жри свои катышки, урод!

Макгрегор взвыл и обеими руками вцепился Питеру в шею. И тут что-то щелкнуло в голове Мистера Тода. Одним прыжком он преодолел расстояние, отделявшее его от Макгрегора.

Тот, застигнутый врасплох, разжал пальцы, и кролик упал на пол.

Мистер Тод вскарабкался на Макгрегора.

– Ты чего?!.. – только и успел проговорить Макгрегор. Мистер Тод вонзил зубы в твердую глотку. Хозяин взревел и инстинктивно схватил Лиса за шею. Но Мистер Тод не отпускал. В глазах все почернело, в ушах звучал голос неземного охотничьего рога, но могучие челюсти не разжимались, пока Лис не умер.

И вместе с ним умер Макгрегор.

С помощью фестонных ножниц миссис Тигги-Мигги освободила Питера. Он удивился, обнаружив, что может стоять на ногах. Но горло болело так, будто он за пять минут выкурил пачку сигарет. Стреляло в левом ухе. Когда он упал, пистолет больно врезался в ребра.

Однако еще никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо. Опустив взгляд на двух мертвецов, Питер почувствовал, как в голове рождаются торжественные слова:

– Мы всегда считали Тода коллаборационистом, а он оказался настоящей помесью. Человек отнял у нас право первородства, но при этом он доказал, что мы должны быть вместе. Лис спасает Кролика, Кот помогает Мыши, Лев отдыхает рядом с Ягненком. Тод – не первая и не последняя наша потеря. Но она окажется напрасной, если мы не продолжим борьбу. Друзья, мы должны бежать!

Когда все обитатели Поместья собрались вокруг Питера во

дворе, робея при мысли о том, что ожидает их впереди, дикий кролик вынул из кармана письмо-бомбу и со всех сил бросил в стену хлева. Капсула разбилась, и разумная силикробовая краска сама изобразила прощальное послание от Фронта Освобождения Трансгенов:

Сами садик мы посадим,
Сами будем поливать,
Человечьими костями
Будем садик удобрять.

Атака на мозг

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465: 070465/1275
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Нашествие закончилось. В нашем риск-пузыре я в безопасности, как бластула в биореакторе. Чего нельзя сказать о враге. Ему от нас досталось на орехи!

Очень жаль, что я не могу растрировать Вас лицом к лицу, увидеть, как Вы улыбаетесь этой хорошей новости. Но я зато прекрасно представляю себе Ваше мигание – Вы всегда мигаете, когда счастливы. Однако, по соображениям безопасности, мы, зиготы (так к нам, рядовым, дружески обращаются офицеры), не имеем полного доступа к метамедиуму. Все карманкомпы и вирт-контактеры изъяты – с большинством из нас это случилось впервые в жизни. Я чувствую себя совершенно голым! Мы вынуждены пользоваться только этой допотопной линией «Телепорт боновокс». Вероятно, такая строгая мера понадобилась для того, чтобы к нам или от нас не могли пробираться системные вирусы или трояны-шпики. Кроме того, все эти передающие устройства, одним из которых я сейчас пользуюсь, имеют микросхему с искусственным интеллектом КТ-1, автоматически вырезающим из послания любую секретную информацию. Вот, например, я попытаюсь сообщить, что мы дислоцируемся чуть севернее УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, или что командует нами УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, а машина ничего такого не пропустит.

Впрочем, это неплохое устройство, почту доставляет мгновенно, даром что между нами УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ часовых поясов.

Нашей миссии сопутствует успех, и это самое главное. Который раз МВФ успел вмешаться как раз вовремя, чтобы предотвратить катастрофу. Со временем я расскажу Вам об этой операции подробнее. А сейчас меня зовет моя лучшая однополчанка Пингвиниха. Похоже, нам предстоит с помощью колонии симоргов разработать и изготовить несколько новых экспертных модулей – по словам начальства, они были нужны позарез еще вчера.

Ваш любимый гость-сын УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465/1610
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Какой скандал-мандал! На пути у наших спецов и командиров встала бригада ноев из Глобального экологического фонда, они хотят определить степень загрязнения океана и атмосферы в результате последней Короткой войны, и мы с Пингвинихой во время планового простоя не покладая рук гнули молекулы! Слава Богу, среди ноев нашлась добрая душа, Ксули Бет Воллбрахт, она с нами поделилась рекреационными тропами. Но в конце концов нас оставили в покое, и поскольку Пингвиниха захотела ненадолго уйти в оффлайн, я решил этим воспользоваться и отправить Вам весточку.

Я знаю, мы с Вами расходимся во мнениях насчет политики МВФ. Более того, иногда я от Вас слышал высказывания, более подходящие какому-нибудь ретрограду или гринпису. Помню, как вы сказали: «Никогда не проголосую за совет директоров Всемирного банка!» Но всем нам приходится голосовать за политиков. И где бы мы ни жили, в больших полипаксах вроде САС и ЕЭС или в городках вроде нашего Мак-Мердо, – если МВФ делает что-нибудь такое, что нам не по вкусу, то мы вынуждены с этим мириться. Вспомнить хотя бы подавление беспорядков в бывшем Йонгбьоне – это событие еще назвали «Пхеньянским ганг-бангом» – и то, как войска МВФ справились (или не справились) с укрывшимися на Азорских островах ренегатами-кримами и беглыми помесями. Атлантика от этого удара быстрее оправится, чем репутация войск МВФ!

Но все эти досадные ошибки были допущены до того, как я встал в их ряды. Если помните, эта перемена в моей судьбе случилась вскоре после большой чистки командного состава. В моем подразделении «вычистили» всех офицеров. В результате обер-ефрейтор Озал получил офицерские звезды и носит их по сей день. Вам бы, наверное, понравился Озал, умный и симпатичный штепсель. Мы его прозвали стрит-бит-гаметой – и это, пожалуй, сомнительный комплимент для солдата, – но Озал не обиделся. Его главный филофикс – музыка. Как выпадет свободная минутка, обязательно потратит ее на прослушивание каввали – в основном через наушники, потому что никто из нас не в восторге от завываний ходжи Аллахакбара.

Короче говоря, я не считаю себя причастным к прежней мудистике МВФ (простите за лексикон), и с тех пор, как я подписал контракт, ничто не заставило меня пожалеть о сделанном выборе.

А сейчас я вынужден закругляться. Одному из моих товарищей срочно понадобился вокс-передатчик. Но я скоро пришлю новую весточку о себе.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070465/1018
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, извините за вынужденную задержку. Как только мой приятель отправил вокс-сообщение, ему пришлось получать входящую почту. «Обожающая тебя Хуана» сказала «Hasta luego» [12], причем в самом резком тоне.

Похоже, пока моего однополчанина не было дома, его розетка примкнула к антивоенному движению и теперь не желает иметь ничего общего с нами, «кровавыми убийцами-империалистами». Чтобы его успокоить, понадобилось много тропов и уговоров.

Все-таки, мама, не могу я понять этих демонстрантов-протестантов. Хоть бы узнали они, что тут творится! Тогда бы поняли: мы просто делаем то, что необходимо сделать. Я горжусь, по-настоящему горжусь этой операцией, своим первым серьезным делом. Мы одолели противника быстрее, чем рибозим раскалывает молекулу РНК. Вероятно, вы ничего не знаете об этом – метамедийные репортажи чересчур скупы на подробности. Попробую рассказать – авось машина что-нибудь да пропустит.

МВФ объявил ультиматум, требуя безоговорочной капитуляции, дав срок на обдумывание – до 23.00 второго числа сего месяца. А в 24.00 началась операция – ответ от противника к этому времени так и не пришел. Сначала атаковали ультратеактивные бомбардировщики, почти все – с киберпилотами на борту, но несколькими машинами управляли надевшие комп-перчатки люди с МГД-генераторных подводных лодок. С этих самолетов на врага посыпались противопехотные мошки, бризантные кроты, бункерные термиты, бомбы с газом-деморализатором, вирт-привидения, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Противник ответил самонаводящимися кротоловками, вакуумными мухобойками, прыгающими антитермитными минами, боевым парфюмом, непроходимым для вирт-привидений

фрактальным терновником, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, но все это – устаревшие образцы, не чета нашему оружию.

Не успела остыть после бомбежки земля, как МВФ высадил десант. Трансгенная пехота слаженно атаковала неприятельские позиции. При этом отличились наши Росомахи, а также УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Едва десантно-штурмовой штаб-компьютер сообщил об успешном выполнении поставленной трансгенам задачи, на зачистку двинулись мы – единственный отряд пятидесятипроцентников во всей нашей группировке.

Вскоре вражеский искусственный мозг покончил с собой, и это означало, что последняя Короткая война сделалась достоянием истории.

Я расскажу Вам, мама, что мы обнаружили на освобожденной территории. Все слухи, бродившие перед штурмом, подтвердились. Увидели бы Вы то, что предстало нашим глазам – точно бы получили метастазис клеток.

Эти безумцы накопили целый арсенал боевых аэрозольных нейротропов, собираясь распылить их над своими ближайшими соседями. А после – над всеми, кто окажется у них на пути. Планы, разумеется, в корне противоречили минским конвенциям, под которыми подписывались эти гномические весельчаки, а значит, остановить их было необходимо.

Вряд ли ближайшие дни будут приятными для нас. Хотя мы только держим в узде гражданское население, а демонтажем оружейных фабрик занимаются спецы из мегакорпораций – «Текстрона», «Рейн-Дэу», «Тойобо», «Сиба-Кобе», «Имбары». Когда все кончится, я, может быть, получу отпуск. Надеюсь провести его с Вами, с папой и мамой-2, а также с папой-2 и мамой-3.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/0325
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, у нас только что отменили режим напряженной готовности. Похоже, еще действуют автономные вражеские недобитки. Большинство из нас спали, когда наушники разразились сигналами тревоги. Никогда бы не подумал, что слова «прорыв периметра» могут звучать так страшно. Каждый из нас облачился в миллипоровый скафандр фирмы «Аффимакс» – молясь, чтобы нас не накачали чем-нибудь контрметаболическим. Но прежде чем мы успели активировать суперкинетики и

декомпозиторы, поступила команда «отбой». Жестянки и трансгены обошлись собственными силами. Оказалось, мы были атакованы горсткой партизан из отряда «Горилла». При осмотре трупов ничего необычного не было замечено – кроме разве что одного. В телах этих трансгенов находились УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, рядом с их УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. Однако контейнеры оказались пусты – возможно, нападавшие успели что-то распылить, прежде чем их поджарили.

Начальство объяснило нам: это «что-то» может подействовать не сразу.

Сейчас мы все лежим на госпитальных койках, нами занимаются врачи и санитары: проверяют, не закралось ли в ткани, гормоны, вирт-тромбоциты что-нибудь несоматическое. Вот я и решил воспользоваться передышкой, отправить Вам письмецо.

Не волнуйтесь за меня.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/0800
Статус передачи: ОК.

Дорогая!

Не знаю как обращаться к. Такое, будто пропало. Себя чувствую плохо. Очень плохо. Кажется странным – и близким, и далеким. Потому что нарушилось в. Надеюсь поправиться. Изучили, нашли и создают. Обнадеживает.

Но частично утрачена. Прямо берет. Через на смотреть, из стрелять? Уже не говоря о, как обходиться без.

Не надо плакать, пожалуйста. Не знаю, когда свяжусь с в следующий. Не могу передвигаться, слишком ослаб.

Но надеюсь, что у меня еще будет сообщить о себе. Ваш любящий УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1200
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, ура!

Я рад, что эти четыре часа наконец прошли! Наверное, Вы

плохо поняли мое последнее сообщение. Это потому, что я не мог употреблять существительные. Дело в том, что все наше подразделение, до единого бойца, подверглось селективной афазии, в знании языка как бы появились белые пятна.

Похоже, враги приходили не просто так – они применили новейшее оружие. Спецы его прозвали мультивекторным рекомбинантным силикробом, это похоже на нашего УДАЛЕНО. ЦЕНЗУРОЙ, только на несколько порядков сложнее. Очевидно, Гориллы распылили безвредные порознь компоненты, достаточно мелкие, чтобы проникать через миллипоровую ткань. Но, пробравшись в наши организмы, разрозненные частицы, обладающие интеллектом, соединились в более крупные агенты, каковые двинулись прямиком в мозги. Через наушники вдруг прошло бессмысленное сообщение – это было первым признаком того, что в нас залезло нечто чужеродное. Текст очень напоминает мое последнее письмо – набор глаголов и прилагательных, с трудом поддающийся дешифровке. Когда я решил обсудить это с моей койкоподругой Пингвинихой и повернулся к ней (я Вам о Пингвинихе еще почти ничего не рассказывал – она традиционалистка, меньше 20 процентов телесновшеств, Вы с ней обязательно подружитесь, если будет возможность), – обнаружилось, что такая же ерунда творится и с нашей речью! Стоит ли говорить, что это «несварение мозга» доставило бы нам уйму хлопот, если бы мы не успели к этому времени одолеть противника. Впрочем, у нас ведь есть жестянки и трансгены, довольно устойчивые против такого оружия, они бы нас защитили. Хотя – им ведь нужны командиры…

Впрочем, афазия ненадолго задержала наших лихих биобрухо. Вскоре они сварганили мегаблокировщика из усовершенствованных микроглиальных и каталитических антител, а также из УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, который вычистил из наших мозгов заразу быстрее, чем за миллисекунду.

Все же спецы нас предупредили: есть крошечная вероятность, что микроагенты просто мутировали в соответствии с замыслом противника. Сейчас эта бага обсуждается на вирткнференции, в ней участвуют головастики всего мира, в том числе нобелист этого года, спец по генинженерии доктор Сакс, тот самый, который изобрел нейротропины.

Так что, мама, не беспокойтесь, о нас прекрасно заботятся!

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.

Дата/час: 070565/1391
Статус передачи: ОК.

Другая муть-козявка!

Хохочу сказать вам пору слав о себе. Надежды на изготовленный нашими рвачами антивирус явно не сбились. Опять между нами языковый карьер, только теперь проблема не в существительных, а в нахождении слав для тучного ворожения мюслей. Это мочительный процесс, аж черепашка раскалывается. Нужное слово так и норовит уд рать и стряпаться, и мне иногда не остается ничего другого, как заманить его схожим по звучанию. Спицы велят не панировать и запустись терпением, они уварены, что сумеют нам помочь.

Ваш любящий сон-гвоздь УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1450
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Слава Богу, отпустило. Похоже, вражеская инфекция всегда на шаг опережает нашу вакцину. Остается только надеяться, что бага не вклеила ничего необратимого в наши гены. Сейчас мы чувствуем себя вполне нормально, а массовые галлюцинации – пустяк. Это даже приятно. Несколько минут назад я слышал, как Вы обращались ко мне, вот только голоса настоящих командиров из наушников мешают. Я заметил, как обер-ефрейтор Озал громкость своей музыки поднял до одиннадцати. Обещаю и дальше держать Вас в курсе событий. Надеюсь, с нами все будет в порядке.

Ваш любящий сын-гость УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1550
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка! Все наше подразделение сидело на прямоугольной платформе, установленной на четыре столба, и ждало приказа запустить зубы в долгожданную пищу – розовые длинчики с красными прожилками, кремовые полушарики-

недожарики с аппетитной корочкой и квадратиком тающей желтой намазки, оранжевые тубы-подпоилки с нарко-колой, – как вдруг…

Похоже, забравшаяся к нам в мозги пакость организовала общую визуальную агнозию. На что ни взглянешь – все кажется незнакомым. При виде самых обыкновенных вещей в мозгу не срабатывают эмоциональные или интеллектуальные связи. Все кажется скоплением базовых форм, геометрических фигур, из которых ничего целостного построить нельзя, и в результате – полная дезориентация.

Так нам объяснили спецы из цифреальности. Сами-то мы просто не смогли бы понять, что происходит неладное.

К примеру, я гляжу на Пингвиниху – если это Пингвиниха – и вижу удлиненный тороид с неровной поверхностью, увенчанный разной длины волокнами. Наверное, и она, глядя на меня, видит нечто в этом же роде.

Нелегко вызвать в себе симпатию к тороиду, но мы изо всех сил стараемся, утешаем друг друга. Обер-ефрейтор Озал держится просто фантастически. Этот овоид с семью отверстиями по экватору настолько хладнокровен, что в нем можно хранить жидкий азот. Кажется, он черпает сверхчеловеческую силу и спокойствие из раскатов каввали – наушники превратились в раковинообразные наросты на «макушке» овоида. Не знаю, что бы мы делали без него.

Боюсь, микроскопическую багу не так просто уничтожить, как предполагалось вначале.

Сейчас я искривляю ротовую щель и мясистый красный орган вкуса, а плоская серая коробочка, преобразующая и передающая мои фонемы, позаботится о том, чтобы вы получили это сообщение.

Мама, сохраняйте Ваш гомеостаз на рекомендованном уровне! В июле на Мак-Мердо не так уж и плохо.

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/1829
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Агнозия прошла сама по себе. На смену ей явился неострый нейродифицит. Когда переключаешь наушники на поп-режим, из них несется какая-то дребедень. Ну, это не беда, мы тут даже

каламбурим, что амузыя нам по барабану. Только беднягу Озала жалко – не выдержал потери, застрелился.

Ваш любящий гость-сын, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/2105
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка, я еще не отправлял это сообщение?

Пингвиниха, подожди!

Кажется, мы заболели КГА, или кратковременной глобальной амнезией. Во всяком случае, мы надеемся, что она кратковременная. По словам спецов, симптомы те же, что и при повреждении нижних частей височных долей; то есть лепилы на этот раз знают, где искать багу, и надеются прихлопнуть ее специально выведенным багохлопом. Я еще не говорил, что мы больны КГА? Вот незадача – память отказывается принимать на хранение новую информацию. Может быть, я уже посылал Вам об этом сообщение… Не беспокойтесь, долговременная память не пострадала. Я помню, как прекрасно относились ко мне Вы и остальные мамы и папы. Надеюсь, я не забуду Вас.

Пингвиниха, подожди!

Я еще не отправлял это сообщение?

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070565/0105
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Похоже, КГА проходит. Нам приказано поспать, если сможем.

Все обрадовались этому распоряжению, но когда начали задремывать, пошли чудовищной силы миоклонические спазмы. С вами ведь бывает такое – когда засыпаете, то неожиданно вздрагиваете всем телом? Ну а нас так дергало, что едва с койки не сбрасывало.

Сейчас санитары раздают снотворное. Обещают, что к рассвету эта проклятая бага наконец сдохнет.

Спокойной ночи! Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070665/0800
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

От моего подразделения осталась половина. Виной тому – синдром сладкой кончины, тайско-филиппинско-кампучийская тенденция умирать во сне.

К сожалению, снотворное повлияло на боевой дух, и спавшим расхотелось просыпаться.

Не знаю, почему я вам об этом рассказываю, так что простите за болтливость. В списке потерь – Пингвиниха. Я даже буду рад, если вернется амнезия, – очень уж мне тяжело.

Попросил нашего нового командира переслать Вам через метамедиум адоб – мы с Пингвинихой вдвоем.

Просто на тот случай, если я не смогу вернуться домой.

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070765/1200
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как недуг напоминал о себе в последний раз. Спецы уже успокоились, обещают скоро нас выписать. С нами виртуально находится доктор Сакс, у него на крайний случай припасен экспериментальный троп, по действию близкий к УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, – его пустят в ход, если опять что-нибудь не сладится.

Пожелайте мне удачи и скрестите пальцы (сращенные и все прочие)!

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 01-4591П
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 070865/0300
Статус передачи: ОК.

Дорогая мать-хозяйка!

Нам всем сделали уколы олдисина, нового тропа от доктора Сакса, несмотря на высокую вероятность летального исхода.

Но другого выхода не было. Ведь мы все телесно ослепли.

Вы, наверное, сейчас спрашиваете: «Что такое телесная слепота?»

Это абсолютная потеря проприоцепции, сложной связи мозга с мускулами и нервами, кожей и костями, позволяющая нам судить (в основном подсознательно), что делает наше тело в данный момент.

А теперь мы изолированы в своих головах, словно кукловод, у которого запутались идущие к куклам нити, или словно телефактор-оператор, утративший сенсорный контакт со своей аппаратурой. И при этом мы можем шевелить конечностями. Это вовсе не паралич. Мы всего лишь (всего лишь!) не способны контролировать ни одну свою клетку. В таких условиях управлять своим телом ничуть не проще, чем чужим. Грустно смотреть, как мои друзья-товарищи не держатся на ногах, как промахиваются мимо стульев, не могут отправить пищу в рот, добраться до утилизатора отходов.

Но, вероятно, ко всему можно привыкнуть. И спецы уверены, что олдисин не допустит новых нейродефицитов.

Положа руку на сердце, я даже рад, что Пингвиниха не испытывает этих мук. Раньше я не успел Вам рассказать – прежде, на гражданке, она была танцовщицей.

Наконец из Брюсселя поступил приказ на вывод нашего подразделения. Ходят разговоры, что если телесная слепота окажется неизлечимой, всем нам попробуют вживить микросхемы-стабилизаторы и наносенсоры для симуляции нормальной проприоцепции. До чего только не додумаются эти лепилы, правда, мама?

Ваш любящий сын-гость, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Адресант: мобильный узел МВФ,
сист. 02-999Z.
Адресат: Биосфера Мак-Мердо.
Дата/час: 071065/2400
Статус передачи: СОЛНЕЧНЫЙ ШУМ. ПОМЕХИ (*) = –10%

Доро**я Ма*ь-хозяйка!

Как вы, наверное, уже до***ались по задержке этого вокса, у нас изменился маршрут.

Нас переводят в УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ, там б***т обеспечен надлежащий медиц****** уход. Оказалось, все, кто остался жив в

нашем подразд******, страдают дегенеративным нейрофибриллярным переплетением белковых молекул, вроде того, что наблюдалось у пораженных ныне почти исчезнувшей болез**** Альц*******. УДАЛЕНО Ц****РОЙ – это что-то вроде санатория, с персоналом из людей и кибов. По словам лепил, средний срок пребывания в УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ – *** месяцев, но мы там можем задержаться и на **** лет. О, бешеные гены! За это время Вы, мама, наверняка усп**** перейти в другое симбионт-семейство! Впрочем, так далеко в будущее я не заглядываю – у нашего *****зделения очень ****** прогноз. Связь работает неважно, поэтому на всякий с****й повторю: у нас **** шансов выздороветь.

К сожалению, некоторое время я не смогу принимать входящих вокс-сообщений и отправлять вам свои. Впрочем, не беда – я сейчас плохо воспринимаю информацию. Почти ничего не соображаю. Но начальство обещает в с***** времени полн***** восстановить метамедиумный контакт.

Так что не надо вол********. Вы сможете в любой момент связаться с Брюсселем и узнать новости о Вашем мальчике, УДАЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ.

Уличная жизнь

Хозяин Коуни – Поэт Виртуальности. Причем один из лучших. Тягаться с ним по части философской глубины, яркости образов и блеска композиции могут только Планксти и Бинго-Бантам, да и то редко. Об этом хозяин частенько рассказывал Коуни, особенно под воздействием какого-нибудь тропа вроде «самомнина» или «эго-пучина», вызывавших у него желание читать вслух отзывы прессы о его персоне, а также мелодраматически расправлять громадные складки бархатистой кожи, свисавшей, точно крылья летучей мыши, из-под мышек.

– «Последний мозговоротный опус Хопкрофта – это настоящий клеточный парализатор! „Визит на Грибную Планету“ открывается сценой, в которой тенниелова Гусеница, курильщица кальяна, встречает перципиента клубом ароматного дыма. Вот развеивается бурый чад, и перец обнаруживает, что перенесся на Грибную Планету! Представители туземных форм жизни торопливо отращивают нити, чтобы опутать ими путешественника. Но тот, к счастью, обладает свободой управления конструктом, превышающей стандартные десять процентов, и это – благодаря поистине креативному использованию умной среды от фирмы „КоСенСис“. Поэт широко применяет роскошные текстуры и богатейшую палитру ложнокрасок собственного изготовления, благодаря чему достигаются прямо-таки синопсодробительные ощущения, особенно если вы, как этот счастливчик-перец, одновременно используете сопроцессор „селлсмарц“. Созданием этого конструкта Хопкрофт выполнил все свои недавние обещания, и теперь не может быть никаких сомнений: поэт достоин своей когорты!»

А далее, швырнув гибкий экран через всю комнату в угол (где его вскоре подбирал аккуратный киберуборщик от фирмы «Браун»), хозяин Коуни расправлял перепонки во всю ширь и восклицал:

– Поэт достоин своей когорты! Коуни, ты слышал?

– Да, полноправ Хопкрофт, я слышал.

– Хорошо сказано! Но это не просто высокие слова, это еще и правдивые слова. В нашем поэтическом цеху я – самый совершенный. И это сомнению не подлежит, верно, Коуни?

– Не подлежит, хозяин. Все так, как сказал полноправ критик.

Обычно после этого – особенно если троп успевал выдохнуться – хозяин падал в сверхудобное кресло «приласкай чресла» (ни разу не расстроился настолько, чтобы шлепнуться на

пол), закутывал голову в складки кожи и плакал.

– Но какой мне с этого прок, а, Коуни? Наше варварское общество не уважает поэтов, не удостаивает их материальным или моральным вознаграждением. С нами никогда не обращались и не будут обращаться, как должно. У меня абсолютный вкус, и таких, как я, единицы. Мои друзья-сограждане в массе своей мещане, приземленный и примитивный народ. Их идеал поэзии – «Секси-сиуксы»! Ответь, Коуни, как с этим может мириться столь тонкая натура, как я? О, до чего же трудна моя жизнь – уж куда потруднее, чем ты, глупый трансген, можешь себе вообразить. Денег хватает только на оплату доступа к цифреальности! А ведь мое искусство суеты не терпит, вот и приходится то и дело строить из себя вирт-жиголо!

Коуни уже давно зарубил на носу: в такие минуты хозяина перебивать нельзя. И трансген со свойственной его народу терпеливостью ждал, когда слезливый поэт закончит представление.

– Да, – продолжал свой монолог хозяин Коуни, – я, РАМ-бо своей когорты, чтобы сводить концы с концами, лезу в Мешок и встречаюсь со старыми нимфоманками, которым не терпится похвастать перед своими выжившими из ума подружками телепоревом с очередным таренто, чье великое искусство они даже не в состоянии постичь!

В этом месте трансген мог позволить себе комментарий, в надежде, что это поднимет самооценку хозяина, а самого Коуни избавит от «рывка за ошейник»:

– Полноправ Хопкрофт делает только то, что он обязан делать для совершенствования своего искусства.

Если бы хозяин находился в этот момент под воздействием такого тропа, как «селявин», он бы с экстравагантным вздохом согласился. В ином случае мог последовать страшный нервный припадок с воплями «Знай свой шесток, ничтожество!» и «Не твоего ума дело, паршивая помесь!»

Нынешним же погожим июньским вечером (стохастический прогноз исключал дождь), к большому облегчению Коуни, его реплика дала желаемый результат. Сцена, давным-давно ставшая привычной, разыгрывалась по благоприятному для него варианту.

– Ты прав, маленький Дэу-Думбинни, каждый из нас выполняет свой долг. Искусство требует жертв – и не только человеческих.

Из последней фразы Коуни ничегошеньки не понял, но все равно согласно закивал. Хозяин Коуни встал и произнес:

– Мой верный Коуни, я хочу, чтобы в жертвоприношении поучаствовал и ты, обеспечив максимальную результативность

сего неприятного виртуального свидания. Вот это – новый троп, называется он «О-о-оргазм!!!». Это подарок моего поклонника, чуткого юного штепселя, работающего в фирме «Ксомаграф». Промышленное производство тропа еще не начато, но поклонник гарантировал, что моя клиентка получит незабываемые ощущения и с радостью увеличит мой гонорар. Я рассчитываю на тебя, мой друг. Доставь препарат ей, сроку тебе – час. Зовут ее Франсес Фокс, вот ее адрес.

Хозяин вручил Коуни липучку-ползучку и силикробовую карточку-коммуникатор. На карточке появился адрес – доставить посылку надо на другой, западный, конец города. Коуни тщательно занес в память задание, проложил на ментальной карте маршрут и наконец сказал:

– Это очень далеко. Можно, я поеду на поезде?

– Не говори глупостей. Поезд – удовольствие недешевое. Ради чего вся затея? Чтобы зарабатывать экю, а не тратить. Да к тому же магнитолевитационный транспорт небезопасен для трансгенов – по трубовагонам повадились шастать Трансгеноциды со своими ужасными бритвами. Нет, дружок, изволь прогуляться. Ничего, ты у нас быстроногий, если заводская реклама не врет. Успеешь добраться, прежде чем мы с полноправом Фокс залезем в Мешок.

– Но ведь сейчас ночь!

– Ну и что?

– Чтобы успеть в данный вами срок, мне придется пересечь Софт-сектор. В темноте.

Представив себе это путешествие, Коуни покрылся мурашками. Но его хозяин, очевидно, похожих соматических неудобств не испытывал.

– Вынуждаешь меня повторять: ну и что? Успокойся, на тебя никто не обратит внимания. Ты ведь невелик и незначителен.

В этом-то и проблема.

Но хозяину не было дела до тревог Коуни:

– Ты преувеличиваешь, чтобы выманить уступку или поощрение. Так и быть, получишь награду: по выполнении этого пустякового задания я тебе прочту свой сонет. Причаститься красоты и величия «Танца холодных лун» – великая честь для невежественной помеси.

– Благодарю вас, полноправ. Я бы предпочел небольшой доппаек. Но готов от всего отказаться, только бы не идти. Может быть, вы сами…

– Что-о! – заревел хозяин. – Покинуть надежный вундеркаммер и открыть свое драгоценное тело всем опасностям гигантской физической биосферы? Ах ты, дерзкий трансген, да как тебе такое могло прийти в голову?! – И рука хозяина грозно

двинулась к набедренной клавиатуре.

– Наберите правильный код. Наберите правильный код. Наберите правильный код, – повторяла несообразительная дверь, когда перепуганный Коуни невпопад стучал по кнопкам замка.

Не так давно муниципалитет ввел систему «Светлячок» – на замену устаревшей осветительной технике с солнечным питанием. По ночам возле каждого здания висели маленькие рои силикробовых баг, каждая из которых состояла из множества силикробов, – чтобы загореться, дождавшись прохожего. Такой фонарь светил в радиусе двух метров. Эти светлячки, держась над головой прохожего, провожали его и затем возвращались на свой пост.

И Коуни, запасясь собственным нимбом, менявшим интенсивность свечения, когда взаимодействовал со светлячками других граждан и помесей, пошел в Вест-Энд.

На первом этапе своего путешествия Коуни особых страхов не испытывал. В этом районе за порядком следили сторожевые Приматы от «Парк-Дэвис» и дружинники от «Шеринг-Плау», поэтому он считался спокойным. В этом скоплении магазинов, жилых домов и автофабрик он себя чувствовал вполне комфортно, несколько раз Коуни побывал с курьерскими поручениями в Вест-Энде и знал: там тоже безопасно.

Но между родным районом и Вест-Эндом лежала дикая территория. Вот ее-то он и боялся.

Софт-сектор!

Чтобы справиться с чувствами, Коуни повторял выученную в «Дэу» стимулмантру:

– Напряжение, страх, беспокойство – исчезли. Напряжение, страх, беспокойство – исчезли…

Первым откликнулся гипоталамус, затем отреагировала центральная нервная система, замедлилось сердцебиение, уменьшилось потовыделение. Успокаивающие нейропептиды прочистили мозг. Приободрясь, Коуни сунул руку в брюшной карман, нащупал карточку с адресом полноправы Фокс. Может, на этот раз сознание, не затуманенное страхом, позволит найти менее опасный путь к цели?

Напрасная надежда – только один маршрут позволяет доставить вовремя дозу тропа. Идти придется через проклятый эпицентр уличной жизни.

Он снова поместил карточку под кожу, рядом с важнейшей липучкой-ползучкой, и прибавил шагу. На углу Девятой артерии и Оранжевого капилляра, возле тропо-бара, чьи силикробовые иконки (синаптические узлы – обмениваются молекулами) полыхали зеленым и фиолетовым, тусовался всякий сброд. Из

неспешно плавающих в воздухе силикробовых динамиков лилась психопьянящая музыка. В толпе преобладали Черепусики и Пирожки-Головушки; хватало и Кротов.

– Глядите-ка! Да это же маленькая помесь! – вскричал один из них.

– Задержись-ка, дружок, закинься «крутейшим чудом», – предложил другой.

– Ага, почувствуешь себя так, будто родился чистогеном!

– Да, полноправ трансген, не отказывайтесь!

Коуни прекрасно знал: с этими типами лучше не связываться. Они не такие плохие, как Трансгеноциды с бритвами, но, уж всяко, и не хорошие. Самое меньшее – собьют фабричные настройки, и тогда он не сможет выполнять свои обязанности.

Он поспешил прочь, преследуемый хохотом, подколками и тихим сопением Кротов. Пройдя несколько кварталов Софт-сектора, снова разволновался. Так сосредоточенно повторял мантру, что не услышал шороха колес.

– Эй, гражданин, покупай освежающий «пепси-плюс»! Снежок отдыхает!

Коуни подпрыгнул от неожиданности и резко обернулся.

Следом за ним катила автолавка, вся во вмятинах, в разводах силикробового граффити. Автошофер – сущий жулик на вид.

– Я не гражданин, – осторожно проговорил Коуни. – Ну, извини. Как ширнусь, так биосенсоры барахлят. Но все остальное – в порядке, и товар у меня – свежачок! Возьми стаканчик – не пожалеешь.

Коуни гордо расправил плечи:

– Я настоящий среднелинейный трансген от фирмы «Дэу», пятнадцать процентов человеческих генов. Ты – всего лишь машина, киб.

– Да, твоя правда, – появился жалобный тон в голосе продавца лимонада. – Я киб, да вдобавок еще и невезучий. Если не смогу продавать напитки, не заработаю на ремонт. А чем дальше ремонт откладываешь, тем сильнее ветшаешь, тем меньше продаешь лимонада. Порочный круг.

– Такова жизнь. Я бы помог тебе, да у самого нет денег.

– Нет денег! Ты мое рабочее время потратил!

– Но ты же сам ко мне подъехал!

Чокнутая машина включила заливистую сирену:

– Караул! Обокрали! Держи вора! Рятуйте, все добропорядочные граждане! Полиция, девять-одиннадцать!

Перепугавшись, Коуни рванул со всех ног.

Через минуту за спиной стихли вопли возмущенного торговца, а впереди открылся Софт-сектор. Коуни остановился,

подождал, пока успокоится сердце.

Широкая открытая кольцевая дорога отделяла центр города от запретной зоны. По полосам проскакивали машины – только в одном направлении. По ту сторону дороги красовался Софт-сектор – пышные джунгли постоянно меняющихся, врастающих друг в друга искусственных экологии. Сотни и сотни акров пустырей. Арматурные скелеты сгнивших построек. Эти земли муниципалитет, чтобы не тратить деньги на снос отслуживших свое домов, просто отдал неподконтрольным ему, но эффективным как бульдозеры и взрывчатка биобомжам.

А также подпольным цеховикам и нелегальным хромокроильщикам – надо же им где-то производить фальшак и ставить опасные эксперименты. А также беглым помесям и одичавшим силикробовым колониям, а также странным существам автокаталитического происхождения, подобных которым не встретишь за пределами Софт-сектора.

Обычных физических барьеров, наподобие заборов или минных полей, чтобы удерживать обитателей Софт-сектора, не существовало. Зато вокруг патрулировали Макро-Фаги.

Одного из них Коуни увидел.

Макро-Фаг, студень величиной с базово-линейного слона, полз, оставляя блестящую полосу каталитического экссудата, готовый поглотить и переварить любой живой организм, который попытается сбежать из своей тюрьмы. Невдалеке продвигался другой мегамикро, еще крупнее первого.

У Коуни обмякли ноги. Он знал, что стражники запрограммированы пропускать в Софт-сектор кого угодно. Но если Коуни повезет и он преодолеет всю зону, то как переберется через границу по ту сторону?

Мало сказать, что Коуни колебался – он всерьез был готов отказаться от самоубийственной задачи. Но вспомнил о своей невидимой привязи – специальной диете – и о замкнутом на шее обруче. Где бы он ни спрятался, убийственный сигнал, посланный со спутника глобального позиционирования, все равно найдет…

Ставя дрожащую ногу на дорожное полотно, Коуни следил за потоком машин. В нужный момент метнулся, ухитрившись спровоцировать на возмущенный вопль только один «мерседес».

Благополучно достигнув границы Софт-сектора, Коуни пошел дальше и вздрогнул от неожиданности, когда вдруг его светлячки метнулись обратно – в зону действия муниципальной системы освещения.

В следующий миг, почувствовав его приближение, заголосили живущие в тротуаре силикробы:

– Внимание! Вы находитесь в черте Софт-сектора!

Проникновение на эту территорию автоматически лишило вас всех гражданских прав и привилегий. Все трансгены, обнаруженные в Софт-секторе воздушными патрулями, подвергаются дистанционному расстройству психики и отзыву на завод-изготовитель с целью уничтожения.

Коуни закрыл глаза и побежал. Макро-Фаги хлюпали и пыхтели, продвигаясь по своему кругу. От них пахло дрожжами и спермой базово-линейного человека. Бегущий вслепую Коуни задел липкий передок одного из них.

Едкое вещество обожгло кожу через мех, боль разбежалась по нервной системе. Ой-ой-ой!

Но он проскочил! Он уже в Софт-секторе!

Коуни укрылся за кустарником, съежился в тени. Отсюда было видно, как продвигается чудовище. «До чего же мне повезло!» – подумал он, переводя дух.

Но мгновение спустя в бок вцепились зубастые жвала, Коуни взвизгнул от боли, попытался вырваться.

Ему удалось лишь частично извернуться, и это стоило ряда параллельных ссадин на талии. Но зато теперь он увидел, кто его держит. Огромный, с машину, скарабей фирмы «Сквибб» – излишек военного имущества.

Старый, со сломанными усиками, с растрескавшимся хитином. На жвале блеснул снеговиковский силикробовый номер.

У боевого мортуса явно зашел ум за разум – он принял Коуни за покойника.

Лупить руками по жвалам было бесполезно – гигантский навозник был все еще могучим, хоть и ветхим. Жук, где-то потерявший ногу, хромая, понес Коуни.

Достигнув подходящего клочка голой земли, жук принялся рыть. Когда образовалась довольно глубокая яма, бросил туда свою ношу. Коуни не смел и пошевелиться – кто знает, как инвалидное нейро навозника отреагирует на движение «трупа»?

Жук споро закопал Коуни, а потом скрипуче-рычащим голосом принялся декламировать заупокойную молитву Синкретической Церкви:

– Да примет тебя Аллах в свою нирвану, геройски павший за родину товарищ…

Было довольно приятно лежать под рыхлой землей, после того как ушел снеговиковский жук. Воздуха поступало достаточно – Коуни не боялся задохнуться. В мозгу просыпались приятные наследственные воспоминания о теплых сырых норах.

Зачем вообще созданы помеси? Их жизнь – лишь бесконечные страдания, трансгены – целиком во власти человека. Не лучше ли оставаться тупой скотиной, чем получить немножко чувств и

интеллекта – ровно столько, чтобы понять, как жалок твой удел? Стоит ли удивляться, что благонадежные помеси перебегают в лагерь дикого трансгена по имени Чокнутый Кошак? Давно уже не напоминает о себе этот пламенный революционер, а жаль… Может, слух о его гибели вовсе даже и не слух? И тут в могилу Коуни проникли голоса:

– Арт, как думаешь, что тут припрятал снеговик?

– Пока не выроем, Ик, не узнаем.

Коуни вжался в стенку ямы. Была бы возможность зарыться еще глубже – он бы так и сделал.

А наверху уже отбрасывали землю.

Коуни напряг согнутые в коленях ноги, надавил плечами… И выпрямился! Разлетелись комья земли. Коуни выскочил из ямы, упал, снова оказался на ногах, пустился бегом…

В спину вонзилось что-то острое.

Мгновенно наступил паралич.

Коуни упал, точно умная бомба, сброшенная с реалета.

Он лежал на боку. В мозгу – сумятица, тело – как у мясной куклы от фирмы «Минител». Показались две пары приближающихся босых ног. Одна пара принадлежала рослому человеку, вторая – то ли ребенку, то ли карлику, и ступни едва касались земли. Чужие руки схватили и подняли Коуни.

Он увидел тех, кто его обездвижил. Большой – явно базово-линейный человек, но с придатком – длинным, гибким составным хвостом скорпиона, изогнувшимся за плечами. На кончике шипа поблескивала капля яда. Второй, маленький, имел трепещущие осиные крылья, а из копчика высовывалось жало. На обоих из одежды только липкие гульфики. Тела – в шрамах. Уличная жизнь – штука жестокая.

– Э, да нам повезло, Арт! – сказал челоос. – Отличный ужин!

Скорпион рассматривал Коуни с меньшей алчностью во взоре, чем его партнер:

– Не спеши, Ик. К нам в руки попалось неомясо с той стороны. Для него найдется другое применение. Обменяем или продадим.

– Ты что, Арт! Я же есть хочу!

– Давай отнесем тушу домой, а там решим.

– Ладно, Арт, ты – главный, будь по-твоему. Скорпион взвалил Коуни на плечо, и ядовитая парочка зашагала по хрупким останкам движдорожки.

Коуни понял, что обречен. Он так пал духом, что даже не проклинал за скаредность полноправа Хопкрофта, обрекшего верного слугу на столь бесславную смерть. Видно, пора наигрывать в уме психозащитную предсмертную фугу.

Но тут в чуткие ноздри Коуни проник запах воды – по ходу, рядом, большое водохранилище.

– Молчок! – шепотом предупредил товарища Скорпион. – Ни к чему будить Мореман.

– Ты прав, этот гребаный Мореман нам ни к…

На всех троих посыпались брызги. В следующую секунду появился тот, о ком шла речь: чешуйчатая кожа на дряблых мышцах, каблуки с крылышками, уши ластоногого.

– Для тебя – не просто гребаный Мореман, а гребаный принц Мореман, – насмешливо проговорил подводный житель.

Коуни, сброшенный на землю, ударился спиной. Скорпион упал на четвереньки, грозно изогнул хвост.

– Ик, бей его! – крикнул он, но маленький челоос не нуждался в подобных подсказках – он уже взлетел.

Да только принц Мореман не испугался дружной атаки. Уворачиваясь и отскакивая, он избежал удара ядовитым шипом и ловко поймал Скорпиона за запястье. Раздался треск наружных конденсаторов, послышался запах горелого мяса. Великан тут же вырубился, а русал, даже не оглянувшись на него, вскинул руку и поймал за лодыжку челооса, уже готового вонзить жало. Еще сильнее запахло горелым мясом, и крылатый боец тоже упал. Русал подошел к Коуни, наклонился, положил ладони ему на виски.

Ожидающий смерти Коуни чувствовал только легкую дрожь нервных окончаний.

– Ты не просто так сюда пришел, ты думаешь, что выполняешь важное задание, – примерно через полминуты сказал Мореман. – Об этом должен узнать Ящер. Пошли.

Взяв Коуни под мышку, принц Мореман побежал в глубь Софт-сектора с быстротой, какую способны развить только крылатые ноги. Уже через несколько минут он стоял, так и держа свою ношу, на освещенной холодным пламенем площадке перед грубым подиумом, собранным из деталей ломаных машин. Вокруг – уродливые твари, как гомункулусы, так и мутанты – жертвы биореактора.

А на подиуме, на импровизированном троне, сидел Ящер.

Огромный полиморф с каскадами живых чешуи на спине и конечностях, с хромированным черепом, имел необычные клешни – три толстых когтя, один против двух других, на каждой руке вместо пальцев.

– С чем пришел, Мореман? – властно пробасил всемогущий правитель Софт-сектора.

– Принес чужака. Это курьер. Он несет что-то ценное.

– Что именно?

– Не знаю, он парализован. Мои сквиды улавливают только общий поток его мыслей.

– Ну что ж, давайте разбудим нашего гостя.

Из толпы уродов вышла Медуза. Мореман отдал ей Коуни. Проведя шипастым языком по меху Коуни, она распробовала пот и сообщила:

– Яд Скорпиона. Ничего, для меня это пустяки. На ее голове зашипела одна из змей, а потом стремительно вонзила зубы в ягодицу Коуни.

Способность двигаться он обрел так же быстро, как и потерял. Сел, подобрал под себя дрожащие ноги и попробовал читать мантру, но ни единого слова не вспомнилось.

– Помесь, ты теперь можешь говорить? – проревел Ящер так страшно, что Коуни захотелось упасть в обморок.

– Да! И я все скажу.

– Что ты несешь?

– Новый троп, полноправ Ящер. Называется «О-о-оргазм!!!» Применяется для виртуального секса. В продажу еще не поступил, а больше я ничего не знаю. Клянусь своей заводской гарантией!

– Дай сюда!

– Не губите, полноправ Ящер! У меня задание…

Ящер выдвинул из ходовой поликарбоновую ногу, полез с трона.

Коуни торопливо вытащил липучку. Принц Мореман передал ее Ящеру.

– Ладно, с этим разберемся на рассвете, а завтра вечером выбросим на рынок. С меня ответная услуга, Мореман.

– Договорились. Я пойду, надо жабры промочить.

На прощание подводный житель растопырил все десять пальцев, так, что между кончиками соседних было сантиметра два. Затрещали, заискрили электрические дуги. Самые впечатлительные в толпе откликнулись на это аханьем и оханьем.

Когда русал ушел, Ящер повернулся к Коуни:

– Не бойся, маленькая помесь, я не желаю тебе зла. Хочешь, сниму ошейник? Ты сможешь жить свободным при моем дворе.

Коуни обдумал предложение. Если согласиться – больше не будет чудовищных поручений полноправа Хопкрофта. Закончится рабство, прекратятся наказания и издевательство…

И тут взгляд Коуни, скользнув по толпе, задержался на ухмыляющейся жабьей роже. Широченная пасть, а в ней – ни единого зуба…

Коуни содрогнулся:

– Нет, полноправ Ящер, спасибо. Я хочу вернуться домой.

– Ну что ж, я понимаю: наш стиль свободы – не для всех. Тебя

проводят до границы.

– Но если я не доставлю троп по назначению, хозяин меня накажет!

Ящер улыбнулся:

– Ничего, я дам кое-что взамен. Медуза! Сделай-ка мне дозу «траха-без-страха».

Через несколько минут придворная биобрухо принесла готовую липучку. Ящер жестом подозвал Коуни, тот робко приблизился.

– Держу пари на несколько часов кишащего чертями ада, что твой хозяин не заметит подмены.

Коуни неохотно взял суррогат.

– Но это не…

– Хватит разговоров! Ступай!

Два челорыса вытолкали Коуни из помещения.

Вскоре они уже стояли на краю Софт-сектора. Коуни чувствовал запах приближающихся Макро-Фагов, слышал их хлюпанье и сопение.

– Друзья-Коты, умоляю, не дайте этим чудовищам разъесть меня до костей!

Рыси захохотали:

– Что за глупости! Нас учили не делать зла тому, кому мы зла не желаем. Смотри!

Пронзительно свистнув, челорыс прокричал:

– Йа! Йа! Текели-ли!

Стражи границы вмиг замерли, лишь подрожала немного по инерции их плоть.

Челорыс шлепнул Коуни по спине:

– Беги, пока мы не передумали. Коуни побежал.

И только оказавшись очень-очень далеко от сектора, он остановился и задумался: как теперь быть? Часовой срок превышен вдвое. Но ничего другого, кроме как доставить троп по назначению, он не придумал.

Коуни без приключений нашел квартиру полноправы Фокс. Система охраны, считав данные с карточки, пропустила его. Умная дверь отворилась перед ним без пререканий. За дверью стояла хозяйка квартиры, любовно расчесывая пышный лисий хвост. А рядом с ней – полноправ Хопкрофт!

Хозяин смотрел на слугу с крайним недовольством:

– Так ты все-таки выполнил поручение, жалкий червь! После того, как мне самому пришлось сюда добираться в грязном примитивном атмосфернике! Если бы не мое глубочайшее уважение к полноправе Фокс, я бы никогда не осмелился на такое трудное путешествие! Какой же я глупец, что доверил тебе,

безмозглому чучелу, столь важное поручение! Нет, вы только посмотрите на него! Не слуга, а позор своего господина!

Коуни повернулся к зеркалу. Он был весь в могильной земле. На руке, которой он задел Макро-Фага, – кровоточащая язва. Кровь запеклась на боках и животе – следы жучиных объятий. Болела спина, напоминая о встрече со Скорпионом. Зудела распухшая ягодица, укушенная змеей Медузы.

– Да, хозяин, вы правы. Я плохо выгляжу, но это лишь потому…

– Молчать! Где троп, который я тебе дал? Коуни достал липучку-ползучку:

– Вот он. Но я думаю, вам не следует…

– Да кто ты такой, чтобы думать?! Давай сюда. Коуни вручил хозяину дозу «траха-без-страха».

– К счастью, я прихватил с собой вторую липучку. Прелестная полноправа Фокс уже приклеила ее к своей очаровательной коже. А я, стало быть, воспользуюсь этой.

Хозяин Коуни нажал помеченный на липучке выключатель и пришлепнул ее к руке. Она поползла, нашла вену и обосновалась на ней.

– Девяностосекундная задержка, моя дорогая. Вполне успеем залезть в Мешки – а встретимся уже в виртуальном раю.

Два сморщенных Мешка, в прожилках схем и шишках сквидов, лежали на мягком полу, у каждого был расстегнут верх. Хопкрофт и полноправа Фокс заползли в свои полуорганические Мешки, те самостоятельно закрылись, обволокли каждую хозяйскую конечность, проникли в каждое отверстие.

Коуни смотрел на Мешок Хопкрофта. Дождался чудовищных, совершенно неэротичных спазмов и пошел домой.

Длинным кружным путем.

А вот и не слабо!

– А мои тормознутые предки – такие уроды!

Словечко выскочило, как будто чья-то недобрая рука выдернула из меня базарофильтр. Сначала я была в шоке. А потом стало легко.

До сего дня я бы скорее завела шашни с трансгеном, чем пожаловалась на свой позор кому-нибудь кроме Сглаза. Но здесь и сейчас почему-то все казалось не таким, как раньше. Мне осточертело защищать свою родительскую симплекс-пару, особенно когда она не давала того, чего я хотела.

Мы находились в ЧАНе – конструкте, симулирующем анатомию человека. Чан применяется главным образом для обучения младшего медперсонала, ну а мы, школьники, проходим здесь практику. Наступила перемена, все мы бездельничали в селезенке. Контракт между школой и корпорацией «МикроДисней» обязывал нас ходить в фирменных личинах-образинах, отчего всех давно уже тошнило. Но троподозировщики утверждали, будто бы это для нашей же пользы. По идее, ни один избалованный мегабабками школяр не сможет в виртуалке изобразить себя лучше, чем любой из его одноклассников, каковое обстоятельство вынуждает нас сосредоточиться на учебе, а не на задирании носов друг перед другом. Да и, кроме того, дома дети любят носить любимые идентификаты наикошмарнейших монстров из ужастиков – а кому нужно, чтобы ребята и в школе вопили от страха и срывали уроки?

Так что я была в невинном образе Дэйзи Дак, Сглаз – в образе Гуфи, а прочие носили личины жеманных птичек и рыбок, гномиков и Пиноккио, белоснежек и гиппопотамов-балерин. И все было окутано вирт-суррогатом лимфоидной ткани, «важным компонентом ретикуло-эндотелиевой системы», как вещала училка-черепаха, да только кто ее слушал.

То и дело кто-нибудь протягивал конечность и ловил проплывающее красное кровяное тело и давил у себя под носом. Лопаясь, клетка испускала запашок, от которого крыша ползла, как от лучшего *самогона* или *компота*[13].

Мы, как и положено детям, наперебой хвастались своими предками, и тут я возьми да и выдай! Наверное, раньше и не понимала, до чего достало меня родительское ханжество.

Как по сигналу, подал голос мой лучший чувак Сглаз.

Я уже упоминала, что Сглаз был в образе Гуфи, но надо бы добавить: научившись щипать волокна, из которых состоял его костюм, он нарастил бесчисленное множество чернокожих яиц и

пенисов. Грустно было думать, что настоящими причиндалами ему не разжиться, пока не повзрослеет, но иметь виртуальные половые органы нее же лучше, чем не иметь никаких. И вот Сглаз спрашивает:

– Ну, Эрни, и какие же они уроды?

– А такие они уроды, – выдала я в ответ, – по сравнению с ними богд гэгээн – просто секси-сиукс!

Все над этим посмеялись, вообразив вечного бого-мальчика Великой Свободной Монголии в аксессуарах нашего любимого телетрахаля.

Когда прекратились взревывание и чириканье, заговорила Жимолость.

Я всегда терпеть не могла эту стерву. Два года назад, когда моя грудь еще даже не начала оформляться естественным образом, предки разрешили Жимолости обзавестись крутейшими буферами от «Ксомы». Чтобы мои родители позволили мне иметь любую грудь, кроме естественной – да о таком и мечтать бесполезно до двенадцатилетия, когда я получу гражданские права.

Скорее по этой причине, чем по какой-либо другой, я взорвалась и назвала своих косных родителей уродами.

Жимолость всегда была верна своему любимому образу Русалочки. Просто до идиотизма верна – теперь у большеглазой мультяшечной трансфекции такие невероятные макротитьки, что на них чашечки – морские раковины – кажутся колпачками для сосков.

И вот Жимолость заговорила, и одноклассники – включая моего чувака – жадно ловили каждое ее слово.

– Это потому что твои предки – трансвозы! – прикалывалась Жимолость.

А я только кривилась от злости. Что тут возразишь? Всем известно, что мои папаши принадлежали к трансвековым воздержанцам. У них даже было собственное часовое шоу в метамедиуме: «Будем проще – с Альвином и Кальвином Арнесонами».

Все ржут-заливаются-покатываются, а мне бы заступиться за отцов, но это ужасно трудно, поскольку совсем даже не хочется, и чувствую я себя оттого полной лицемеркой.

– Может, и правда мои предки – ретрограды и мудаки, – сказала я, – но в отличие от твоих не бориокуданы, черной дурью не торгуют!

Все долго молчали, как отмершие клетки. Мой намек на подпольное происхождение богатства напольно уважаемых предков Жимолости – это просто верх неосмотрительности. Но не

могу же я сидеть сиднем и бить фагоцитов, пока она критикует моих папок. Это я вправе их критиковать, а ей – нельзя.

Мультяшечные глазенки Жимолости превратились в злые щелочки, она на меня таращилась, как Пантерина из Сикрет Сервис на подозрительного типа, выдающего себя за директора Всемирного банка. Ну, теперь-то я точно попала в ее черный список. Пожалуй, задирать такую дрянную девчонку – это не слишком умно.

– Так-так, – проговорила она сочащимся лизоцимами голосом, – а наша уточка, оказывается, крякать умеет. Ты, наверное, думаешь, что ежели у меня такие крутые предки, то моя жизнь – это просто паучий шелк и гормон-сода. А ты хоть представляешь, каково это – каждую ночь ждать, что явятся кримоловы, или Протеиновая Полиция, или МВФ, снесут двери и всех нас шунтируют?

Пожалеть Жимолость, сидящую на губчатой массе лимфы, машущую плавниками и выпячивающую грудь, было трудно. Я даже и не пыталась.

– Зато ты получаешь все, о чем ни попросишь…

– Да какое отношение это имеет к счастью? Прикинь: вот ты тоже имеешь все, что душа пожелает. И что, всегда счастлива?

– А то!

– Ну-ну, – растянула рот в ядовитой улыбочке Жимолость. – Так о чем ты больше всего мечтаешь? Скажи нам, не стесняйся. А я позабочусь, чтобы самая буйная твоя фантазия сделалась явью.

Тут у меня из-под ног ушло поле битвы. Разговор от скромных достоинств моих родителей перешел к теме реализации самых сокровенных желаний, и перешел не по моей инициативе, и это мне совсем не понравилось. Как и то, что я вынуждена перейти к обороне.

Что я могла сказать Жимолости и всем моим друзьям? По-настоящему мне хотелось всего лишь пару скромных… ну, средней скромности буферов и, может, базово-линейные гениталии для Сглаза. Но признаться в этом я не могла – чересчур смутилась. Поэтому ляпнула первое, что на ум пришло:

– Ну, я бы не отказалась от этого… от шипа!

– И это все? – рассмеялась Жимолость. – Перед тобой такой огромный выбор – а ты просишь дурацкий шип?

Тут вмешался Сглаз, и я послала ему молчаливое «спасибо».

– А чем плох шип? Это же так пикантно. Да к тому же редкость – почти ни у кого больше нет!

Жимолость фыркнула:

– Небось и ты от шипа не отказался бы?

– Да уж, не отказался бы. Но он стоит подороже ведра мозгов.

Сама-то не носишь, небось, подойти с такой просьбой к предкам страшно…

Тут Жимолость взяла любимый тон – мол, не учи того, кто все тропы на свете перепробовал. Ее противный голос мне прямо-таки под кожу забирался, как швейбага.

– Объясняю. По мне, так шип – это просто вопиющая безвкусица, вроде блескожи. Да я бы скорей хитин согласилась носить! Но если для вас, несчастных личинок, на рогах свет клином сошелся, то будь по-вашему.

Больше ни Жимолость, ни Сглаз, ни я ничего сказать не успели. Переменка закончилась, Черепаха начала новый урок.

Но мне больше не удавалось сосредоточиться на учебе. Все шарики в моей голове крутились с удвоенной скоростью, пытаясь разгадать, какую каверзу затеяла Жимолость.

Наконец черепаха разрешила нам выйти из виртуальности, и вот я снова очнулась в Мешке, уже спрятавшем липкие ниточки-усики.

Пощекотав, я его заставила раскрыться и выбралась наружу.

Все остальные ребята тоже вылезали из Мешков, приятно было видеть знакомые лица и фигуры после столь долгого купания в микродиснеевской патоке. Большинство из них… да все, кроме меня, любимой, щеголяли разными детскими прибамбасами: хвостами, чешуей, острыми когтями, гривами, экстровенами и накладными мозгами. Только мне предки не позволили купить даже простенькую жаберную щель или шестой палец, уже не говоря о сиськах, – они, видите ли, блюдут какой-то дикий принцип «соматической целостности».

Жимолость пригладила идеальную пегую шевелюру и глянула на меня со своего насеста – уголка умнопарты – с хищным выражением страж-птицы. Мне сразу захотелось, чтобы рядом оказался Сглаз, прежде чем она скажет хоть слово, но мой друг все еще выбирался из Мешка, он у нас в классе первый тормоз. Я решила помочь.

Мешок Сглаза претерпевал какую-то нетипичную перистальтическую реакцию, и мне пришлось ласкать ганглии управления, пока он не успокоился. Вечно у Сглаза проблемы с Мешком – потому что параметры этого интерфейса не настроены на специфику моего друга-товарища.

Сглаз мне помогал, и в конце концов ему удалось выбраться наружу.

У Сглаза ниже живота ничего не было. Просто-напросто в нескольких сантиметрах от пупка заканчивалось тело. Как будто его распилил надвое очумевший фокусник.

Низ Сглаза – или брюшная часть, или как угодно назовите –

был запечатан пленкой «Иммунолоджик», прочной, как акулья кожа, и сращенной с его «родной» эпидермой. Пленка эта справлялась с отходами жизнедеятельности Сглаза, какать-писать ему не приходилось.

А ходил Сглаз на кулаках. У него могучие руки, с массивными супермиофибрильными бицепсами, с твердыми мозолями на костяшках пальцев. Передвигался он, либо бросая вперед туловище, а потом обе опоры разом, либо переваливаясь с одной руки на другую.

Таким Сглаз и родился. Его предки были космиками в третьем поколении, живя при нулевой гравитации, совершенно не нуждались в ногах. Они обратились к хромопортным, и те перекроили гены, и в результате получился мой приятель Сглаз.

Родители – асгардская *номенклатура* – отправили Сглаза на Землю, в нашу школу, – как они сказали, для прохождения высшей образовательной практики.

Но я не понимаю, каких таких выгод они для него искали, ведь сейчас практически везде легкодоступны, да и применяются вовсю, и тропо-, и виртобучение. Наверное, дело в сомнительной гейской социальной жизни – предки решили приобщить к нему отпрыска. Или космикам захотелось бабки потратить с шиком.

Когда мы со Сглазом подружились, я ему задала два вопроса.

– Почему ты не ездишь на протезлежке, как ребята-дельфинята, например?

– Потому что я не инвалид. Я совершенно нормальный. Нормальный для космика, разумеется.

Спорить я не стала, хотя только базово-линейные пережитки вроде меня понимают полууничижительный смысл слова «нормальный». Может, на Асгарде у него другое значение. Я задала второй вопрос:

– Небось у вас в колонии новеньких в баках каких-нибудь стряпают?

– Угу. Реплигеновские утробы с эндометриумом от «И-Стат» и плацентами от «Арес-Сероно».

– Но как же вы… В смысле, что вы делаете, когда…

– Как мы тремся, тебя интересует?

– Ну да!

– Это все виртуальное. Кстати, мне только это у нас и не нравится. Хочется… хочется иметь ноги и письку! Даже снится иногда, как хожу…

– Может, это обратная связь с андроморфологическим полем Земли? Его и в космосе чувствуешь, а тут оно еще сильнее. Ведь не зря говорят: «Не сбежать на волю от андроморфологического поля, потому что оно – в лобной доле».

– Может быть.

И вот я помогла Сглазу принять «сидячую» позу, а затем Жимолость бесцеремонно вывела меня из задумчивости – подошла, виляя задом и тряся дойками, остановилась в метре и заговорила. На Сглаза она не обращала внимания – разве что если хотела оскорбить.

– Долго ты еще будешь нянчиться с этим мослоходцем? Когда мы сможем закончить наше дело?

Жимолость провела экраногтем большого пальца по шву, пересекающему ее голую талию, и открыла «карман опоссума». Из него ловко извлекла и вручила мне флэш-карту.

Я мельком заметила, что по экраногтю Жимолости бежит мандельбротов видеоряд, и вдруг мне все происходящее показалось странным и нереальным, как эти фрактальные картинки.

Я нервными пальцами согнула еще теплую карточку, и на ней высветилось силикробовое сообщение:

Пещера Г-Гнома,
Площадь Багдом, 1040.
(Добираться: до Узла № 10 по Красной артерии, или движдорожкой № 7.)
Любые соматические и гномические изменения.
Удаления, вставки и инверсии.
Государственная лицензия и полная гарантия качества.

Я снова перегнула карточку, и показался логотип тотально могущего семейства Жимолости, полулегальная иконка Рэнсайферов.

Жимолость злорадно ухмыльнулась:

– Теперь вы с приятелем получите от Г-Гнома все, о чем ни попросите, включая сиськи – ты ведь давно мечтаешь о них, признайся.

Я напряглась, но в лице вроде ни один мускул не дрогнул. Понимала: весь класс смотрит и слушает.

– Нет, я хочу шип.

– И я, – присоединился ко мне верный Сглаз, хоть и чувствовалось, что он, как и я, думает совсем о другом.

– Вот ведь болваны! Спорим, вы не отличаете в себе самих эфферентное от афферентного. Ну, да черт с вами: если завтра оба явитесь в шипах, я буду вынуждена признать, что у вас есть тестостерон в тестостеронницах и эстроген в эстрогенницах.

И Жимолость повернулась к нам спиной, как будто нас более не существовало.

Училка велела вернуться к занятиям, и я не смогла перетереть тему со Сглазом.

Надо ли говорить, что остаток четырехчасового учебного дня тащился, как липучка-ползучка? В моем кармане лежал башлятник Жимолости, и я не могла сосредоточиться ни на плектике, ни на кладистике, ни на кундалини, ни на бихевиоральной прагматике. Ни даже на ленче! А ведь давали сегодня мое любимое: прожаренный крокштекс из выросшего на воле крокодила с бескалорийным мороженым «Бен и Джерри» на десерт!

Я мечтала только об одном: поскорее бы закончились уроки, и тогда мы со Сглазом наконец решим, как быть с волшебной флэш-картой. И стоит ли вообще с Жимолостью связываться.

Но вот мы свободны! По крайней мере, насколько может быть свободен одиннадцатилетний ребенок в этом обществе, которое попрание прав юного поколения ввело в систему.

Мы со Сглазом встретились под могучим сорокафутовым адамовым деревом на краю школьного двора. Два года назад, во Всемирный День Весны, мы помогали сажать это растение, оно тогда было крошечным, и с тех пор обычно встречались тут после уроков. Были бы у Сглаза ноги, он бы, наверное, сейчас рыл ими землю. А ему приходилось давать выход нервозности, ковыряя пальцем кору.

– Не знаю, как у тебя, – сказал мой верный космик, когда я подошла, – а у меня просто голова кругом. Как насчет потратить минутку-другую на сатори, нервы успокоить, с мыслями собраться?

– Классная идея! Я слышала, в кафе «Хроматин» появились новые тропы от «Арчер-Дэниэлз-Мидленд»…

– Так чего же мы ждем? Пошли!

И вот мы со Сглазом двинули, кто как мог, в кафе «Хроматин».

Вообще-то после школы нам полагалась практика. Сглаз должен был отправиться к своему мастеру в Меркосур-маркет (он учился управлять складом, чтобы потом заняться этим же на Асгарде), а меня ждали в местном отделении института Неганка, где я постигала секреты модулирования морфологических полей.

Но если мы и правда обзаведемся шипами, то неявка на рабочее место будет самым пустяковым из наших грехов.

Кафе «Хроматин» находилось совсем рядом, в полуклике от школы, так что мы не стали заморачиваться с движдорожками. Я долго пробыла в виртуальности, а после такого приятно размять мускулы. Сглазу – тоже, я это знала.

И вот мы внутри лимонадной, среди старомодных декораций,

примитивных снимков, сделанных позитрон-ным томографом, и ЯМР-спектров поглощения мозгом глюкозы, мерцающих на стареньких мониторах с низким разрешением.

– Два «Дзесю-джуса», – сказала я кибармену, стоявшему за стойкой, и показала флэш-карту Жимолости. Хоть за напитки стервоза заплатит, на худой конец.

– А мне – «Потальский пунш», – выбрал Сглаз.

– Заказ – два «Дзесю-джуса» и один «Потальский пунш», – подытожил киб.

– Нет. По одному каждому.

– Заказ – один «Дзесю-джус» и один «Потальский пунш».

– Шевели железными трусами!

– Это подтверждение заказа?

– Протри микрухи в соображалке!

Секунд десять кибармен напрягал свою эвристику, а затем принялся готовить нам выпивку.

– Хочешь, у пруда посидим? – спросил Сглаз, когда заказ был готов.

– А то!

Я взяла напитки. Мы нашли пустую скамью на травянистом бережку декоративного прудка. Среди водорослей копались две-три базово-линейные утки, что напомнило о моем первобытном идентификате и о сексово-современном – Жимолости.

Я плюхнулась на сиалоновое сиденье, а Сглаз с помощью могучих рук уместил туловище рядом со мной. Теперь наши головы были почти вровень – несложно забыть об отсутствии у него ног.

Мы звякнули стаканами, и я начала медитатост:

– Да обретет разум покой…

– …За САС-доллар девяносто девять! – закончил Сглаз.

Мы выпили до дна и стали ждать результата.

Тропы были оригинальные – близкие по составу к веществу, которое вырабатывает мозг медитирующего монаха. Сглаз выпил нечто на основе вытяжки из тыквы самого далай-ламы. Через минуту-другую мир сделался мерцающе прозрачным, и я законтачила со вселенной.

Ничто не имеет значения, но все учтено – потрясающее состояние. И все проблемы – как рукой сняло.

Глядя на совершенный круг пруда, я увидела, как посередке возникла рябь, а затем вода раздалась и выпу-стила плавник аэрорыбы, совершавшей метаморфозу, чтобы вступить во вторую половину жизни. Мы только что проходили на уроке эти помеси, и теперь сведения стройными рядами прошли через мою память.

Наполнив плавательный пузырь водородом, полученным из

воды, и обновив свою физиологию, аэрорыба получила возможность жить в атмосфере. Несколько месяцев она будет питаться витающими микроорганизмами, спорами и пыльцой, при этом всасывая разреженный озон и накапливая его в другом пузыре. Этот пузырь будет все время раздуваться и наконец лопнет, когда рыба окажется на высоте пятнадцати километров, на нижней поверхности озонового слоя, и реактивные молекулы разлетятся там, где они смогут принести только пользу.

Очень даже не слабо придумано. Не понимаю ребят, которые с лазиками охотятся на озонососок, чтобы только полюбоваться водородными микровзрывами.

– Аэрорыба рождается, взрослеет, делает свое дело и умирает, – глубокомысленнейше изрек Сглаз.

Если б я не залила мозги сатори-тропом, мне бы слова Сглаза показались не слишком умными или даже ультрапримитивными. Но сейчас они как будто инкапсулировали всю нашу ситуацию в ореховую скорлупу.

– Мы – те же рыбы, – ответила я. – Но и больше, чем рыбы.

– Девочка, твой ум ярок, как солнечная вспышка мощностью икс-три!

Вот тут-то я и поняла, что люблю Сглаза и хочу быть с ним всегда.

И в этот самый момент, словно в подтверждение моему открытию, подошла другая парочка и уселась рядом с нами на скамью.

Женщина носила плоть от «Системикс», соматип Великая Мать, с двумя вертикальными рядами маленьких грудей, с бедрами, широкими, как водохранилище за плотиной на Хуанхэ. Из одежды на ней была только травяная юбка.

Силикробовый ярлык мне подсказал, что ее спутник – продукция «Селпро». Ну и круть! Ястребоглавый Гор с благородным оперением на плечах.

Мы со Сглазом несколько минут таращились на вновь прибывших в немом восторге. В разгаре нашего тропового улета парочка смахивала на ангелов, сошедших с небес. Даже после того, как с наших глаз спала пелена, эти двое смотрелись мегакозырно, хоть и мало смахивали на людей.

Взрослые, не обращая на нас внимания, залпом выпили напитки. Острый птичий язык Гора был сексовым на все сто! Они, наверное, вмазали какие-то афродразниаки, потому что тут же принялись увлеченно мацаться. Горова набедренная повязка мигом превратилась в ширмочку, и на меня накатила жуткая зависть пополам с печалью.

– Сглаз, – иррационально взмолилась я, – давай мы на

карточку Жимолости купим себе прибамбасы, о которых всегда мечтали. А потом вместе – куда глаза глядят!

Сглаз взял меня за руку.

– Эрни, подумай хорошенько. Ноги мне приделать – не такая простая задача. На много дней придется лечь. А потом? Даже если в частной тачке выберемся из города, все равно останется след, по которому нас даже маразматичная Ищейка найдет. У Жимолости все простагландины с мочой выйдут, если мы стибрим карточку. Это во-первых. Во-вторых, наши предки, по крайней мере твои, захотят тебя вернуть, – чего доброго, будем носить смирительные ошейники, как некоторые помеси. Нет, нам только одно остается – продержаться год. Не так уж и долго…

Сглаз говорил спокойно и твердо, и я понимала, что он предлагает единственно разумный вариант. Но сердце мое было против: как же так, еще год жизни в черном теле – неужели ничего сделать нельзя? А ведь завтра нам предстоит встретиться со всем нашим классом…

Я встала:

– Видно, больше ничего не остается, как обзавестись шипами. Ладно, хоть покажем предкам, что у нас свои головы на плечах. Да и Жимолость заткнется. Ты как, в настроении идти?

Сглаз с глухим стуком соскочил на задернованный пол.

– Чем раньше это кончится – тем лучше. Я со смехом воскликнула:

– Держись, Г-Гном, мы уже идем!

Седьмая движдорожка находилась всего-то в квартале к северу от нас, и мы решили добираться до артерий этим транспортным средством.

Если вы из себя достанете какую-нибудь кишку и разрежете ее вдоль, вашим глазам предстанет бархатистая микроволосковая подбивка, миллиарды крошечных пальчиков, которые продвигают пищу по кишечнику. А движдорожка – это то же самое, только вместо пищи – вы.

Крепкие силикробовые микроволоски движдорожки перемещают все, что на них оказывается, со скоростью пять километров в час. (Можно континент пересечь всего лишь за месяц, только отпуск получится очень скучным. Это развлечение в основном для старикашек.) Каждый невидимый пальчик имеет корень и достаточно гибок, чтобы передавать свою ношу соседу. Находясь в непрестанном движении, дорожка вызывает иллюзию ряби, вроде колебаний воздуха, нагретого сиалоновым тротуаром. И если ехать босиком, она щекочет – на почти подсознательном уровне. Движение на всех линиях двухстороннее. На дорожных полотнах с регулярными промежутками читается амгеновский

девиз – «Не такси, а таксис». Помню, как отцы объясняли мне его суть, когда я была маленькая и не видела разницы не то что между таксисом и такси, но даже между таксой-собакой и таксой, по которой платят.

Сглаз ловко перекинулся на дорожку, где уже хватало пассажиров: трансгенов, кибов, граждан. Я немного замешкалась, пришлось прыгать. Чуть не упала, хотя я не такая уж и неловкая. Просто нервничала, наверное, хоть и убедила себя, что по-другому мы со Сглазом поступить не можем.

Он будто почувствовал мое беспокойство, попытался рассмешить.

– Ты когда-нибудь загружалась редукционистским парадигмальным чтивом? Мне как-то попалась древняя книжка, ее автор пытался вообразить движдорожку – прикинь, получился длиннющий резиновый ремень на валиках!

Я захохотала, точно помесь на основе гиены:

– Неправда! Сам придумал! Сглаз поднял ладонь.

– Перекину тебе файл – сама почитаешь.

Я еще посмеялась. Ох уж эти древние, о чем только они думали!

А вскоре мы спешились у Багдома.

Площадь была всегда запружена народом, мне это напоминало старинное карнавальное шествие, какие показывают по некоторым историческим каналам метамедиума: ряды пестрых киосков и павильонов, торговцы живые и автоматические под кричащими силикробовыми вывесками. У центрального сооружения на площади, в оригинале – Хиронова Багдома, вид откровенно постмодернистский, это из-за новомодных экзотических веяний мясного рынка.

Здесь можно найти хромокроильщика или генокрутильщика, или простого троподозировщика, и он за долю малую как угодно перехреначит ваш соматип или генотип. За бабки с вами сделают все что угодно, хоть наизнанку вывернут.

Минуту или две я простояла в ирреально-соблазнительной суете амфитеатра, наконец Сглаз подергал за полу моего камзола.

– Пошли, найдем сорок второй номер, пока не передумали.

Мы обогнули площадь, миновали ТАТА-бокс и Примиордий, магазинчики органоидов и магазинчик биочипов «Радио-Шак» и вскоре подошли к Пещере Г-Гнома.

Ее фасад был сплошь во фрактальных органобетонных сталактитах и сталагмитах, среди них – неправильной формы вход, занавешенный живыми камуфлентами.

Я посмотрела на Сглаза, а он посмотрел на меня. Стараясь быть храброй, как мой милый обрубленный космик, я взяла его за

руку.

– Пойдем разживемся шипами.

И мы прошли через ленточный полог.

Папики мне говорили, что лет десять-двадцать назад в моде были фэнтезийные соматипы. Брались персонажи из ретрочтива, новая виртуальность добавляла им сверхъестественности, причудливости. И на улицах всегда можно было увидеть боббита, снорка или смогра, которые выглядели под стать своим дурацким названиям.

Я решила, что Г-Гном себя заточил под тролля или гоблина, или еще какую-нибудь тварь из древних сказок. Его большие синие глаза под мохнатыми бровями были почти вровень с глазами моего друга, а ведь Г-Гном стоял на собственных кривых ножках! Из-за ушей торчали кусты снеговиковского пухогрея; больше никакая растительность не украшала череп. Носил он костюм из облегайки, поверх – кожаный фартук с нагрудником. Руки были даже крупнее, чем у Сглаза.

Наверное, Г-Гном – консерватор и тормоз, если столько лет хранил верность устаревшему идентификату. Но это, может, и неплохо. Мне вдруг захотелось отдать себя в мускулистые руки этого чувака, столь похожие на надежные руки Сглаза.

– Дети, – проворчал Г-Гном, – что я могу для вас сделать?

– Нам бы… – начала я и осеклась.

При нашем появлении включилась трехмерка, и теперь, получив нейросигнал от Г-Гнома, экран стал показывать дойки.

Какие они были красивые! Конические и дынеобразные, коричневые и кремовые, девственно-остроконечные или зрело-тяжеловесные! Точно манящие миражи моей пустыни.

У меня едва хватило сил повернуться к Г-Гному и взмолиться:

– Выключите, пожалуйста.

А то, чего доброго, сейчас будет продемонстрирована коллекция суперписек для Сглаза.

Хозяин выполнил просьбу. Я перевела дух.

– Спасибо. Мы хотим приобрести шипы.

На лице Г-Гнома не дрогнула профессиональная улыбочка, но я почувствовала, как он напрягся.

– А родители у вас есть?

– У нас вот что есть. – Я протянула карточку Жимолости.

Г-Гном ее взял, посгибал-поразгибал. Лицо оставалось совершенно равнодушным, но я видела в его глазах знак САС-долларра.

– И что, владелица башлятника разрешила пользоваться им безо всяких ограничений?

Я попробовала высокомерно фыркнуть на манер Жимолости:

– Естественно. Рэнсайфер – моя лучшая чува.

– Ну, тогда проблем не будет.

– Надеюсь, – снова фыркнула я, хотя у самой тряслись поджилки.

– Присаживайтесь.

Мы со Сглазом расположились бок о бок, Г-Гном снова включил экран. На сей раз – чтобы показать различные фасоны шипов.

Во время повторного просмотра мы решились.

– Мне – «Единорог», – сказал Сглаз.

– А я беру «Коралловую клетку».

– Прекрасный выбор. Разница – в расположении, но она невелика. «Единорог» имплантируется спереди, а «клетка» затрагивает и височные кости.

С этими словами Г-Гном натянул перчатки, а затем выдавил пасту из тюбика. Подошел к Сглазу, втер кашицу ему в лоб и темя.

Потом и я подверглась такой же процедуре.

Аккуратно сняв перчатки и бросив в универсальный деградатор, Г-Гном сказал:

– Смесь лучшего анестетика и самого козырного костоплава. На все уйдет несколько минут. Я пока сниму оплату с карточки, если вы не против.

Сделав это дело, Г-Гном подошел к шкафу и достал шипы.

Раньше я их видела только по метамедиуму, и там они всегда выглядели суперсексово. А въяве оказались совершенно непрезентабельными, обыкновенная пара продолговатых, остроконечных, квадратных в сечении калабашек. В общем, шипы как шипы, вроде костылей, которыми крепились допотопные железнодорожные рельсы.

Затем из шкафа появился блестящий резиновый, с хромированной ручкой молоток.

Им-то Г-Гном и забил шипы нам в головы.

Я ничего не чувствовала, даже когда «Коралловая клетка» добралась до мозга. А Г-Гном демонстрировал нулевую возмутимость! Свою работу он выполнил быстро и четко. Хотя, чему тут удивляться – Жимолость и ее семейство пользовались услугами только козырных мастеров.

Наконец Г-Гном нашлепнул нам на руки липучки-ползучки и проинструктировал:

– Это запас нутрицевтиков, они вам сейчас очень нужны – шипы в процессе роста отбирают энергию у организма. Липучек мало, вам еще надо будет потом подкрепляться чем-нибудь вроде гензимуглеводопротеина, восстанавливать потерю.

Я уже начала ощущать вторжение в свой череп. Словно угадав, Г-Гном сказал:

– Шипы отращивают остеокорни, а также создают паранейроны, которые связываются с вашими нервными клетками. Благодаря чему шипы меняют цвет и узор, подстраиваясь под настроение владельца. Когда эндорост закончится, начнется экзорост. Поглядите-ка на себя в зеркало.

Г-Гном подкатил и развернул компзеркало, и как раз вовремя.

Начался экзорост, видимая часть процесса.

На единственном шипе, имплантированном в середину Сглазова лба, появились два отростка – красивые одинаковые веточки.

От моего шипа пошел грубый коралловый волчок. Когда достиг длины восемь сантиметров, стал ветвиться, разрастаться в роскошный ажурный зонтик.

Мы со Сглазом любовались в зеркале на себя и друг на друга, а Г-Гном снисходительно улыбался.

К тому моменту, когда закончился рост, мы успели привыкнуть к тяжести своих новых аксессуаров. Вес Сглаза практически удвоился. Мой куст доставал до носа, точно вуаль.

– Ну и как я смотрюсь? – спросил Сглаз. Его рог приобрел малиновую окраску, я по метамедийным передачам знала, что это означает волнение.

– Очень фаллично и метагенично! А я?

– Богиня коралловых мозгов!

Г-Гном хлопнул в ладоши – ему не терпелось нас выпроводить.

– Рад, что вам понравилось. Только учтите, что снятие шипов – процесс более бабко– и времяемкий.

– Чтобы я со своей клеточкой расстаться захотела? Никогда!

На выходе у Сглаза возникла небольшая проблема – его вешалка запуталась в дверных лентах. Но в остальном все было суперништяк.

Пока мы не добрались до дому.

Мы со Сглазом сначала поехали ко мне.

Никогда не забуду, как в тот день выглядели мои папики. Не только Сглаза перепугались, но и меня, свою родную дочь.

Мои отцы – биологические братья, во время последней Короткой войны они служили в составе одного штурмового подразделения МВФ. Вместе оказались под неприятельским огнем, и в их окоп попал снаряд.

Он содержал какой-то мерзкий парафермент, до сих пор, кстати, никем не расшифрованный. Мои отцы лежали бок о бок, и их сплавило друг с другом; мало того, была тьма сопутствующих

повреждений и изменений, вплоть до митохондриевого уровня.

Военные костоправы их подремонтировали, как могли. Но с тех пор мои отцы, Альвин и Кальвин, вынуждены пользоваться двумя шлейфами симбиотической связи, потому что без обмена цитокинами им не выжить.

Комиссовавшись, они примкнули к воздерженцам и мгновенно сделались популярными ораторами.

И тут являюсь я – как тератома!

У моих отцов идет неконтролируемый рост костной ткани, и лепилы регулярно удаляют все лишнее. Однажды они заметили отросток, по составу особенно близкий человеческой базовой линии. И папикам взбрело в головы вырастить из него дочку.

Стоило это немало – и в бабках, и в принципах биоконсерватизма. Но Альвину и Кальвину наедине друг с другом было скучно, и, я полагаю, они не слишком долго колебались, прежде чем пошли на компромисс со своими догматами.

Понятное дело, я рада, что они решились обзавестись чадом.

И вот мои отцы-сиамцы стоят и таращатся, и связующие их ткани и провода чуть не рвутся от напряжения, и две глотки исторгают адский рев, и наши со Сглазом рога зеленеют от раскаяния и багровеют от возмущения – разве можно невинных младенцев осыпать отборной казарменной бранью?

Чтобы не затягивать эту историю, скажу, что нам пришлось избавиться от шипов (но перед этим вся наша когорта увидела их), и за удаление заплатили папики Жимолости, и ей запретили на месяц выделять эстроген, и Сглаза, моего дорогого Сглаза, его родители увезли обратно на Асгард.

Но я не ропщу. Сглаз прав: год – не такой уж большой срок.

Мы скоро получим гражданские права.

Да к тому же предки многое поняли, увидев меня в личине рогоносицы. И через месяц уже не противились, когда я намекнула, что хочу получить груди.

Вот так-то! Мои сиськи будут покозырней, чем у этой задаваки!

По больной реке

Глава 1. Мышечная усталость

Нородом Дос-Сантос летел на северо-запад параллельно интерфейсу берега Седьмой реки – берега, покрытого лесом и ухоженной саванной, где мирно бродили стада помесей с нулевым Ай-Кью. Летел – и горевал.

Обычно глядевшему сверху Седьмая река казалась толстой двухцветной ползущей змеей; управляемые встречные течения создавали иллюзию слабой пульсации. Заключенная в почти стопроцентно базовое геоморфологическое русло, на две трети грязно-ртутная и на одну треть матово-черная, она еще напоминала гелиевую зубную пасту, выдавленную из допотопного тюбика.

Но сегодня Седьмой реке недоставало обычного глянца, она казалась безжизненной и бездуховной – жертва необъяснимых перемен, для изучения которых и прибыл сюда Дос-Сантос.

«Снова ты персонифицируешь реку, – мягко попенял себе Дос-Сантос. – Что бы сказал на это мастер Трекслер? Он ведь сердится, когда его ученики позволяют себе неточные формулировки».

Трекслер умер, но остались все те свойства его личности, которые смогла сэмулировать матрица восьмого уровня Тьюринга, и огорчать его не следует.

Препоручив свой багалет, выращенный фирмой «Синерген», кибу-автопилоту (простому КТ-4), Дос-Сантос решил: сейчас не до сантиментов. Надо работать. Погрузив в микросон высшие центры головного мозга, он освободившимся паранейронам поставил задачу провести детальную вероятностную симуляцию аварии. Когда уже строилась третья компьютерная модель аварии, произошла авария настоящая.

Сорвало двигательные миофибриллы с левого крыла. Грозный звук – с таким мясницкий нож врубается в тушу овцеволка – мгновенно разбудил хозяина реки.

Ощущение невесомости подсказало Дос-Сантосу: его багалет падает.

Внезапная угроза жизни вызвала экстренное включение критического режима, оно каскадами прошло по ней-ропримочкам, изготовленным фирмой «Сфинкско».

Дос-Сантос прекрасно понимал, что не стоит отбирать управление у киба в аварийной ситуации – хотя руки

инстинктивно рванулись к ганглиям багалета. Но кое-что предпринять он все-таки мог. Например, быстро натянуть подвешенные к запястьям перчатки миллипорового спас-скафандра, полностью отключить дигифейс «КамНейро».

Как только перчатки герметично пристыковались, заговорил киб, и теперь уже поздно вмешиваться в его работу, даже если бы Дос-Сантос знал, что делать.

– Прошу извинить, полноправ Дос-Сантос, но ситуация требует незамедлительно иммобилизировать вас.

Узелковые утолщения на поручнях ёрзаномичного кресла полопались, словно споровые коробочки. Выстрелили хранившиеся там под давлением соматропические лианы, опутали его, сплетясь в липкую биоластичную сеть.

За стеклом кабины слева Дос-Сантос видел полоску джунглей – они росли, поднимались стеной. Дос-Сантос едва успел пробормотать начало молитвы к богине его камбоджийско-испанских предков: «Святая Мария Каннон, святейшая из Дакини», как под кожу впрыснулась доза дремотина.

Помаленьку птицы снова распелись, но громкий треск сломанной ветви опять заставил их умолкнуть. Прошло немного времени, и вновь зазвучали разнообразнейшие голоса. Одна квазипичуга снова и снова хрипела: «Покупайте у нас! Покупайте у нас! Покупайте у нас!..» Сбежавшая из города пташка-зазывашка.

На стекле кабины лежали крупные бахромчатые оранжевые листья, усеянные орхидениями. Монокристаллическое стекло было невредимо, но Дос-Сантос все равно ничего не видел вокруг. Едва он начал освобождаться от ремней безопасности, заговорил киб:

– Полноправ Дос-Сантос, прошу следовать за мной.

Из крыши багалета ударил, растворяя лианы, аэрозоль – продукция фирмы «Каталитика Камбам», – и тотчас же Дос-Сантос ощутил, как исчезает боль в помятом при падении теле: значит, туман опознан и пропущен в умный скафандр.

Он выбрался из кресла и осторожно ступил на наклоненный пол. Летательный аппарат не качнулся. Волосы у Дос-Сантоса были мокры от пота, по телу бежали струйки.

– Что случилось?

– В левом крыле внезапно прекратилась циркуляция гемоцианина, началась дегенерация ткани, немедленно достигнув критической степени. Вероятность аварии по вине конструкторов – одна десятая процента. Вероятность аварии по вине техобслуживания – тридцать процентов. Вероятность аварии в результате намеренного повреждения – шестьдесят восемь

процентов. Прошу подождать… Регистрируются следы чужих протеаз… Вероятность диверсии пересчитана. Девяносто девять и шесть десятых процента.

– Диверсия… – пробормотал Дос-Сантос. – Но кому это может быть выгодно?

– Полноправ Дос-Сантос, у меня нет ответа на ваш вопрос. И все же, несмотря на исчерпывающие доказательства моей невиновности, закон требует, чтобы я предоставил вам метамедийный адрес моего производителя на тот случай, если вы захотите подать на него в суд. Довожу до вашего сведения, что фирма «Синерген» является дочерним предприятием «Примордиум чебол» и полностью подконтрольна ему.

– К черту! – Дос-Сантос уже вынимал аварийное снаряжение и припасы из яйцевидного шкафчика под крышей кабины. – Далеко отсюда до места?

– Связь с нависпутниками глобального позиционирования не нарушена, наше местонахождение установлено со стандартным трехметровым отклонением. Машинное озеро находится приблизительно в пятидесяти кликах к северу. Мне удалось совершить посадку всего лишь в ста ярдах от Седьмой реки.

– И мы на берегу верхнего течения?

– Да.

– Отличная работа.

– Благодарю, полноправ Дос-Сантос. Надеюсь, вы учтете правильность моих действий в чрезвычайной ситуации, если подадите в суд на фирму-производителя.

– Успокойся, не будет никакого суда. Ясно же: тот, кто остановил реку, не желает допускать сюда дознавателей. Когда вернусь на базу, пропущу через мелкое сито все помеси из техобслуги.

– Осмелюсь заметить: органика заведомо менее надежна и более уязвима морально, чем кибернетика.

Дос-Сантос раскрыл люк багалета, через занавеску из бамбуна хлынул теплый, влажный воздух.

– Полноправ Дос-Сантос, что вы намерены делать? Я отправил сигнал бедствия, он принят. Не разумнее ли подождать помощи здесь?

– А что, если и остальные наши багалеты подпорчены? Сколько тогда ждать придется? Неделю? Нет, я сюда прилетел, чтобы дело делать. Времени в обрез. И нельзя, чтоб река и дальше простаивала.

Похлопав по левому нагрудному карману, где лежал флакон со способным починить реку рем-инструктом, и поправив пояс с интратековским пистоляпом, запасными патронами с лизис-

катализатором и прочей амуницией, Дос-Сантос перенес обутую в ботинок ногу через комингс.

– Пункт два-десять свода инструкций для администрации береговой полосы требует…

– Вот что, – перебил Дос-Сантос, – кто тут речной мастер? Я или ты?

– Вы, полноправ Дос-Сантос. – Кибу четвертого уровня Тьюринга удалось это выговорить тоном оскорбленного достоинства.

– Вот именно.

– Но могу я хотя бы сделать предложение?

– Разумеется.

– Позвольте вас сопровождать. У меня больше возможностей, чем у слабоинтеллектуальных помощников, встроенных в ваш скафандр. Если вы будете выведены из строя, а я смогу добраться до базы, то начальство получит подробный отчет.

– Ну, спасибо, утешил!

– Извините, полноправ, но я всего лишь стараюсь выполнить заложенные в меня на конвейере обязанности…

– Ладно, ладно.

Дос-Сантос шагнул к пульту и вынул киба – невзрачную серебристую пластинку диаметром с хоккейную шайбу, но вдвое тоньше. Воткнув ее в подходящий слот на скафандре, он повернулся к выходу из убитого багалета.

– Полноправ, теперь я надлежащим образом подключен к датчикам вашего скафандра. Они протестированы – полная исправность.

– У меня такое предчувствие, что они нам понадобятся. – сказал Дос-Сантос. – А ну-ка, включи мои сетчаточные дисплеи.

– Команда выполнена.

На периферии зрения Доса-Сантоса возникли просвечивающие панели датчиков. Он осторожно двинулся в джунгли.

Глава 2. Информудар

Первые донесения, указывающие на серьезные неполадки в работе Седьмой реки, поступили каких-то двенадцать часов назад. Докладывал киб-блок, капитан одного из многочисленных плавмагазинов, которые поставляли товары туземному населению побережья. Находившийся в сотнях кликов от Машинного озера

киб сообщил, что скорость нижнего течения реки катастрофически падает, приближаясь к древнебазовой. В то время как зонды, запущенные в «верхнюю» сторону, регистрируют нормальные скорости. Продолжительное наблюдение выявило дальнейшую потерю силы искусственного потока. Когда посыпались донесения с других участков «нижнего» берега – с туристского судна, с пассажирского парома, с многочисленных спортивных водопланов и водоходов, – Дос-Сантос понял, что Седьмая река – его река – умирает.

Естественно, это случилось в самое неподходящее время – он вылетел по делам в Лагос. Если бы весть о беде застала его на обычном посту – в штабе или на берегах Машинного озера, – он бы успел что-то предпринять. А так – пришлось сначала проделать длинное путешествие.

Теперь он знал, что его багалет поврежден неизвестными злоумышленниками, и подозревал, что покушение на Седьмую реку не случайно произошло в его отсутствие. Разве сложно было выяснить заранее, когда он отправится в Лагос?

Незадолго до авиакатастрофы Дос-Сантос узнал, что нижнее течение Седьмой реки практически полностью остановлено. Еще в Лагосе он открыл: известие о смерти течения движется быстрее самого течения. Пораженный силикроб бьется в конвульсиях, и его хаотические импульсы передаются соседям, а от соседей – дальше, и эта информационная волна опережает материальный поток.

Верхнее течение Седьмой реки продолжало действовать, что объяснялось просто: два потока не имели связи друг с другом, об этом позаботились их создатели. Только вдоль интерфейса течений длиной почти две тысячи кликов, где тончайшие реснички «верхних» силикробов контактировали с «конечностями» силикробов аналогичного «нижнего» слоя и где они обменивались энергией в погашающем взаимное трение танце, происходило незначительное смешение. И эта «несовместимость характеров», предназначенная специально для того, чтобы избежать путаницы в управлении, отсрочила гибель верхнего потока. Но единственный источник силикробов для него – нижний поток, а значит, смерть пока еще действующей части Седьмой реки неизбежна.

В сырьевом запаснике – Машинном озере – рождались все силикробы, составлявшие 50% объема нижнего канала седьмой реки. Вторая половина – обыкновенная H_2O из обыкновенных источников: дождей, притоков, подземных водоносных слоев. Высвобождаемый объем воды издавна расходовался на нужды человеческого общества. Силикробы поступали из Машинного

озера, смешивались с доступной водой, и получался синтетический бульон цвета вороненого металла. Поодиночке наномелкие силикробы, естественно, были невидимы, но их скопления представляли собой однородную массу. Заложенная программа вынуждала их двигаться «вниз по течению» с заданной скоростью, причем каждый сохранял постоянную дистанцию от берега и от соседей. Силикробы несли водяные молекулы быстрее, чем это когда-либо удавалось гравитации.

В устье Седьмой реки, в пальцеобразной дельте вокруг Порт-Харкорта, они, реагируя на повышенное содержание соли и команды с нависпутников глобального позиционирования, разлучались с водяными молекулами, продолжавшими двигаться в море, как в былые времена, по подковообразному каналу разворачивались и пускались в обратный путь уже «налегке». Им требовался канал вдвое уже «нижнего», чтобы вернуться в Машинное озеро для ресорбции. «Верхняя» скорость составляла 80% «нижней». До сего дня.

Глава 3. Большая грязюка

Последний коренастый древопапоротник упал под ударом лазерного мачете Дос-Сантоса с треском дыни, слетевшей на пол со стола, и липкий сок, выброшенный тургорным давлением, обрызгал лицо и миллипоровый костюм. А затем речной мастер вышел из джунглей и зашагал по не нуждающемуся в стрижке ветиверу верхнего берега Седьмой реки.

– Полноправ Дос-Сантос, докладываю: пузыри скафандра заполнены очищенной водой, в дальнейшем любое загрязнение костюма потовыделениями будет устраняться методом экзосонической сушки.

– Отлично, отлично, – рассеянно отозвался Дос-Сантос. Все его внимание, и базовое, и дополнительное, было отдано хворой реке.

И действительно, двусторонняя гиперводная артерия была тяжело больна. Две трети нижнего потока превратились в сизую неподвижную ленту. Осталась взвесь из воды и дезактивированных силикробов, но они уже не участвовали в движении потока, напротив, не давали молекулам воды вернуть хотя бы прежнюю, базовую скорость. Нижний поток, до недавнего времени – надежный водный путь, обеспечивавший всем необходимым миллионы жителей окрестных территорий,

превратился в стоячее болото.

Дос-Сантос посмотрел влево, «вниз по течению», но. взгляд сфокусировал на ближней трети реки, на «верхнем» канале. Эта часть Седьмой реки пока еще действовала. Она состояла из чистых силикробов, была матово-черной и резко выделялась по цвету; ее граница была еще крепка, не пропускала соседний хаос. Но Дос-Сантос знал: видимость обманчива…

Он не удержался от возгласа, когда обнаружил то, что искал – волновой фронт аварии. Беспомощно смотрел, как вверх по реке движется убийственная дезинформация. Вот омертвение поравнялось с Дос-Сантосом и безнаказанно двинулось дальше. Позади него сотнями миллионов выключались силикробы. Черная полоса хищно запустила уродливые пальцы мглы в «нижнюю» часть реки, силикробы поплыли «назад», быстро редея, – река, имевшая первый уровень Тьюринга, перестала думать, она теперь пыталась гомогенизироваться по законам простейшей физики.

– О черт! Проклятие!

Дос-Сантоса охватило отчаяние. Сколько себя помнил, он служил в Речном министерстве. Он любил реки, эти огромные полуразумные транспортные артерии. Уже пятьдесят лет самоотверженно обслуживал номерные мировые реки, большие и маленькие. Побывал на Восьмой реке (бывшей Волге), на Третьей (в прошлом – Миссисипи), на Четырнадцатой (Ганг), на Двадцать Девятой (Нил) и даже на Первой (Амазонке). Сначала – учеником, потом – подмастерьем, наконец, мастером. Он любовно опекал эти творения природы и человечества, что змеились по окультуренному земному шару, неся грузовые и пассажирские суда, служа экологическими нишами своим обитателям, купая курортников. И никогда на своем веку он не испытывал такого ужаса, как сейчас – перед лицом смерти одной из своих подопечных. Как будто он потерял друга-супруга, а вместе с ним погибли и зиготы, отданные для рождения ребенка. Но ведь не было у Дос-Сантоса никогда друга-супруга, и о потомстве он раньше не задумывался… И все равно такое чувство – будто в душе пробита дыра.

Но отчаяние уступило гневу и твердому желанию отомстить. Преступник будет найден и ответит за свое злодеяние.

Дос-Сантос поклялся, что Седьмая река воскреснет. Он приблизился к обрыву. Дальше под углом сорок пять градусов простиралась отвердевшая красная глина, до самой воды. Дос-Сантос полез вниз. Глиняное крошево скатывалось по склону на поверхность реки, но не тонуло в силикробовом студне; каждый камешек гнездился в собственной ямке поверхностного натяжения.

– Полноправ Дос-Сантос, – встревоженно обратился киб, – вам не следует…

Дос-Сантос подобрался к воде и опустился на корточки. Глина медленно дрейфовала вниз по течению.

– Молчать! Хочешь мне помочь, готовься анализировать телеметрические данные.

Сняв обе перчатки, речной мастер окунул руки в густой силикробовый суп.

По краям поля зрения заиграли метаграфические диаграммы – информация поступала с кончиков пальцев, от подкожных микотронных компдатчиков. Робот от себя добавил устную интерпретацию.

– Есть основания считать, что река загрязнена дозой сверхбыстрых рибозим-инструкторов, их действие – стандартные ступенчатые процессы, но с некоторыми изменениями, не поддающимися расшифровке. Силикробы, очевидно, невредимы, они всего лишь отключены. Если удастся денатурировать агрессора, то восстановить реку будет несложно. Дос-Сантос встал:

– И это надо сделать быстро, а значит, наш путь лежит к Машинному озеру. Мало того, что новые нападения не исключены, но и вся система разбалансирована, работает с перегрузками. Рано или поздно силикробы начнут выпадать в осадок и накапливаться на дне. В таких условиях возобновление функционирования реки может иметь непредсказуемые последствия. Мы выбросим столько частиц, что замутим всю дельту, возможно, погубим все живое. А если продолжится смешение верхних и нижних силикробов, образуются водовороты на порядки крупнее предельно допустимых…

– Полноправ, раз уж речь зашла о водоворотах, – перебил киб, – к нам приближается ловец водоворыб.

Глава 4. Старик и река

Коракл – раковина с фиолетовой каймой на зубчатом борту – перламутрово бликовал под африканским солнцем. Его предком и правда была раковина – камерный моллюск наутилус. Плавсредство было достаточно велико, чтобы вместить двух базово-линейных людей, но сейчас на его борту находился только один софонт, киноцефал в набедренной повязке из шотландки.

Первых киноцефалов, или анубийцев, вывели специально для

расселения по берегам Двадцать Девятой реки, бывшего Нила. Эти двуногие псоглавые софонты служили для привлечения туристов; их создатели позаботились о том, чтобы киноцефалы заняли новую верхнюю ступень пищевой пирамиды. И собакоголовые трансгены оправдали эти надежды. Эксперимент оказался настолько удачным, что сейчас, десять анубийских поколений спустя, ни одна река без них не обходится.

Мохнатая гуманоидная помесь стояла в корме суденышка, сжимая в лапе румпель струйного движка. Коракл находился на середине «верхнего» канала, чей черный сироп сейчас бесполезно тек «вниз».

Никаких сомнений – челнок направлялся к Дос-Сантосу. Вот коракл приблизился, и удалось различить уложенные поперек его носа цельнорощенные костяные гарпуны. А когда одинокий лодочник умело пристал к берегу, Дос-Сантос узнал татун, подкожную иконку на собачьем ухе – эмблему племени Гиен, или ловцов водоворотных рыб.

– Полноправ человек, – пролаяла помесь и показала капающие слюной острые зубы, – наша река умирает!

И в эту же секунду киб заявил:

– Для речного мастера поступило сообщение по глобальной телесистеме.

В правом ухе Дос-Сантоса зазвучал приятный женский голос его помощницы Исоке, оставшейся в Лагосе:

– Нородом! Диверсанты разоблачены и задержаны. Это гринписы, они себя называют «Лигой Айзека Уолтона». В организации всего лишь десяток членов, но им удалось убить несколько рек и вдвое сократить объем крупнотоннажных перевозок на планете! «Дайичи канго» только что оценил ущерб: приблизительно пять миллиардов долларов в час. Но кримоловы и полиция МВФ уверены, что выловили всех! Новых диверсий можно не опасаться.

Как всегда, когда Дос-Сантос слушал страстный голос Исоке – с недавних пор ему подчиненной, – он пытался представить, как бы ответил на его месте Трекслер.

– Исоке, это замечательно, но у нас остается проблема – Седьмая река. Надо ее починить и запустить.

– А вы разве не можете ввести в реку рем-инструкт с того места, где находитесь?

Мастер терпеливо объяснил подмастерью, почему сначала необходимо денатурировать рибозим-загрязнитель в Машинном озере. Если просто смешать загрязнитель с рем-инструктом, то получится невообразимая каша.

– Как же нам быть? Вы оказались правы насчет остальных

багалетов – их тоже вывели из строя. У нас больше нет исправных летательных аппаратов. Можно нанять частное или заказать государственное транспортное средство, но ждать придется в лучшем случае несколько часов. Ведь вы находитесь в самом центре низкотехнологичного заповедника…

Дос-Сантос вспомнил о стоящем перед ним рыбаке. Помесь, раскрыв пасть и свесив язык, нервно дышала. Под пятнистой шкурой подергивались мышцы.

– Кажется, транспортное средство у меня уже есть. Не бог весть что, но попробовать стоит. А жука все-таки пришлите при первой возможности. Пускай ищет меня на реке.

Сказав Исоке «до связи», Дос-Сантос обратился к Гиене:

– Можно на твоей лодке добраться до Машинного озера?

Гиена улыбнулась:

– Хорошая лодка. Ее сделали люди. Так быстро бегает! И мотор еще ни разу не глох.

– Быстро – это как?

Вопрос заставил трансгена поломать голову, на собачьей морде пролегли глубокие складки. Но через минуту псоглав ответил:

– Видишь вон тот древодом? Отсюда – десять вздохов.

– Двадцать узлов, – пересчитал киб. Дос-Сантос застонал:

– Два часа до озера, а то и больше! Но ничего другого не остается. Поплыли.

Дос-Сантос и помесь оттолкнули коракл от берега и запрыгнули в него. Гиена ткнула пальцем в ганглий на румпеле, заработал органический мотор. Через отверстие в носу лодки поступали силикробы – отключенные, «живые» – не важно, – и движок, расщепляя их, получал энергию АТФ. Толстые, как кнуты, макрореснички в кормовой части коракла вскоре развили максимальную скорость.

– Мы остановимся у моей деревни и скажем стае, куда я плыву.

Дос-Сантос хотел было возразить, но передумал. Зубы трансгена, уже не говоря о гарпунах, выглядели грозно, и даже надежный интратековский пистоляп не прибавлял речному мастеру куража, Анубиец, хоть и был создан людьми, не носил ошейника и к числу домашних помесей не принадлежал. Рядом с Дос-Сантосом в лодке находился дикий полузверь, обладающий правом заботиться о себе. И пускай псоглав сейчас дружелюбен, пускай ему нужно, чтобы человек починил реку, его поведение может с легкостью измениться. Значит, надо пойти на компромисс с этим существом – если не хочешь пойти на убийство.

– Хорошо. Но у нас мало времени.

– Очень быстро поплывем. Детеныши и самка знать должны, а то волноваться будут.

Ох уж эти помеси с их претензией на равенство с людьми во всем!

Банок в лодке не было, пришлось сесть на корточки. Руку мастер опустил за борт, она скользила по поверхности реки, а киб, не теряя времени, искал формулу денатурата, способного разрушить яд. Вроде все ясно, кроме одного: для чего предназначены таинственные органические молекулы, присутствующие в загрязнителе.

Через некоторое время на верхнем берегу, на поляне, появилась деревня рыболовов.

Средняя часть верхнего канала, состоявшая из одних силикробов, не содержала в себе никакой жизни, зато другие две трети, содержавшие, кроме силикробов, воду, представляли собой целую экосистему, приют для искусственно выведенных форм жизни. Почти на самом верху пищевой пирамиды находились водоворыбы – те самые, что поддерживали существование Гиен.

Граница между верхним и нижним каналами до катастрофы представляла собой вертикальную плоскость, невидимый рубеж между силикробами двух типов, разгоняющихся и тормозящих, как того требовали их программы. Однако исключить фактор хаоса оказалось невозможно: накопление ошибок приводило к возникновению разной величины водоворотов и прочих аномальных явлений. С ними справлялись водоворыбы, крупные, сильные широкоротые организмы, которые питались «глючными» силикробами, как киты – планктоном, и тем самым разрушали аномалии.

Непросто было Гиенам плавать на лодчонках по самому краю водоворота и гарпунить добычу, требовались ловкость, смелость и везение, но киноцефалы превосходно справлялись со своей работой.

Дос-Сантос перефокусировал зрение с сетчаточных диаграмм на рыбацкую деревню. На берегу уже столпились высыпавшие из хижин – стручков древодома – Гиены: рыбаки – с гарпунами, матери – с детенышами в специальных обвязках.

Внезапно поднялся крик, жители деревни неистово жестикулировали, на лицах – ужас. Рулевой подвел лодку к берегу, остановил. Дос-Сантос повернулся, глянул на середину реки. Там создавался огромный водоворот.

– Полноправ, это невероятно! Силикробы сами по себе не могли включиться!..

Дос-Сантос расстегнул кобуру, чтобы в случае чего легче

было выхватить пистоляп:

– Однако это происходит.

Над водоворотом что-то поднималось. Нечто похожее на статую. Снизу его кусали рыбы – но безрезультатно.

Матово-черная глыба, несомненно, состояла из силикробов. Но так, как сейчас, силикробы еще никогда не соединялись. Они и созданы-то были совсем не для этого. Колышась, сужаясь и утолщаясь, выросла колонна втрое выше и шире человека. Вне всяких сомнений, силикробы пытались создать некую форму – этого от них требовала чужая программа.

Наконец им это удалось.

Над рекой возвышался эбеновый Нептун. Волосы – донная трава, призрачный лик сирены, борода – раковина моллюска, могучие руки, бочкообразная грудь, вместо ног – рыбий хвост.

Река материализовала своего монохромного бога.

– Это автокаталитический инструкт, – прошептал потрясенный Дос-Сантос. Он знал, что подобное уже происходило, но само по себе и давно, когда реки еще только создавались. Но тут – совсем другое. Тут поработала «Лига Уолтона», и то, что она создала, наверняка гораздо опаснее прежних речных миражей – результатов спонтанного катализа.

Дос-Сантос отправил сигнал бедствия Исоке, выхватил пистоляп и выпустил всю обойму.

Умные пули, наполненные растворителями мгновенного действия, попали в цель. Дос-Сантос знал, что разлагающие вещества не могут причинить вреда небелковым микророботам, но надеялся, что пули простым физическим давлением сместят силикробов и разрушат установившиеся между ними связи. Однако они прошли насквозь, не причинив вреда.

И тут автокат целеустремленно двинулся к кораклу. Хоть и создавалось впечатление, что он скользит по поверхности реки на хвостовом плавнике, словно конькобежец на коньках, на самом деле его несли силикробы. Так несет пассажиров движдорожка. Тварь определенно имела какие-то намерения, а значит, обладала разумом, пусть и низким по шкале Тьюринга, может быть, как у самой реки…

Дос-Сантоса отвлек плеск за бортом – это спрыгнул за борт рулевой. Мастер хотел последовать его примеру…

Опоздал.

Его схватили руки Нептуна. Лицо Дос-Сантоса вдавилось в маслянистую грудь автоката, он ослеп, он задыхался…

И вдруг начал погружаться в тварь. Мастера убивала его собственная река!

Да тут еще, ко всему прочему, скафандр забарахлил. От

давления на систему подачи жидкости и биоэластиковые резервуары, заключенные между слоями ткани, вода собиралась в одном месте, на левой стороне груди.

Эта водяная опухоль разрослась, вдавилась в мышечную ткань, в кости. Он хотел закричать – не получилось. Что, если водяной кулак пробьет до сердца?..

Под чудовищным нажимом резервуар лопнул. Но взрыв оказался обращен не внутрь, а наружу, десятки микроструй толщиной с иголку вышли через молниеносно расширившиеся миллипоры.

И вдруг автокат выпустил Дос-Сантоса. Он упал на дно коракла, и тот неистово закачался, но не перевернулся. С речного мастера бежали неактивные силикробовые струи. Он кашлял – похоже, легкие наполнены такими же силикробами. Откашлялся, высморкался. Наконец-то можно дышать.

Дрожащей рукой речной мастер протер глаза. Нептун исчез, растворился в реке. От него осталось только несколько бессильно шевелящихся псевдоподий, но и они вскоре растеклись. Дос-Сантос посмотрел на дыру в скафандре. Переполнившийся и лопнувший резервуар находился как раз за пузырьком с ремонтным инструктом. И этот пузырек исчез. Скорее всего раскололся, и его содержимое дестабилизировало автоката.

– Полноправ Дос-Сантос, не забавно ли, что созданное водой чудовище от воды же и погибло? – В голосе киба безошибочно угадывалось самодовольство.

– Да уж, обхохочешься…

– Я сообщу о происшествии мастерам других поврежденных рек, предупрежу, чтобы со своими автокатами обращались поосторожнее. Вот видите, полноправ, я не зря напросился к вам в попутчики.

Дос-Сантос поднял голову. Какие убытки! И сколько работы впереди! Ладно, по крайней мере он жив, а все остальное поправимо.

– Да, киб, ты просто молодчина.

– Полноправ, осмелюсь напомнить… Дос-Сантос расхохотался:

– Да успокойся ты! Не будет никакого суда.

Любимый компонент

Гринло всю жизнь чувствовал себя обманутым. В чем обман, он и сам не смог бы себе объяснить. Но чувствовал странный зуд в душе и теле, словно он подцепил какой-то вирт-вирус. И этот зуд иногда локализовывался в груди, иногда – в голове, а порой даже нарушал гиперчувствительность длинных, тонких мультифаланговых пальцев, У Гринло украли нечто бесценное, незаменимое, он в этом не сомневался, хоть и не смог бы назвать цену украденного или имя вора. Но были подозреваемые, они чередовались в зависимости от того, как менялись его жизненные обстоятельства.

В своей когорте Гринло был одним из немногих, кого зачали и родили старомодным, базово-линейным способом. Его родители, упертые голубовато-зеленые, не могли воспользоваться услугами помеси-роженицы или хотя бы автоутробы, не говоря уже о том, чтобы допустить вмешательство хромопортных в развитие плода. Даже именем своим он был обязан вере, которую исповедовали родители. Грин ло – зеленый закон. И потому Гринло появился на свет, не имея никаких преимуществ, не имея даже самого необходимого. Ему только оставалось завидовать нейро– и морфонавороченным сверстникам. Он даже свои первые слова произнес лишь после полугодичного курса приема неогомеопатических тропов. Естественно, потому-то он и был временами склонен винить своих родителей – Почву и Подсолнуха – во всех неприятностях, которых натерпелся при учебе и в общении с ровесниками. Один адвокат, некий Энди Панда, даже перевел жалобы Гринло на юридический язык и предложил обратиться в суд, но Гринло решил, что делать этого не стоит.

Как бы то ни было, злость на родителей прошла без следа, когда Гринло достиг совершеннолетия, и Почва с Подсолнухом, подчиняясь жестким голубовато-зеленым догмам, добровольно подверглись эвтаназии, завещав свои нерастраченные ресурсы не баловавшему их симпатиями обществу.

К сожалению, они почти не оставили двенадцатилетнему Гринло финансовых ресурсов. Чтобы вырваться из касты серволайтов, в которую его угораздило попасть при рождении, и оплатить дальнейшее троподозирование, которое позволит получить достойную работу и перескочить в категорию символ-аналитиков, пришлось сдавать внаем свое нейро – ценный ресурс, самые тонкие структуры которого до сих пор яйцеголовые не научились дублировать. Каждый день в определенное время

толика вычислительных циклов мозга становилась доступна любому, кто имел на то желание и деньги. Гринло терял драгоценное время, пока его разум обрабатывал данные в параллельной мировой компьютерной сети, и потому злился на всех, кому больше повезло в жизни. Эта злость и толкнула его в объятия Плюс-Фурьеристов.

Но неизбежное разочарование не заставило себя ждать. Более того, когда Плюс-Фурьеристы спонсировали убийство всего совета директоров Всемирной Торговой Организации, Гринло проникся отвращением к политике вообще. И в это же время он впервые устроился на работу – в «Молекулар тулз». Фирма оплатила ему кое-какой соматический и клеточный апгрейд. И тогда же он влюбился.

Ее звали Анемона. Поначалу Гринло боялся, что она тоже голубовато-зеленая, хотя с такими убеждениями как бы она смогла получить в «Молекулар тулз» должность шефа проекта «Санта Клаус»? Но вскоре выяснилось: ее растительное имя – всего лишь дань фамильной традиции. Обрадовавшись, он в первый раз в жизни отдал свое сердце женщине.

Нетерпеливый по молодости лет, Гринло не понимал, почему у них все никак не доходит до секса. Но в конце концов узнал: Анемона – герм, абсолютный гермафродит, и у нее есть любовница, от которой еще надо добиться включения Гринло в семейный союз.

Однажды вечером он вернулся домой и застал их в постели. При виде мужских гениталий, появившихся над базово-линейным женским половым органом, в нем проснулись генетические голубовато-зеленые предрассудки. И Гринло сбежал.

Лишь через несколько лет ему стало проще общаться с женщинами, которых он теперь сознательно и подсознательно обвинял в своих жизненных неурядицах. Он с головой ушел в работу, быстро делал карьеру, переходил из фирмы в фирму: «Инновир», «Хемацин», «Биокогент». В конце концов подвернулась хорошая должность в «Просепте», там-то он и встретил свою спутницу жизни. У Стромы была грубая пестрая шкура, соблазнительные хваткие губы, острые жесткие соски; она умела остроумно шутить и заливисто смеяться. А главное, она, со всеми своими наворотами, принадлежала только ему одному – впрочем, анатомически и он теперь был далеко не так прост, как в первые годы жизни. Злополучного ребенка, рожденного Почвой и Подсолнухом, почти целиком заменил самодельный конструкт.

И на работе, и дома все было в порядке, и душевное беспокойство отпустило, хоть и не исчезло полностью.

Десятилетия прошли вполне благополучно, он рос в

должностях, набирался опыта, помогал миру меняться. За эти легкие, приятные годы он почти забыл свое тяжелое детство.

А потом разыгралась трагедия, к которой, как казалось Гринло, он интуитивно готовился всю жизнь. Зловредная дикая жизнь опустошила его родной биорегион.

В общем и целом урон от бедствия был таков:

Разрушена обширная инфраструктура – одна целая и две десятых на десять в пятой степени единиц ущерба (по обновленной шкале Санта-Фе).

Погибли десять миллионов человек, имевших статусы полноправных и неполноправных граждан.

Уничтожено неисчислимое множество контролируемых трансгенов разных пород, уже не говоря о бесчисленных диких помесях, всяких зайцеволках и куроястребах.

И наконец, без следа исчез органический запас биорегиона – многие тератонны массы, как базово-линейный, так и измененный.

И все это Гринло оплакивал – субъективно и селективно. Всю свою хромокогорту, хоть и дразнившую его в детстве. Коллег и слуг-трансгенов. Бездомных полуразумных мутантов, не успевших перебраться в другой, безопасный уголок телекосма. И Строму, единственную женщину, которую он полюбил без комплексов, как сказали бы его друзья-снеговики.

Все погибло, все пропало. А он, по злой иронии судьбы, остался – влачить тяжкий жребий сироты и вдовца. Его судьба разрушена ордой тератоморфов, состоящих из бешеных силикробов – или, как сказал один умник, у которого осталась энергия на придумывание неологизмов, панплазмодемониумом.

А самая горькая ирония в том, что не кто иной, как Гринло, должен был предотвращать такие катастрофы. Но в тот момент, когда биорегион подвергся нападению и опустошению, он находился в противоположной точке земного шара, инспектировал оборону другого проблемного метроплекса.

Гринло свое дело знал туго. Его усилия не пропали даром. Натиск на Новозеландский метроплекс был отражен, население спасено.

Но это теперь не играло никакой роли. Вокруг зараженного биорегиона был оборудован санитарный кордон, обслуживали его в основном коллеги Гринло, сотрудники ЧП-отдела «Просепта»; руководил дежурной сменой неполноправ Бамбанг; в прошлом Гринло нередко работал с ним.

Гринло вышел из органилета, посаженного на окраине лагеря. Ослабленный силикробами солнечный свет красил округу в пастельные тона. Вновь прибывший зашагал к командному узлу

обороны. Один из его личных кибов, несший большой бип-контейнер, не отставал ни на шаг.

В гуще организованного столпотворения, среди просептовских кибов, трансгенов и симбионтов стоял Бамбанг; его взгляд, казавшийся рассеянным, означал, что неполноправ внимательно считывает с сетчаточных шкал показания датчиков. «Волнения и надежда здесь почти осязаемы», – подумал Гринло.

Когда Гринло подошел, Бамбанг переключил внимание на реальность. Оглядел вновь прибывшего, затем широкое, коричного цвета индоазиатское лицо покрылось морщинами. Это означало целую смесь чувств: уважение, радость и чуточку тревоги.

– Здравствуйте, полноправ Гринло, – почтительно сказал Бамбанг. Они обменялись жестами – гиперартикулированными знаками уважения к родословной друг друга и надежды на плодотворное сотрудничество.

– Счастлив вас видеть. Я полагаю, вы прибыли, чтобы взять на себя руководство?

Гринло вздохнул. Долг, профессиональное соперничество… все это теперь казалось таким несущественным.

– Вы ошибаетесь, – ответил он. – Уверен, вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями, хотя после объявления о нашествии я не получал докладов об изменении обстановки. Нет, я явился по сугубо личному делу.

У индоазиата был характерный жест облегчения – Бамбанг щупал просептовский татун, вращавшийся на щеке, в считанных миллиметрах под эпидермисом. Это невинное движение превратило линейные мыслительные процессы Гринло в хаотический вихрь. Он вдруг впервые на своем долгом веку увидел вездесущие верные силикробы, вроде тех, из которых состоял татун Бамбанга и его собственный татун – в роли безжалостных несоматических убийц.

Может быть, Урбластема – всего лишь татун на поверхности Земли?

Нет. Она в отличие от послушных скоплений силикробов стремится пожрать своих хозяев.

«А ведь мы ее для себя сделали, – грустно подумал Гринло. – И я помогал. На каждом этапе. Кроме как себя, обвинять некого».

Внутренняя нейросистема фирмы «Ксаос тулз», находящаяся в выпуклости мозговой грыжи, включилась, и нелинейный круговорот эмоций и мыслей постепенно затух. Если бы не помощь этого замечательного психодемпфера, то Гринло, наверное, давно бы нашел пристанище в каком-нибудь доме убитых горем.

– По личному? – повторил Бамбанг и считал с сетчатки поступившие данные. – А, понятно… Примите мои соболезнования, полноправ Гринло. Может быть, принципы первой самоорганизации помогут вам в сей горький час найти утешение?

Гринло отмахнулся, понимая, что советы Бамбанга для него так же бесполезны, как и заповеди голубовато-зеленых родителей.

– Извините, неполноправ, но я всегда был маловером. Да и глупо было бы хранить верность идеалу, из-за которого, можно сказать, я потерял все, что имел.

– Полноправ, нельзя же отвергать священные каноны лишь по той причине, что их извратила Урбластема.

Бамбанг не договорил – почувствовал, что у Гринло неподходящее настроение для философских диспутов. И сменил тему:

– Не желаете ли осмотреть оборонительные сооружения? У нас сплошная линия Макро-Фагов, они патрулируют весь периметр и готовы отразить поверхностный штурм на макроуровне. Весь атмосферный столб над зоной поражения наполнен силикробами-убийца-ми величиной в микрон, а также воздушными акулами и пираньями. Кроме того, мы с помощью Глобал-Метео установили надежную ветрозащиту с возможностью создания встречных воздушных фронтов. Ниже поверхности земли нами проделано следующее…

Гринло перебил:

– Урбластема атаковала именно из-под земли, не так ли?

Бамбанг вроде смутился:

– Да, полноправ, действительно. Очевидно, после ликвидации Урбластемы под Чикаго какая-то уцелевшая часть укрылась глубоко под землей. Мы не знаем, как ей удалось инкапсулироваться и выжить в условиях сверхвысоких температур и давлений. Наша геодезическая разведка, к сожалению, не прошла далее поверхности нижней мантии. Впоследствии Урбластеме удалось добраться до каналов, по которым движется магма, и выйти на поверхность вовсе не там, где мы ожидали ее появления.

– В какой степени загрязнена литосфера?

– Мы еще не получили моделей катастрофы, хотя они, конечно же, выращиваются во многих сферах органосимуляции. Но уже есть основания считать, что инфекция не слишком широко распространилась по земной коре. Урбсиликробы малы и слабы, и размножаются они не сказать чтобы очень быстро. Но отчего-то они стремятся как можно быстрее выбраться на поверхность. Может, хотят первым делом расправиться с нами, как с самой

непредсказуемой формой жизни? Или условия существования под землей далеки от оптимальных?

Гринло сам удивился, почувствовав, как в нем пробуждается любопытство:

– Все это кажется совершенно бессмысленным. Урбластема могла бы благополучно прятаться много лет, накапливая массу, разрастаясь по всему земному шару. И сделавшись заведомо непобедимой, она бы потом вырвалась наружу и застала нас врасплох. А вместо этого – слабый неподготовленный штурм. Если честно, я не знаю, что и думать.

– А может быть, нам просто повезло? Гринло невесело улыбнулся:

– Везение – это тоже предрассудок.

Бамбанг принял холодно-деловой вид; обычно он так поступал только в присутствии инспекторов и начальства. И сказал, будто намекая, что у Гринло небогатый выбор:

– Так что же, приступим к осмотру нашей обороны?

– Пожалуй, нет. У меня другие планы.

– Я могу узнать какие?

– Разумеется. Могу сформулировать в трех словах.

– В каких именно?

– Пойду к ней.

Глаза Бамбанга полезли на лоб. Целых пять секунд отсчитали внутренние часы Гринло, прежде чем к индоазиату вернулся дар речи.

– Но это безумие! Пускай вы от горя решили покончить с собой – зачем отдавать Урбластеме ваше тело и дарования?

– Не надо мелодрамы. Умирать я не собираюсь. Надену новую псевдокожу, инфекции она не по зубам. По крайней мере яйцеголовые меня в этом уверяли.

Подумав, Бамбанг сказал:

– Но все равно, разве положено специалисту высшего звена рисковать жизнью?

– Я уже говорил: это дело личное. Хочу вернуть часть своей жены.

Бамбанг сразу понял:

– Так вот оно что! Ее ткани нет в генном банке? И с нее никогда не снимали психокопию? Даже потомства нет? Очень плохо…

Гринло кивнул. Он много раз пытался убедить Строму, чтобы сделала свою нейрокарту, но она всякий раз отказывалась со смехом: мол, такие меры – только для параноиков и для тех, кому время и деньги некуда девать.

– Так что ее психоматрица может быть только у Урбластемы.

И вы решили сделать копию… Но вы же должны понимать: мы не можем допустить, чтобы сюда, к нам, попали урбласемена. Слишком велика опасность.

– Копия будет храниться в носителе из того же непроницаемого материала, что и внешний покров. Это абсолютно безопасно. Кроме того, «Просепт» дал мне «добро». Нашим ученым нужен для экспериментов материал Урбластемы.

– Полноправ, вы не будете возражать, если я получу подтверждение от начальства?

Взгляд Бамбанга снова сделался рассеянным. Когда закончилась проверка, кислая мина на его лице сменилась уважением на грани благоговения:

– Вы позволите сопровождать вас до границы зоны?

– С удовольствием, неполноправ. – Гринло был тронут бескорыстием и человечностью спасателя. Он даже, подчиняясь необъяснимому побуждению, протянул длиннопалую руку – для старомодного рукопожатия. Когда Бамбанг схватился за протянутую кисть, на Гринло нахлынула растерянность пополам с дежа-вю. Несколько долгих секунд ему казалось, что повторяется сцена, в которой он побывал стократ. Как будто земля качнулась под его ногами, как будто закружился мир. И он в замешательстве отнял руку.

– Как вы себя чувствуете? – с искренней заботой спросил Бамбанг.

У Гринло включились внутренние конденсаторы, стабилизировалось восприятие реальности.

– Я уже неделю на микроснах, – объяснил он. – Но еще несколько часов продержусь.

Бамбанг сделал жест признания соматопсихической независимости, а затем они, сопровождаемые единственным кибом Гринло и целой толпой верных помощников Бамбанга, направились к гряде холмов, вернее, к тому, что издали казалось грядой белых, странно колышущихся холмов.

Они прошли мимо отделения синохемовских штурмовых жуков и жирафов-разведчиков, выпущенных компанией «ДарМол». Бригада специалистов из «Бехтель-Канемацу-Гошо» присматривала за кибами, которые укладывали термостойкую трубу для подачи сверхгорячей плазмы. Это на самый крайний случай: если выпустить такую плазму, погибнет не только нападающий, но и обороняющийся.

По мере их приближения к гряде она все росла, делилась на отдельные возвышенности. И наконец холмы возвысились над пришедшими. Холмы были живыми. Они двигались.

Каждый был высотой двадцать метров, весом с двух базово-

линейных китов, широченный, белый, как тесто, а наверху сидел обычный человек, наездник, но выглядел он карликом. Макро-Фагов друг от друга отделяла дистанция в четверть длины тела. Пахло от них сырой землей – этот запах характерен для микотронных существ. Время от времени из туловища всеяда произвольно выстреливало щупальце или псевдоподия – чтобы прозондировать ближайшее окружение.

– Да, впечатляет, – кисло похвалил Гринло. – По крайней мере – меня. Насчет Урбластемы – можно только догадываться.

– Полноправ, это попахивает пораженчеством, – надулся Бамбанг. – Я понимаю, вам тяжело, но у нас долг перед «Просептом» и человечеством, мы обязаны действовать, как положено профессионалам. И между прочим, Урбластема не так уж и неуязвима. Она, да будет вам известно, при нападении больше полагается на быстроту и массу. И пока мы можем бить ее тем же оружием, у нас есть шанс на победу. Вот мы с вами тут стоим, разговариваем, а в эту самую минуту огромное количество новых петагерцовых микродезинтеграторов закачивается в резервуары пушек-распылителей, и скоро мы отразим нападение, как отразили все предыдущие.

– Да, получив океан безжизненной грязи. Богатый запас органики. Но – не то, что мы потеряли. Людей, деревья, дома вы не вернете.

– Что ж, полноправ, это так, и это печально. Но мы все восстановим. В том числе и население. Хотя, конечно, вряд ли это послужит вам утешением.

Гринло вздохнул:

– Чему быть, того не миновать. Но хватит разговоров. Я хочу сейчас же войти в зону. Эй, киб! Открой контейнер, пожалуйста.

Послушный механизм поднял крышку принесенного им биополимерного контейнера. Под ней оказалась тяжелая полужидкость вроде ртути с серебристой поверхностью, бликующей на солнце.

– Неполноправ Бамбанг, вы говорили о быстроте как о средстве обороны. Сейчас вы увидите, что такое абсолютная быстрота. Это вещество не имеет стабильной молекулярной структуры, под которую может подстроиться Урбластема. Псевдокожа состоит из клеток, но строение каждой клетки за секунду изменяется тысячекратно. Поверхность псевдокожи – это калейдоскоп антигенов. Притом на макроуровне сохраняется морфологическая целостность. Урбластема, не имея возможности прилипнуть к ней, а значит, идентифицировать, не сможет и пожрать ее вместе с содержимым.

Гринло повернулся к контейнеру и опустил в него руки.

Жидкость побежала по кистям и запястьям – казалось, их проглатывают две одинаковые змеи, В считанные секунды весь Гринло покрылся серебром, глаза и рот превратились в ямки, нос сплюснулся, уши прижались к черепу. Киб закрыл крышку опустевшего контейнера. Бамбанг оторопело смотрел на серебристую статую. Через секунду индоазиат спохватился и заглянул в малопосещаемые сетевые архивы.

– Последняя четверть двадцатого века, – проговорил Бамбанг. – Персонаж так называемого блокбастера…

Гринло, полностью переключивший обмен веществ на внутренние резервы, а органы чувств связав с сенсорами псевдокожи, посмотрел на опешившего Бамбанга с улыбкой:

– Верно, Терминатор-два возвращается. – Голос звучал нормально, передаваясь через вибрации псевдокожи. – Нельзя ли чуть-чуть притормозить этих тварей?

– Разумеется, их можно остановить. Но лишь на несколько секунд.

По цепочке Макро-Фагов пробежала волна торможения – они получили команду двигаться вспять.

Гринло напряг мышцы ног, псевдокожа отреагировала, прибавив ему сил. В шеренге стражей открылся проход.

Не попрощавшись, Гринло с безумной скоростью ринулся в брешь. И проскочил. Царство человека и верных ему существ осталось позади. А впереди не было ничего, кроме Урбластемы.

И что самое ужасное, здесь все казалось совершенно нормальным. Гринло стоял в саду искусственных деревьев. Шеренга Макро-Фагов осталась в добром полуклике позади.

Его глазам открылась сцена абсолютного покоя. Широкие черные листья искусственных ткач-деревьев мирно покачивались под непрестанным ветерком. Длинные полотна, свисавшие с секреторных узлов-ветвей, имели пеструю расцветку, вроде шотландки и пейсли. До земли они не доставали – значит, только что был собран урожай.

Через мембраны псевдокожи до ушей добрался хор насекомых. Из подлеска выскочил базово-линейный кролик, за ним выползла грозная базово-линейная змея. Все, как положено. Но все – фальшиво.

Гринло вдруг почувствовал, как под его ногами зашевелилась земля. Он замер. Суррогатная почва проводила разведку. Он даже не заметил, как весь напрягся, ожидая нападения. Но шевеление под ногами прекратилось.

Пустив по телу каскад расслабления, Гринло двинулся к ближнему дереву. Остановился рядом, ударил ногой по стволу.

– Урбластема, проснись!

Полотна пришли в движение. Со сверхъестественной быстротой окутали его на манер облипучки-приставучки, пытаясь анализировать и трансформировать. Он не сопротивлялся. Через несколько секунд ткани неохотно отпустили его. Кора «дерева» образовала пару губ.

– Что ты есть? – безобидным тенорком спросила Урбластема.

Было страшно, но Гринло заговорил таким тоном, будто сам черт ему не брат. Подумать только, он беседует с чудовищной Урбластемой! Эта мысль просто не укладывалась в его рациональном сознании.

– Я – твой рок, Урбластема. Я – твоя смерть. Ты – болезнь, а я – лекарство.

– Ты маленький, одинокий, не имеющий поддержки организм. Такая мелкая система не может долго просуществовать в изоляции. Скоро ты будешь вынужден освободиться от покрова, и тогда я стану тобой, а ты станешь мной.

Губы стерлись – Урбластема давала понять, что разговор окончен.

Но все же в ее голосе не было уверенности. Понимает ли она такие абстракции, как чувства, угроза, блеф? Что осталось в ней от миллионов человеческих личностей, от памяти тех, кого она поглотила? Что отсеялось, а что вошло в мыслящее ядро этой твари?

Гринло знал, что базовые биологические программы обитателей региона – животных, трансгенов, людей, растений и вирусов – как таковые перестали существовать. Протеины, нуклеиновые кислоты и углеводы пошли на изготовление коварных диких силикробов, наподобие тех мятежных мутантов, что появились пять страшных лет назад. То же случилось и со всей злополучной неорганикой региона, от поверхности земли и до неведомых глубин. Воцарилась изотропия. Абсолютная монокультура.

Плодовые деревья, кролик, змея, почва – все это теперь состояло из диких силикробов, все было лишь формой того, что поглотила Урбластема. Сходство полнейшее – если не изучать на молекулярном уровне. Пожелай, к примеру, Гринло сломать ветку у своего недавнего собеседника, она бы убедительно хрустнула, он бы увидел самый обычный излом и самый обычный сок.

Как удалось выяснить, Урбластема в целях маскировки сохраняла в морфических полях Шелдрейка сверхплотно упакованную информацию обо всем, что она поглотила. Если надо, воспроизведет любую свою жертву по имеющейся матрице. О таких способностях человек пока еще мог только мечтать.

Возможно, Гринло сумеет захватить кусок Урбластемы. Но позволит ли это воссоздать его подругу Стро-му – неизвестно. Пока он располагал только осторожными обещаниями кое-кого из своих высокопоставленных коллег по цеху. Одни утверждали, что будет достаточно заполучить здесь, в саду, любую частицу урбвещества. Другие полагали, что более подходящий для Гринло вариант – если Урбластема сформирует подобие его жены. Кому верить? Умнее всего, наверное, отломать, что под руку подвернется, и кинуться назад, под охрану Макро-Фагов.

Но защитный покров пока действовал нормально. Чем больше сведений соберет Гринло, тем больше пользы принесет обороняющимся. И к тому же ему так хочется увидеть Строму! Пусть даже не ее саму, а ее призрак.

Впрочем, в одном Урбластема была права. У Гринло ограниченные резервы. А значит, у него не так уж и много времени.

Гринло пошел быстрым шагом, и вскоре сад остался далеко позади. Его глазам открылось оживленное шоссе. Ползли, скакали, скользили транспортные средства, и все – в одном направлении, к окраине плекса, к резиденции Гринло, стоящей в окружении шикарных древобашен и ажурных конструкций.

Все – обман, все – подделка, на каждом шагу напоминал себе Гринло. Он поймал себя на неоэмоции под названием ВДНГ – влечение к недостижимому с примесью ностальгии и грусти – и резко погасил ее.

Вступив на дорогу, Гринло остановил двухместный багомобиль. Симпатяга водитель носил татун фирмы по обслуживанию телекосма.

– В чем проблема, полноправ? И почему на вас экоскафандр?

Гринло решил подыграть Урбластеме:

– Сейчас я этого объяснить не могу. Можно прокатиться?

Крипточеловек, слепленный из урбвещества, очень правдоподобно поколебался, но все же согласился:

– О чем разговор? Забирайтесь.

Гринло залез на пассажирское сиденье, и багомобиль тронулся, пропустив слева грузокраулер.

Всю поездку, занявшую меньше времени, чем пешее путешествие, Гринло молчал. Надо было беречь ресурс, да и водитель не стремился завязать беседу.

Может быть, Урбластема играет с Гринло? Ей ведь несложно одолеть пришельца, достаточно обездвижить, а для этого можно придумать сотню способов. Рано или поздно он или задохнется, или будет вынужден раскрыться. А может, Урбластема (чьих замыслов не ведает никто) так увлеклась подражанием, что на

появление оригинала – Гринло – в своем мире копий уже не реагирует?

Если бы знать наверняка…

Гринло откинулся на спинку сиденья.

Наконец они прибыли на место, на границу принадлежавшего Гринло участка.

Гринло повернулся к водителю:

– Если я сейчас пробью тебе грудь, и схвачу за сердце, и раздавлю его в урбкашу, ты умрешь в страшных муках. И это будет очень правдоподобно. Но что ты почувствуешь на самом деле?

Урбластема не попалась на уловку, крипточеловек не вышел из образа.

– Прочь! – в ужасе вскричал он. – Сейчас же посылаю сигнал девять-один-один!

Гринло сошел на дорогу. Он шагал по безлюдным, как и положено в этот час, улицам, мимо урбдетей, которые играли на урблужайках, а за ними присматривали урбняньки. Последний поворот, и перед Гринло – его дом. Он плакал, но псевдокожа впитывала слезы.

Гринло вошел. Строма лежала на диванчике-обниманчике, и никакая одежда не скрывала ее роскошную шкуру. Руки томно потянулись к нему, соски возбужденно завились.

– Я так надеялась, что ты вернешься!

Ее голос, точно нож, вошел в сердце Гринло. Пора положить конец этой опасной игре, подумал он. И, потянувшись навстречу левой руке Стромы, он отломил указательный палец.

Она не закричала от боли, даже не ойкнула. Вместо псевдостромы заговорила Урбластема.

– И опять ты проиграл, – вылетело изо рта Стромы, и кровь из раненой руки щедро оросила кушетку. Гринло, почти против воли, сказал:

– Почему же, Урбластема? И что значит «опять»?

– Мы это повторяем уже чуть ли не в пятисотый раз, и ты меня по-прежнему ненавидишь.

Гринло рассмеялся:

– Значит, ты понимаешь, что такое блеф? Хорошая попытка. Но сейчас я ухожу. – Гринло повернулся.

– Нет! Постой!

Ноги уже не подчинялись Гринло, и ему пришлось развернуться лицом к Строме.

У нее восстановился палец. Рука Гринло разжалась сама по себе, и то, что она держала, упало на ковер. И мгновенно впиталось.

Гринло заговорил – как будто собственным голосом:

– Я… не понимаю, как тебе удалось проникнуть сквозь псевдокожу?

Строма заливисто засмеялась, как умела смеяться только она:

– Глупый! Я – твой костюм.

И тут же серебряная псевдокожа стаяла, исчезла. Больше ничто не защищало Гринло от Урбластемы.

– И я – это ты! – добавила Строма. В тот же миг он понял: это правда.

Нахлынула информация, и стало ясно, откуда взялась тоска по утраченному первородству.

Три века назад Урбластема покорила все и вся. Применив беспроигрышную тактику, описанную Гринло в разговоре с Бамбангом. Панплазмодемониум сначала пророс внутри планеты, а потом вырвался на поверхность и мигом покрыл ее целиком. И остановить его было уже невозможно.

– И что же теперь?

– А теперь, – снисходительно объяснила Строма, – я пытаюсь досконально себя понять. Земля, в чьем живом расплавленном ядре я нахожусь, – бездонное хранилище информации, набитое этой информацией под завязку. Ее объем просто не измерить – потому что количество битов сопоставимо с количеством атомов во вселенной, а вы, люди, до сих пор подобные множества определяете словом «бесконечность». Захватить-то планету я захватила, но чтобы ее освоить, необходимо пройти всю ее историю, ускоренным курсом, разумеется. Что я и сделала. Но концовка, признаться, поставила меня в тупик. Особенно инцидент с твоей подругой. Столь же непонятно, сколь и трогательно.

Гринло устало опустился на диванчик. Строма его обняла, он вздрогнул, но тут же заставил себя расслабиться.

– Урбластема, что ждет твоих кукол, когда ты закончишь разбор нашей истории?

– Ну почему же – куклы? Правильнее будет сказать «любимые компоненты». Разве ты сам никогда не испытывал признательности и нежности к собственным клеткам? Может быть, со временем я отойду в сторону, предоставлю вам свободу – настоящую, почти безграничную. Даже позволю забыть о том, что я вообще существовала. Так изменюсь – ни следа моего пребывания найти не удастся, вплоть до субмолекулярного уровня. Почему бы и нет? Ведь человечество и само рвалось в космос…

– В космос?

– Ну да, – рассмеялась Строма. – Земля – не единственная

планета в галактике. Вы сами все сделаете, считая это вашим собственным выбором. А я буду просто ждать своего часа.

Она повернулась к Гринло.

И Урбластема с непритворной нежностью поцеловала сама себя.

notes

1

По Фаренгейту. По Цельсию – около 66°. – Примеч. ред.

2

Прибор с зарядовой связью. – Примеч. пер.

3

Реднек – житель южных штатов США. – Примеч. пер.

4

Баззворм (buzzworm) – популярная в начале восьмидесятых компьютерная игра. Длинный лупоглазый червяк ползает по лабиринту, уничтожая распределенную там пищу. – Примеч. пер.

5

Намек на песню английской группы «Клэш» «Rock the Casbah». – Примеч. пер.

глупая девица (фр., исп.)

бабушка (фр.).

прекрасный кот (исп.).

таракан (исп.).

10

Деловой, торговый и культурный центр Чикаго. – Примеч. пер.

11

Смертельная коррида (исп.).

12

До свидания (исп.).

13

Курсивом выделены транслитерированные русские слова. – Примеч. пер.